

ЗЛО ТОРЖЕСТВУЕТ

М А Й К Л
СТЭКПДЛ

ЗЛО ТОРЖЕСТВУЕТ

СТЭКПДЛ

М А Й К Л

СТЭКЛД

ЗЛО

ТОРЖЕСТВУЕТ

ас+
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
1999

ББК 84 (7США)
С88

Michael A. Stackpole
EVIL TRIUMPHANT
1992

*Перевод с английского Е.Г. Поляковой
Серийное оформление А.А. Манохина*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Baror International, Inc. и «Права и переводы» (Москва).

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Стэкпол М.

С88 Зло торжествует: Роман / Пер. с англ. Е.Г. Поляковой. —
М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. — 432 с.
ISBN 5-237-04452-2

Они шли из разных концов земли. Шли разными дорогами. Их пытались убить — снова и снова, но убить их было непросто. Они — трое. Те, чьи пути должны однажды сойтись. Потому что такова единственная и последняя надежда людей на выживание. Потому что зло живо. Потому что зло торжествует, могущественное и безнаказанное. Потому что рожденные тьмой — все сильнее, и все больше становится тех, кто, утратив память, волю и душу, обратились в марионетки мрака. Все больше зла. Все больше крови. Все больше смерти. Все меньше остается времени...

© Game Designer's Workshop, Inc., 1992
© Перевод. Е.Г. Полякова, 1999
© ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999

НЕОСМОТРИТЕЛЬНОЕ ПОБЕЖДЕНИЕ

1.

Очнуться с ощущением, будто твой череп изнутри раздирают когтями, не слишком приятно. А еще неприятнее осознать, что это ощущение вещает о скором прибытии Темного Властелина. Большинство людей пребывает в милосердном сумраке неведения относительно Темных Властелинов, но те из посвященных, кому доводилось пробуждаться подобным образом, обычно с воплями бегут прочь от источника беспокойства.

Я и оба моих спутника ждали Темного Властелина во мраке и холоде измерения, где даже пахло, как в склепе. Густой туман, подступив к нам вплотную, приобрел розоватый оттенок, и мы почувствовали на губах медный привкус крови. В черном небе над нами, пронзая плотную дымку, кружили какие-то твари. Хлопанье крыльев то приближалось, то отдалялось, но напасть на нас они не рискнули.

Я повернулся к человеку, стоящему рядом со мной. Во всех измерениях, кроме Земли, он казался объемной тенью, темным силуэтом художавого мужчины с эспаньолкой.

— Кто выбирал место встречи, ты или он?

Кроули пожал плечами и поглядел на открытый затвор «Мака-10», который держал в правой руке. На его безымянном пальце блеснуло золотое кольцо — единственное цветное пятно в его силуэте.

— Я. Оно находится соблазнительно близко к родному измерению Пигмалиона и обладает определенными свойствами, которые Скрипичнику придутся не по вкусу.

Я приподнял бровь:

— Но он же сейчас наш союзник.

Мой второй спутник покачал головой:

— Уж ты-то, Койот, лучше любого другого должен бы знать, что Темные Властелины заключают союзы только по собственной прихоти и только в собственных интересах. Поверить Темному Властелину — значит нарисовать мишень у себя на груди.

Я кивнул Йидаму. Я понимал горечь, прозвучавшую в его словах. Темные Властелины сломали Йидаму жизнь. В отличие от меня и Кроули он родился на другой планете. Вместе с женой Йидам прилетел на Землю в составе экипажа межзвездного корабля — мы, земляне, назвали бы его НЛО. Скрипичник уничтожил корабль, и вместе с остальными погибла жена Йидама. После этого он поместил дочь в стасис-капсулу, а сам нашел убежище в тибетском монастыре, защищенном от влияния Скрипичника.

Прежде, как мне говорили, Йидам носил имя Викрам и облик имел, схожий с человеческим. Но три десятилетия, проведенные в монастыре, изменили его. Молитвы монахов преобразили Викрама в Йидама, трехметрового буддистского духа-хранителя с четырьмя руками и мощными клыками, выпирающими из нижней челюсти. Даже собственная дочь с трудом узнала его, когда они встретились снова.

— Я не собираюсь доверяться Скрипичнику, но мы же согласились, что нам нужно его могущество. Иначе нам не справиться с Пигмалионом.

Пигмалион — бывший протеже Скрипичника — был еще одним Темным Властелином; он увел с собой наследника императора Японии Риухито. Нынешний император, дед Риухито, опасался, что под влиянием Пигмалиона внук может использовать во зло могущество, которым от рождения наделены правители Японии, в чьих жилах течет кровь богини Аматаэрасу.

— Единственный способ одолеть Темного Властелина — натравить на него другого Темного Властелина.

На лице Кроули мелькнула тень потаенной улыбки — во всяком случае, мне так показалось, потому что, как я ни старался, уловить его эмоции мне не удавалось.

— Не забывай, Койот: если мы с помощью Скрипичника сумеем одолеть Пигмалиона, потом нам придется схватиться и с ним.

Я кивнул и почувствовал, как по спине у меня пробежала дрожь. В следующее мгновение у меня в голове возник гул, похожий на жужжание миллиона мух, облепивших разлагающийся труп. Я слышал его так, словно этот труп был моим, но мозг жил в темнице мертвого тела, и понял, что надо мной куражится Темный Властелин. Йидам поморщился — несомненно, и с ним Скрипичник развлекался таким же образом.

Словно желто-зеленая субмарина, бесшумно всплывающая из глубин океана, Темный Властелин, известный под именем Скрипичник, вполз в измерение, выбранное Кроули. Его восемь рук и ног двигались медленно, словно ткань этой реальности опутала его невидимой паутиной. Он запрокинул яйцевидную голову и заработал жвалами, будто пытался прогрызть незримый барьер и добраться до нас.

Я почувствовал, как в нем нарастает раздражение. Потом раздражение сменилось яростью, которая выплеснулась на нас с физической силой. Горячая волна сбила меня с ног; из глаз хлынули слезы. Я медленно поднялся, вытер лицо рукавом и огляделся.

Йидам тоже упал, но Кроули каким-то образом устоял на ногах. Я вновь попытался прощупать его эмоции, и вновь ничего почувствовал — только по его позе можно было бы предположить, что он чрезвычайно гордится собой. Кроули запрокинул лицо к огромной твари, нависшей над

нами, и поприветствовал Скрипичника единственным сухим кивком.

— Полагаю, тебе не нужно представлять никого из присутствующих?

Согласен, это не обя-з-з-ательно, — разразился Скрипичник знакомым мушиным жужжанием. Сколько раз оно звучало у меня в мозгу! — З-з-здесь собрались старье з-з-знакомые. Мы с тобой, и два моих соз-з-здания.

Ты слишком самонадеян, монстр, — яростно огрызнулся Йидам.

Кроули поднял левую руку.

— В мысленной речи нет необходимости. Это протоизмерение проницаемо для звуковых волн. Кроме того, оно обладает еще одной особенностью. Барьер между нами защитит каждого от недобудуманных действий других.

Я нахмурился:

— Как это?

Кроули направил «Мак-10» на Скрипичника и нажал на курок. Прогрохотали три выстрела, и я увидел язык пламени, вылетевший из ствола. Но пули, не пролетев и двадцати метров, замерли в воздухе. Они не сплющились и не отскочили от невидимой преграды, а просто остановились, как будто увязли в воздухе.

— Это измерение доступно не только для звуковых волн, но и для живых существ — только с некоторыми ограничениями. — Кроули движением головы указал на Скрипичника. — Он не может воспользоваться своими способностями.

— Только з-з-здесь, человечиншко. — Скрипичник-Властелин с видимым усилием наклонил голову и устремил взгляд всех своих восьми глаз на Кроули. — Ты сделал з-з-замечательный выбор. В знак уваж-ж-жения к твоей осмотрительности я буду наз-з-зывать тебя Кроули, а не твоим истинным именем.

— Истинным именем?

Кроули повернулся ко мне и пожал плечами.

— Ему нравится думать, будто он знает все. — Человек-тень снова перевел взгляд на Темного Властелина. — Но, по-моему, ты знаешь меня не лучше, чем знал Пигмалиона, Скрипичник.

Это замечание вызвало новую вспышку. На нас опять дохнуло жаром, словно в пустыне Аризоны.

— Мы долж-ж-жны уничтож-ж-жить Пигмалиона. Не забывайте об этом, ибо наше пораж-ж-жение будет оз-з-значать гибель вашего драгоценного мира. — Его гнев утих. — Есть лишь один путь добиться успеха. Вы помож-ж-жете мне проникнуть в его крепость.

Я нахмурился:

— Ты умеешь перемещаться по измерениям, следовательно, можешь отыскать Пигмалиона сам. Мы тебе ни к чему.

Йидам покачал головой:

— Он действительно нуждается в нас, Койот, поскольку энтропическая природа реальности против него. Между измерениями существуют барьеры, энергетические и материальные. Чтобы их

миновать, ему необходимы посредники среди обитателей определенных измерений.

Кроули кивнул в подтверждение слов Йидама.

— Ему понадобились люди, чтобы построить маглев в Фениксе и превратить эту транспортную сеть в межпространственные врата. Так и теперь — ему не обойтись без нас, если он хочет попасть в измерение Пигмалиона.

— Вы мне их постройте, — Скрипичник поднял передние конечности и вытянул их во всю длину, звено за звеном, — воспольз-з-зовавшись чертеж-ж-жами тех врат, что строил для меня Неро Лоринг.

У меня в макушке начала зарождаться пульсирующая боль.

— Невозможно. Маглев больше сорока пяти километров в длину и восемь километров в диаметре. На его постройку ушло двадцать лет. Может быть, я что-то упускаю, но мне кажется, у нас нет двадцати лет в запасе. — Перед моим мысленным взором возник образ взрослого и поразительно искусного воина, которого Пигмалион создал из пятилетнего мальчика Мики. — Пигмалион скрылся с Риухито два дня назад. Держу пари, он уже на пути обратно. Придумай другой способ.

— Другого способа не существует, Койот. — Конечности Скрипичника сложились на манер телескопа. — Какое-то время у вас есть, ибо Пигмалиону будет нелегко подчинить себе Риухито.

Будь это просто, внук императора давным-давно был бы моим.

— Прекрасно, дай нам две недели или два года — это не имеет значения. Ты просишь невозможного.

Кроули положил руку мне на плечо.

— Мне кажется, мы сумеем справиться с этой задачей, и быстрее, чем ты думаешь. Император обещал предоставить нам любые ресурсы, какие потребуются. Да и «Лорика» располагает необходимым техническим потенциалом и средствами.

— Это я знаю, Кроули. — Я непроизвольно сжал кулаки. — Но неужели ты не понимаешь? Нам предлагают построить сооружение, требующее высочайшей технологии, в мире, который в лучшем случае можно считать вражеской территорией. Ты представляешь себе, сколько времени и сил понадобится, только чтобы расчистить участок, я уж не говорю о самом строительстве? Нам придется не только защищать нашу строительную площадку, но и поставлять топливо, запчасти, рабочих и операторов для управления машинами. Кеннеди во время Карибского кризиса было бы легче перестроить Кремль, чем нам выполнить то, чего от нас хочет Скрипичник.

— У моей 3-з-забавы есть другие предлож-жения?

Когда Темный Властелин употребляет по отношению ко мне слово «забава», я чувствую себя так, словно меня закатали в простыню, намоченную ледяной водой. Холодная тяжесть сразу сдавила мне грудь.

— Ты же сам создал меня, Скрипичник. Разве ты не сотворил для себя убийцу, готового поразить твоих врагов? Или я не твое оружие?

— Да, ты им был. — Паукообразный гигант поглядел на меня, тщетно стараясь изобразить благосклонность. — Но это было до Риухито.

Кроули кивнул.

— Теперь, с Риухито, Пигмалион скорее всего найдет тебя и обезвредит прежде, чем ты успеешь его хотя бы коснуться.

— Отлично! Но с тем же успехом он может обнаружить и пресечь наше строительство. Какое же в таком случае нам выбрать измерение для постройки врат?

Человек-тень на шаг отступил.

— Сосредоточься на мне, Койот. Что ты чувствуешь?

Я выполнил его просьбу. Воспользовавшись навыками, которые мне прививали долгое время, я отрешился от всяких мыслей и позволил своему сознанию течь свободно, подобно рыбацкой сети, дрейфующей по океану. Я поймал Йидама, стоящего у меня за спиной, и безошибочно узнал его по множеству характерных черточек, которые научился распознавать еще в Тибете. Слева от себя я ощутил Скрипичника. Он представлялся мне твердым кристаллом, который пульсировал черным светом и еще более черными чувствами. Его мерцание было ужасно, и в то же время оно завораживало.

Он был воплощением могущества.

А Кроули, который стоял справа, словно не существовал. Казалось, он так же нематериален, как тень, в которую он укутывался в других измерениях. Моя мысленная сеть прошла сквозь него беспрепятственно. Я видел его, я знал, что могу вытянуть руку, и, коснувшись его, почувствую тепло, но для моего внутреннего зрения, которое позволяло мне безошибочно ориентироваться в чужих измерениях, он был прозрачен.

— Я тебя не чувствую.

— И Пигмалион не почувствует. А я могу за ним следить и отыскать слабые места в его обороне. — Кроули показал на Йидама. — Он тоже умеет создавать такой щит. Мы можем произвести рекогносцировку вдвоем.

— Ладно, пусть нам удастся обнаружить Пигмалиона и какое-то время оставаться незамеченными. Но это не решает вопроса со снабжением и рабочими.

— Сдается мне, что нам нужно обеспечить только специалистов. — Кроули кивком показал на Скрипичника. — Трудяг он нам поставит. Плутониане, если дать им четкие указания, будут идеальными чернорабочими.

Я хорошо помнил громадных обитателей протоизмерения, называемого Плутонией. Эти шоколадно-коричневые гигантские насекомые величиной напоминали слонов, а внешним видом и структурой своего общества — муравьев. Они славились способностью плести довольно прочную паутину, а общались между собой посредством

но некое амебообразное существо тянуло свои отростки, пытаясь удержать новорожденного.

Бледная, почти белая фигурка свалилась с головы Скрипичника на землю. Ее лапки подогнулись, и она упала у ног Темного Властелина, а жидкость стекала на нее, обволакивая и грозя похоронить под собой. Создание распрямило лапки, и в тот момент, когда оно подняло голову, приняв вертикальное положение, мне показалось, будто передо мной миниатюрная копия Скрипичника, вырезанная из слоновой кости.

Создание двинулось вперед, через невидимый барьер, отделяющий нас от Темного Властелина. В первое мгновение я принял его за робота, которого движет только воля Скрипичника, но существо вдруг замедлило шаг. Оно остановилось возле висящих в воздухе пуль и, наклоня голову то направо, то налево, принялось их разглядывать. Я увидел разум в глазах существа и почувствовал нетерпение его господина.

— Это Вета. Ее глаз-з-за будут моими глаз-з-зами. То, что уз-з-знает она, буду з-з-знать я. — Рана во лбу Скрипичника затянулась. Он нагнулся, словно хотел погладить Вету, но уже не смог коснуться ее. — Когда я понадоблюсь вам, она со мной свяж-ж-жется.

Фигура Скрипичника заколебалась: он покидал измерение.

И не вз-з-здумай предать меня, моя з-з-абава. Я тебя соз-з-здал, я могу тебя и уничтож-ж-жить. Преуспеешь — и я подарю тебе власть над всеми, кроме меня самого.

Голос у меня в голове затих, и, прежде чем я успел ответить, Скрипичник исчез. Я больше не ощущал его присутствия.

Кроули повернулся ко мне:

— Что?

— Ничего.

Я огляделся и покачал головой. Я находился в мире, где воздух пах смертью. Со мной был человек-тень, буддистский демон и бледная тварь — порождение монстра, который желал всего-навсего владычества над Вселенной. С такими соратниками мне предстояло выяснить, где скрывается враг и возвести сооружение, основанное на высочайшей современной технологии в сроки, которые, по большому счету, можно назвать мгновением ока. И сделать это необходимо втайне от врага, чтобы потом захватить его врасплох. Я улыбнулся.

— Вам известно, что наши шансы на успех колеблются где-то посередине между призрачными и нулевыми, не правда ли?

Кроули кивнул.

— И что?

— А то, — засмеялся я, — что нам нужно постараться, чтобы они стали хотя бы призрачными. За работу.

2

Кроули повел нас через протоизмерения обратно, к Земле. Местом нашего назначения был комплекс, пожалованный нам императором Япо-

нии. Арриго Эль-Лехтер создал на Кимпунсима — искусственном острове в Японском море, который служил резервацией для иностранцев, живущих в Японии, — Институт Галактического Братства, Галбро, как обычно его называли. Эль-Лехтер был одним из фаворитов Скрипичника и даже внес свой вклад в мое обучение, пока меня тренировали в Галбро. Да, я вырос здесь, но несмотря на то, что провел в Институте Галактического Братства практически всю свою жизнь, не чувствовал себя в Галбро как дома.

Пока мы шли в кабинет, который Эль-Лехтер некогда называл своим, я размышлял над тем, что жизнь, проведенную мною в Галбро, где из меня ковали оружие Скрипичника против Пигмалиона, можно считать прошлой жизнью. Не в буквальном — поскольку физически в этот промежуток времени я не умирал, — но в духовном смысле эта жизнь кончилась. Когда прежний Койот, мой предшественник, похитил меня и при помощи химических препаратов вызвал у меня амнезию, он уничтожил личность, созданную Скрипичником.

Потом он меня воссоздал — по своему образу и подобию. Он сделал меня своим наследником и сумел доказать мне, что его наследство, легенда о нем, должны существовать и после его смерти. Он открыл мне глаза на пагубный недуг, который грозит превратить человечество в ничто, и научил меня с ним бороться. Он убедил меня, что обязан сражаться с ним именно я.

Кабинет, куда мы пришли, был оборудован со всей роскошью, которую ожидаешь увидеть во владениях преуспевающего руководителя. Толстый плюшевый ковер цвета слоновой кости так гармонировал с окраской Веты, что она казалась скульптурой, каким-то образом выросшей из него. Угольно-черная кожа Йидама и его золотистые клыки тоже выглядели здесь совершенно уместно, поскольку высокие — под потолок — книжные полки у него за спиной были изготовлены из эбенового дерева, а петли, ручки и замки на стеклянных дверях были позолоченными.

Только мы с Кроули выбивались из общего стиля, и Кроули, казалось, чувствовал себя здесь неуютно. Он вновь обрел плоть — и этого художавого, подтянутого человека можно было бы принять за хозяина кабинета, если бы не его наряд: черная одежда, пластиковый бронежилет, пояс, ошетилившийся обоями, и две автоматические винтовки — одна в руке, другая за спиной.

На мне тоже был кевларовый бронежилет, хотя только наметанный глаз мог заметить его под моей зеленой водолазкой. Эта водолазка в сочетании с горчичного цвета слаксами и белым свитером с клинообразным вырезом придавали мне вид преуспевающего бизнесмена, на минутку заскочившего в офис перед поездкой в гольф-клуб.

Правда, образ процветающего бизнесмена возник только после того, как я снял обе кобуры и сунул «крайты» в ящик бюро, которое стояло позади моего стола.

Убрав пистолеты, я посмотрел на наручные часы. Судя по стрелкам, было девять часов пятнадцать минут утра, но цифровой дисплей показывал 13.00. Я уже привык к тому, что время в протоизмерениях течет иначе — быстрее или медленнее, — чем на Земле, но противоречивые показания электронного и механического циферблатов постоянно напоминали мне об этом. К несчастью. Если бы не часы, у меня всегда оставалась бы возможность вообразить, что все увиденное и сделанное мною в других мирах — один надолго затянувшийся кошмарный сон.

— Здесь уже день. — Я плюхнулся в громоздкое кресло перед XR-8500 и посмотрел на широкую плоскую поверхность. Стеклянная крышка стола представляла собой один большой сенсорный экран компьютера. Я прижал палец к мигающему символу часов, и экран заполнился сообщениями моих административных помощников. Перед каждым сообщением было проставлено время. Я пробежал их глазами и нахмурился. — Лилит забрала отца и сестру Мики из аэропорта. Они вот-вот будут здесь.

Кроули сочувственно кивнул.

— Прими мои соболезнования. — Он повернулся к Вете: — Пойдем со мной, надо тебя устроить. Если ты сообщишь мне о своих предпочтениях в том, что касается пищи и жилья, я отдам необходимые распоряжения.

Бледное создание кивнуло и направилось следом за Кроули к боковой двери кабинета. Я поднял голову и окликнул Йидама:

— Буду весьма признателен, если ты останешься и поможешь мне. Они видели твою дочь и поэтому, наверное, не слишком удивятся, увидев тебя....

Йидам покачал головой и сложил обе пары рук на груди.

— Нет, не думаю, что они готовы к встрече со мной. Но ты не волнуйся, все обойдется. Я уверен, что родные мальчика обязательно почувствуют правду, как почувствовала ее моя дочь. Она тоже потеряла меня, а потом нашла и узнала, хотя я уже не тот, каким она меня помнит. — Он беспомощно развел верхними руками — забавный жест у существа столь устрашающей внешности. — Последние тридцать лет слишком сильно меня изменили.

Я выдавил из себя сочувственную улыбку. Йидам и его дочь, Раджани, принадлежали к внеземной расе, называемой джесда. Представители этой расы были психомиметиками — другими словами, они обладали способностью копировать тип мышления и физиологию тех существ, с которыми им доводилось долго быть рядом. Своего рода мимикрия. Правда, большинство джесда лишается этой способности к шестилетнему возрасту. Но Йидам и его дочь не принадлежали к большинству. Они были адептами некоего философского учения — или, быть может, религии, — называемого «эсдитра». Оно позволяло с помощью особых приемов и тренировок сохранять психомиметические способности на протяжении всей

жизни и даже в известной степени управлять своими изменениями.

Раджани родилась на Земле и выросла среди людей — поэтому физиологически и психологически она была ближе к людям, чем к своим соотечественникам; ее родители, долгое время бывшие членами экипажа корабля, состоявшего из представителей другой внеземной расы — ките-ра, — стали такими же, как они. Но молитвы буддистских монахов вновь изменили Йидама, и теперь он был таким, каким, по их мнению, должен быть демон, защищающий монастырь.

— Нам с тобой не часто выпадает возможность повидать Раджани, но, судя по рассказам, она открытая и жизнерадостная девушка. Синклер высоко ее ценит, а его мнение что-нибудь да значит. У Раджани блестящие способности, она уверена в себе, так что она не будет от тебя зависеть, но все-таки ты ей нужен. Ты — единственное звено, связывающее ее с матерью и с прошлым.

— Я знаю. Что до меня, то я считаю ее звеном, связывающим меня с будущим. — Йидам улыбнулся. От его улыбки могло бросить в дрожь кого угодно. — Просто трансформация, которой я подвергся, затронула не только мой физический облик. Монахи видели во мне божество, и хотя я не обладаю способностями и могуществом, которые приписывают истинному Йидаму, у меня появился некий божественный взгляд на мир. Мне это не по душе.

— Может быть, заново узнав свою дочь, ты обретешь душевное равновесие?

— Надеюсь, Койот. — Он посмотрел в окно на внутренний дворик. — Она там, внизу, с Мики и Батом. Пойду поговорю с ней.

— Удачи тебе, друг.

Когда Йидам вышел через боковую дверь, которой до этого воспользовался Кроули, XR-8500 заиграл приятную мелодию. Я коснулся картинки, изображающей микрофон.

— Да?

— Мистер Лоринг, прибыл мистер Фарбер с дочерью. Проводить их к вам?

— Да, Лилит, пожалуйста, — еще раз нажав на значок, я выключил интерком, потом встал и обошел стол. Дверь распахнулась, и моя белокурая помощница ввела в кабинет гостей.

— Рад видеть вас. Меня зовут Микаэль Лоринг.

— Тед Фарбер.

Отец Мики протянул руку, и мы обменялись рукопожатием. Его ладонь была дряблая, влажная и бледная и казалась синеватой на фоне моей загорелой руки. Пиджак и брюки Фарбера были, по-видимому, от одного костюма, но не вызывало сомнений, что он купил их на дешевой распродаже, лет эдак десять назад. С тех пор он изрядно отощал, поэтому костюм висел на нем, словно Тед участвовал в рекламе клиники радикального похудения. Жидкие волосы соломенного цвета были расчесаны на пробор, открывая широкий лоб.

— А это Дороти.

Дочь Фарбера шагнула вперед и подала мне руку. Девочка явно чувствовала себя неловко в цветастом платье, белых перчатках, белых чулках и в черных кожаных туфлях, но мужественно старалась не подавать виду. Рукопожатие Дороти оказалось крепче, чем у ее отца. Ее медового цвета волосы были зачесаны назад и закреплены ободком; ясные голубые глаза смотрели на меня с жадным любопытством.

Я жестом пригласил гостей занять кресла, стоящие перед столом.

— Могу я предложить вам что-нибудь, прежде чем мы начнем? Кофе? Содовую? Пиво?

Когда я упомянул пиво, глаза Фарбера загорелись, но тут же снова потухли. Не глядя на дочь, он уставился в пол и покачал головой.

— Спасибо, ничего не нужно.

— Дороти?

— Мне тоже ничего.

— Ну, хорошо. — Я улыбнулся. — Может быть, мы захотим чего-нибудь попозже. Я позвоню вам, Лилит, если нам что-то понадобится.

Лилит вышла через центральную дверь в приемную, оставив меня наедине с нашими гостями. Я вернулся к своему креслу и сел.

— Прежде всего я должен поблагодарить вас за то, что вы решились проделать столь неблизкий путь, имея скудные представления о цели вашей поездки. Мне известно, что мои помощники более чем неразговорчивы, и я высоко ценю вашу готовность мне доверять.

Тед поднял глаза и встретился со мной взглядом.

— Нам сказали, что вы знаете что-то о Мики. — Он непроизвольно нашарил руку дочери. — Это правда, мистер Лоринг?

Я кивнул и откинулся на спинку кресла. Жизнь изрядно потрепала Теда Фарбера; из рассказа Раджани я знал, что отец Мики продал свое право голоса компании «Дадзамоку», которая контролировала северную часть Аризоны. Жена Теда скончалась после затяжной болезни, и он начал пить. Он настолько опустился, что согласился продать собственных детей. Потом, когда Раджани вернула ему детей, он начал потихоньку выкарабкиваться из пропасти, и тут пропал Мики.

Одурачить Фарбера не составляло никакого труда. Жизнь его сломала. Он больше не желал воспринимать мир адекватно, и его способность критически мыслить атрофировалась. Все, что утверждали сильные мира сего, он принимал за чистую монету. С первого же мгновения я понял, что сумею придумать историю, в которую он поверит, но вот его дочь — совсем другое дело. Я видел, что она обладает острым умом и сметливостью девчонки, выросшей на улице. Ее обмануть вряд ли удастся.

— Да, мистер Фарбер, это правда. Называйте меня Микаэлем, пожалуйста. Я узнал, что ваш сын Мики пропал.

В небесно-голубых глазах Дороти мелькнуло подозрение.

— Узнали? Но мы никому не говорили.

Я ответил ей честным взглядом.

— У меня есть много источников информации, Дороти. Можно я буду называть тебя Дот? Так называет тебя брат, и я уже привык мысленно называть тебя так же.

Девочка осторожно кивнула, но ее взгляд, устремленный на меня, по-прежнему напоминал мне взгляд мангуста, изучающего кобру.

— Вы знаете, где Мики?

— Знаю. Видите ли, когда я услышал о нем... Ну, меня в детстве тоже называли Мики. Сам не знаю почему, но его поиски стали для меня личным делом. Я был преисполнен решимости его отыскать, но мне не хотелось ставить вас в известность о моих попытках, не хотелось будить в вас надежду, которая могла оказаться напрасной, если бы я потерпел неудачу.

Тед что-то промышал; выражение лица Дороти немного смягчилось, но девочка по-прежнему держалась настороженно.

— Можно ли нам увидеть его? С ним все в порядке?

— Все в свое время; да, Мики чувствует себя превосходно, — сказал я, осторожно подбирая слова. — Но он изменился.

Фарбер вскинул голову.

— Изменился?

— Субъект, похитивший вашего сына, он... как бы это лучше сказать... психически болен. Он невероятно талантлив, но, страдая манией величия, вообразил себя чем-то вроде скульптора. В

качестве материала он выбрал человеческое тело. Он мог бы прославиться, если бы не предпочитал работать над незащитными людьми, которые не в состоянии ему воспротивиться.

— О чем вы говорите, мистер Лоринг... Микаэль? — Голос Фарбера дрожал от тревоги, словно камертон. — Как он посмел что-то сделать с Мики? Он что, чудовище? Ведь Мики совсем малыш! Пятилетний мальчуган!

Как объяснить человеку вроде Теда Фарбера, кто такой Темный Властелин?

— Вы правы, он — чудовище. Хотя изменения, которым он подверг вашего сына, во многом благоприятны. Он убрал дефект, называемый «волчья пасть», и ликвидировал все последствия хронического ушного воспаления. Насколько я вижу, Мики очень похож на вас, как и ваша очаровательная дочка. — Я встал и с трудом удержался от того, чтобы бросить взгляд в окно. — Я не хотел пугать вас, Тед. Мики сейчас гораздо лучше чувствует себя, чем вы даже можете вообразить. Я хочу лишь подготовить вас к тому, что он не тот малыш, которым вы его помните. — Тед Фарбер тоже поднялся, и я дружески коснулся его руки. — И еще одно, Тед. Я обещаю, что компания «Лорика» возьмет на себя заботу о Мики в течение всей его жизни. Вам больше не придется беспокоиться ни о нем, ни о дочери, ни о себе.

— Но почему? Ведь вы не несете ответственности? — Взгляд Фарбера стал затравленным, как у побитой собаки.

— Нет, я не несу ответственности. Я просто желаю вашему сыну добра. Разрешите мне говорить откровенно? — дождавшись его кивка, я крепче сжал руку Теда и поднял ее на уровень глаз. — Ваши часы сделаны в Болгарии. Костюм скорее всего пошит на одной из фабрик Белизана. Сегодня вы впервые путешествовали на самолете и, вполне вероятно, впервые выехали за пределы родного штата. Ваш ежемесячный доход в доллармарках едва ли превышает ваши расходы, и мне нетрудно представить себе, что обед, которым накормили вас на борту самолета, возможно, лучше и питательнее всего, что вы ели за последний месяц. Я близок к истине?

— Да, — хрипло прошептал он. Я видел, что он дрожит. Тед упорно избегал смотреть на дочь, а та буравила меня сердитым взглядом. — Но все же я не возьму в толк, почему вы нам помогаете.

— В мире много зла, Тед. Это зло коснулось ваших детей, а Мики принял на себя его главный удар. И все-таки ваши дети сохранили волю к жизни. Вырастить и воспитать их и людей, подобных им, — значит сделать мир немного добрее. — Я широким жестом обвел кабинет. — Эти вещи весьма дорогие, Тед, но они ничего не стоят, если ими неправильно пользоваться. Есть люди, которые решили бы, что я вижу в них цель, но для меня эти вещи — лишь средство достигнуть цели. Я знаю, жизнь была с вами сурова, и подозреваю, что вам еще придется многое пере-

жить, но я хочу, чтобы вы знали: она изменится. Ибо моя обязанность — сделать мир лучше.

Я ощущал раздирающие его противоречивые эмоции, словно касался незримых значков азбуки Брейля. Чувство собственной ничтожности и неуверенность в себе, которые охватили его, когда я начал говорить, уступили место гордости за детей. Он злился на меня за прямоту и одновременно ему льстило, что я так высоко о них отзывался. И наконец, поскольку я обещал ему помощь, в нем проснулась уверенность, потому что забота об их будущем лежала тяжелой ношей на его плечах, а я перекладывал ее на свои плечи.

— А теперь нам можно увидеть Мики?

— Пожалуйста.

Мы вышли через боковую дверь на выложенную плиткой площадку. Нажав кнопку, я вызвал лифт. Двери открылись, и перед нами оказалась стеклянная кабина, которая ползала вниз-вверх по наружной стене здания Галбро. Дороти вбежала первой и прилипла к дальней стене прозрачной кабины.

— Эй, а там дерутся!

Я улыбнулся и нажал на кнопку с надписью «земля».

— Некоторые мои подчиненные используют этот внутренний дворик, чтобы посостязаться в различных единоборствах.

Тед Фарбер улыбнулся:

— Мики бы это понравилось. Он обожал смотреть по телевизору фильмы про каратистов.

Я кивнул, но ничего не сказал. Лифт опускался, и фигуры бойцов становились видны все отчетливее. Они боролись в саду, который по замыслу создателей должен был быть похожим на лес. Дорожки, выложенные белым щебнем, сходились к большому белому кругу, окаймленному серыми булыжниками. Там осторожно кружили лицом друг к другу два человека. Одного беглого взгляда на них было достаточно, чтобы понять: они принадлежат к совершенно разным весовым категориям. Казалось, исход схватки предрешен.

Боец покрупнее казался огромным даже издалека. Его обнаженный торс был покрыт бесчисленными шрамами, а под кожей бугрились мощные мускулы. Он возвышался над вторым бойцом почти на фут, но тем не менее, приняв низкую стойку, держался от противника на расстоянии. Бат делал ложные выпады, размахивал своими пудовыми кулаками, но вплотную к сопернику не приближался и нокаутирующих ударов не наносил.

Второй боец двигался с проворством кошки. Его неуловимые движения очень гармонизировали с худенькой гибкой фигурой. Пряди темно-русых волос развевались у него за плечами, на лице играла широкая улыбка. На нем, как и на Бате, были только спортивные трусы, поэтому был хорошо виден сложный узор тонких и толстых линий, покрывающих его тело. Они очерчивали и оттеняли его мускулы и внешне напоминали татуировку, но, присмотревшись повнимательнее, я вновь

убедился, что они двигаются *вместе* с мышцами, а не над ними, как было бы с татуировкой.

Бат сделал резкий выпад в сторону противника, но его кулак не прошел и половины расстояния до цели, как второй боец отскочил назад и вправо. словно котенок, играющий с клубком пряжи, он правой рукой отбил кулак Бата, пригнулся, выставив левое плечо, бросился вперед и молниеносно коснулся кончиками пальцев мускулистого живота Бата.

Он сразу же отступил и громко хихикнул:

— Я снова тебя пощекотал!

В ответ Бат взорвался ругательствами, которые явно смутили его соперника, а в следующее мгновение густая листва и стена, окружающая внутренний двор, закрыли от нас бойцов и арену. Тед Фарбер приподнялся на цыпочках, сился все-таки рассмотреть их, а потом улыбнулся.

— Это ведь Бат, так? Его несколько раз показывали по телевизору.

Я кивнул:

— Да, это Бат.

Тед покачал головой:

— Я видел, как он дерется. Он всегда выходил победителем. Но парень, с которым он боролся сейчас... это что-то невероятное! Ртуть да и только. Как его зовут?

— Я рад, что вы о нем высокого мнения. — Дверь лифта открылась, и я жестом пригласил своих спутников выйти. — Его зовут Мики Фарбер. Он ваш сын.

— Мой сын?

— Ваш сын, — кивнул я. Тед тяжело привалился к стене лифта. — Дороти, эта дорожка приведет тебя прямо к брату. Мы с твоим отцом скоро подойдем.

Девочка подняла на Фарбера вопросительный взгляд. Тед слабо кивнул, и она убежала, а я придержал двери лифта.

— Вон там есть скамейка. Присядем, и, если хотите, я все объясню.

Тед с сомнением pokrutil головой.

— Надеюсь, что вы объясните. — Он оторвался от стены, поправил пиджак и пошел к скамейке. Растерянность, гнев и страдание обуревали его, кружились над ним, словно туча, но он высоко держал голову и пытался сохранять самообладание. — Как этот парень может быть моим сыном?

Я сделал глубокий вдох и сосредоточился на эмоциях Фарбера. Раджани, дочь Йидама, рассказывала мне о своих впечатлениях от встречи с ним. Она говорила, что Тед Фарбер обладает неким внутренним стержнем, но этот стержень довольно хрупок. Под влиянием Раджани Тед изменил свою жизнь, но она опасалась, что потеря Мики, а потом его возвращение в ином облике могут настолько потрясти Фарбера, что он опять сломается.

И сейчас я был вынужден вновь перевернуть его представления о мире. Я повернул руки ладонями вверх.

— Мистер Фарбер, как, по-вашему, зло — это нечто, что можно потрогать? Нечто персонифицированное?

Моя интонация и неожиданность самого вопроса прорвали пелену его горестной отрешенности.

— Зло? Наверное, да. То есть я не верю в дьявола или во что-то подобное, но, мне кажется, некоторые люди рождаются злыми.

— Хорошо, что вы так считаете, потому что во Вселенной действительно есть существа, которые являются порождением зла или по собственному желанию становятся его воплощением. За неимением лучшего термина я называю их Темными Властелинами. С их точки зрения, черное есть белое, а белое — черное. Доброта вызывает у них отвращение, а страдания притягивают, как пламя притягивает мотыльков.

Фарбер нахмурился.

— Дороти рассказывала мне, как на них напал какой-то оборотень недалеко от Флагстаффа. Я думал, она... — Слова застряли у него в горле. — Это правда?

— Насколько я себе представляю, да. Этот вервольф не был сам по себе Темным Властелином, а всего лишь одним из легиона созданий, которых Темные Властелины используют в своих целях. — Я непроизвольно сжал кулаки. — Вашего сына похитил Темный Властелин, которого мы называем Пигмалион. Он, подобно скульптору из легенды, создал из вашего сына произведение

искусства. И одновременно превратил его в машину-убийцу.

— Мики?

— Да. К счастью, с этой проблемой мы справились.

— Что он с ним сделал?

Я пожал плечами:

— Всего я не знаю. Темные Властелины обладают невероятным могуществом. Пигмалион способен проникнуть в некое место, где время движется ускоренно. Именно там он обучал вашего сына, и поэтому Мики так быстро подрос. Несомненно, вы не узнали упаковку, но внутри — ваш сын.

Тед Фарбер уставился в землю и покачал головой:

— Это просто безумие. Если бы я пересказал кому-нибудь эту историю, то и плюнуть бы не успел, как меня запихнули бы в психушку.

— Именно поэтому Пигмалион выбрал вашего сына. Даже если бы Мики вернулся к вам и все рассказал, вы не могли бы ни с кем поделиться, потому что вас бы сразу сочли сумасшедшим.

Фарбер резко вскинул голову.

— Откуда мне знать, что вы не один из этих... Темных Властелинов?

Его вопрос пронзил меня болью. В его глазах, как в глазах миллиардов других людей, я превосходил среднего человека настолько же, насколько в моем представлении Скрипичник превосходил меня. Я сказал, что Темные Властелины обладают невероятным могуществом, но для Теда

Фарбера тот факт, что я доставил его в Японию и возглавляю многонациональную корпорацию, — уже настоящее чудо. Исходя из своего опыта, он вполне мог предположить, что я мог изменить сына, а потом привезти сюда отца, чтобы насладиться его страданием при виде моего творения.

— Справедливый вопрос. — Я присел на корточки. — По отношению к Темным Властелинам я приблизительно то же самое, что Люцифер по отношению к Богу. Я был воспитан Темным Властелином — хотя сам не подозревал об этом, — который хотел выковать из меня оружие против других Темных Властелинов. Я отверг власть, предложенную мне в награду за службу, но борьба с ними остается главной моей целью. В настоящий момент первым в моем списке значится Пигмалион, и ваш сын Мики имеет для нас огромную ценность. Он может помочь нам остановить Пигмалиона. Но, поскольку он еще несовершеннолетний, закон и мораль обязывают меня обратиться к вам. Только вы можете принимать за него решения.

— Будь вы Темным Властелином, вы использовали бы Мики, не спрашивая моего согласия.

— Да, что-то вроде того.

Тед Фарбер кивнул и снова легонько покачал головой.

— Я принимаю ваше объяснение, но ваша роль в этой истории меня смущает. Люцифер хотел низвергнуть Бога, чтобы править вместо Него.

Я покачал головой и выпрямился:

— Меня обучали убивать, а не править.

— Папа! — Мы слышали крик Мики прежде, чем увидели мальчика. Он мчался прямо на нас, но у самой скамейки остановился, даже не раскидав щебень. Словно папаша, подбрасывающий трехлетнего карапуза, он поднял отца со скамейки, подкинул его в воздух и поймал в объятия.

Я отпрянул: волна радости от Мики и Теда была чересчур сильной. Подбежала запыхавшаяся и заплаканная Дороти, и я ушел, чтобы не мешать счастливому воссоединению семейства. Йидам с дочерью удалились поболтать в один из укромных уголков в глубине двора, а я направился к Бату, рядом с которым стояли еще два человека.

Когда я приблизился, улыбка Нэтч Ферал слегка померкла. Эта невысокая девушка казалась живым подтверждением распространенного мнения об Америке, как о большом тигле, где все народы и расы превращаются в один сплав. Ее кожа цвета кофе с молоком и длинные курчавые волосы предполагали наличие африканской крови, миндалевидный разрез глаз говорил о восточных корнях, их голубизна явно досталась ей в наследство от европейских предков, а настороженность в этих самых глазах выдавала в ней уроженку крупного американского города. На ней была тонкая белая маечка, мешковатые черные штаны от армейской формы и солдатские башма-

ки. Бриллианты в мочках ушей были ее единственным украшением.

Над Нэтч и Батом возвышался третий член компании — Хэл Гаррет. Гаррет долгие годы зарабатывал себе на хлеб, играя в баскетбол за команду «Феникс Санз». Хэл был настолько крупным мужчиной, что его рост не особенно бросался в глаза, пока не подойдешь вплотную. Он все еще выглядел нездоровым, хотя быстро поправлялся после двух огнестрельных ранений. Чувство вины тоже не до конца покинуло его, хотя день ото дня становилось все слабее после того, как он осознал, что был не в силах предотвратить смерть жены, погибшей от руки того же расиста, который ранил самого Хэла.

— Ну и какой вердикт вынесен Мики?

Против моего ожидания Бат даже умудрился что-то промычать в ответ. Судя по его позе — он опустился на одно колено — и тяжелому дыханию, мальчишка вымотал его весьма основательно. Что до меня, то я никогда не испытывал желания вступить в поединок с Батом. Не сомневаюсь, я мог бы его убить, но то, что вытворял с Батом Мики, впечатляло куда сильнее. Мальчик бил по самолюбию Бата и не давал ему ни малейшей возможности отплатить за унижение.

Нэтч подняла большой палец, что говорило о многом.

— Мики — настоящий ас. Если он когда-нибудь пойдет по дурной дорожке, кровь потечет рекой.

Хэл едва заметно вздрогнул при этих словах.

— Мики великолепен. Ты был прав, татуировка и в самом деле оказалась кольчужой из поликарбоновой ткани. Она защищает мышцы и главные жизненные органы. Пигмалион заменил мальчику кости аналогами из титанового сплава и настолько точно отрегулировал его метаболизм, что Мики невероятно быстро выздоравливает, молниеносно наносит удары, а физические данные у него просто потрясающие. — Экс-король баскетбола тихонько хихикнул. — Сегодня утром мы с ним немного покидали мяч в корзину. Я на полтора фута выше, но этот паршивец меня обставил — и, кстати, уже во второй раз.

— Судя по тому, как он дрался с волками и по сегодняшней схватке с Батом, тебе еще повезло, что он тебя не убил!

Хэл покачал головой.

— Везение тут ни при чем, Койот. Мики понимает, что такое игра, и он отлично владеет своим телом.

Бат встал и широко развел руки.

— Ни царапины.

— Тогда я что-то упустил. — Я нахмурился. — Пигмалион превратил Мики в машину для убийства, правильно? Я считал мальчика миной замедленного действия.

— Раджани ее обезвредила. — Хэл улыбнулся, и меня обдало исходящим от него потоком живейшего удовольствия. — Пигмалион подверг

мальчика обработке, которая включала загрузку боевой программы в мозг Мики.

Программа состояла из трех частей: обнаружение цели, вторжение и уничтожение. Другими словами, Мики по команде должен был засечь объект, вторгнуться в его сознание, найти у себя в памяти ментальную матрицу, которая соответствовала бы типу мышления объекта, определить по ней самый простой способ убийства и ликвидировать объект.

— Я знаю. Именно поэтому мы изолировали Мики от оборотней, на которых Пигмалион натаскивал его первое время. — Я прищурился. — Так ты говоришь, что Раджани отключила программу?

— Совершенно верно. — Хэл сложил ладони и переплел длинные пальцы. — Когда Пигмалион приказал мальчику убить Раджани, Мики обнаружил цель мгновенно. А вот вторгнуться к ней в сознание ему оказалось труднее, поскольку Пигмалион не располагал ментальной матрицей Раджани. Прежде чем Мики успел ее синтезировать, Бат его блокировал. Мики переключился на него и попытался снять матрицу Бата, но это ему не удалось, поскольку Бат был сзади и захватил его двойным нельсоном. Раджани вторглась в сознание Мики и стерла и его кратковременную память, и базу данных, откуда он извлекал матричные коды. Одним словом, она остановила цикл.

— Так Мики больше не способен убивать?

— Он больше не *вынужден* убивать, а это совершенно разные вещи. Но, наверное, его еще можно заставить убить тех, на кого он был нацелен первоначально, поэтому нужно и впредь держать его подальше от людей-волков. — Хэл вздохнул. — Мики не хочет убивать, но может не справиться с собой, если увидит их.

— Но он по-прежнему способен убивать, так?

— Да, способен. Но он не будет этого делать.

— Почему?

Хэл посмотрел на меня с ужасом:

— Ему же всего пять лет!

— И что? — Бат посмотрел на Хэла, потом на меня и снова на Хэла. Я вздрогнул.

Чернокожий американец заговорил, цедя слова сквозь стиснутые зубы:

— У Мики нет склонности к насилию. Мы уговорили его бороться с тобой, Бат, сказав, что это игра. Он беспокоился, что она может оказаться слишком грубой, и сказал, что не хочет причинять боль никому из друзей Раджани. — Хэл снова повернулся ко мне. — Как нам недавно удалось выяснить, для тренировок Мики Пигмалион специально подбирал таких тварей, чтобы мальчик считал происходящее нереальным. Он сражался с Магиллой Гориллой, видел в оборотнях злых персонажей из комиксов. Пока Мики считал, что все это выдумка, и поскольку его хвалили за усердие, он продолжал исполнять свою роль. Даже сейчас мы с Раджани боимся сказать ему, что он убил

кого-то на самом деле. Мики может не перенести такого удара.

— Вы боитесь, что он покончит с собой?

Бат хрюкнул.

— Для него это единственный выход, если он решит умереть. Больше никто на этой планете не способен его убить.

— Не знаю. — Хэл оглянулся через плечо и улыбнулся. — Встреча с семьей подняла ему настроение.

Я тоже повернулся и проследил направление его взгляда. Мики со счастливым лицом метался, явно разрываясь между желаниями посидеть с отцом и постоять, обнимая сестру. Судя по движениям рук, он изображал в лицах игру с Хэлом в баскетбол. Даже на таком расстоянии я слышал смех Теда и чувствовал, какое огромное облегчение испытывает отец Мики.

Я снова перевел взгляд на Хэла.

— А можно восстановить его программу?

Чернокожий гигант заиграл желваками.

— Не знаю. Не думаю. А зачем тебе это нужно?

Я вздохнул.

— Я — оружие, созданное Скрипичником, созданное для уничтожения Пигмалиона. Мики — творение Пигмалиона, и гораздо более совершенное, чем я. Мне ненавистна мысль, что мы не сможем воспользоваться таким бесценным оружием, если ситуация сложится так, что у нас не будет другого выбора.

Оставив своих друзей во внутреннем дворике, я пошел к зданию другой дорожкой, чтобы не проходить мимо Мики и его родственников. Войдя в здание и миновав несколько типично институтских казенных коридоров, я остановился перед небольшой нишей, в которой была дверь, а рядом в стене — пластинка сканера.

Я прижал к пластинке ладонь. Зеленая полоска света медленно поползла сверху вниз и снова заскользила наверх. Следя за ее движением, я медленно погрузился в состояние отрешенности. Я словно бы покинул тело и наблюдал за своими действиями со стороны. Ощущение удивительно неприятное, но я цеплялся за него, поскольку оно позволяло мне отметить различие между личностью, которой я был, и личностью, которой я стал.

Дверь бесшумно ушла в потолок, и я вошел в светлое просторное помещение с высоким потолком и деревянным полом, поделенное на комнаты перегородками высотой примерно в три четверти человеческого роста. Я знал, что такая конструкция позволяет при перестрелке держать любую часть помещения под прицелом, но это было не единственной причиной выбора такой планировки.

Немногочисленная мебель была типично японской. Татами, покрывающие полы, и низкий столик составляли основную часть обстановки. Я знал, что в задней комнате с правой стороны най-

ду спальный мат и подушку. Знал не столько из-за того, что бывал здесь раньше, сколько потому, что представлял себе, где бы я сам их разместил. В кухне имелся даже традиционный японский очаг, хотя там стояла и современная микроволновка.

По всей квартире было рассеяно множество дорогих антикварных вещей, хотя на самом деле самым роскошным предметом обстановки являлась большая ванна. Расположение всех этих произведений прикладного искусства было тщательно продумано с тем, чтобы сразу привлечь к себе внимание. Каждое из них было связано для меня со специфическими воспоминаниями о специфических заданиях, которые я в свое время выполнял, потому что все они были пожалованы мне в награду за успешное выполнение этих самых заданий. На миг меня потянуло к небольшой статуэтке Анубиса, стоящей в первой комнате, но я не мог бы сказать точно, какая сторона моей личности проявила к ней интерес — нынешний Койот, или тот «я», кто ценил эту награду, полученную за убийство.

Ванна тоже была своего рода вознаграждением. За время моего обучения прием ванны превратился для меня почти в ритуальное действо. Подобно тому, как Пигмалион убедил Мики, что его тренировки — игра в вымышленном мире, Скрипичник внушил мне веру в очищение омовлением, и с тех пор физическая чистота для меня

неразрывно связана с чистотой нравственной, эмоциональной и духовной.

В этой квартире я прожил свою первую жизнь. Ее открытая планировка имела утилитарное назначение, но помимо этого служила еще одной цели — она лишала меня возможности уединиться. И выросший в таких условиях, я не испытывал потребности в уединении. Отсутствие у меня каких бы то ни было личных вещей тоже помогало Скрипичнику воплотить в жизнь его замысел. Темный Властелин воспитывал марионетку, обладающую высоким мастерством и столь размытым ощущением собственного «я», что мог стать кем угодно, лишь бы выполнить приказ хозяина.

Этот недостаток самосознания оказался жизненно важным и для меня, и для Скрипичника. Благодаря ему я проскальзывал из измерения в измерение, словно акула, пронзающая океанские волны. Поскольку я не был индивидуалистом, во мне не развилась алчность и жажда власти. Скрипичник предположил, что в такой ситуации меня можно обучать тем же способом, которым он обучал Пигмалиона, но при этом не опасаться бунта. Он не сомневался, что, не обладая личностью, находясь под его контролем, я не смогу и не стану бунтовать.

В этом проявилось невероятное высокомерие Скрипичника, которое его подвело. Койот, мой предшественник и, вероятно, первый из Койотов, понял, что я могу оказаться полезен, и привел в

действие тщательно разработанный план, который заставил меня осознать себя как личность. Следуя его неявным подсказкам и опираясь на при-
сущие мне от рождения добродетели, в которых меня взрастили, я создал Тихо Кейна. Я выяснил, что в прошлом был виртуозным убийцей, и, глядя на мир через призму новых представлений, понял, что мое новое «я» не желает иметь ничего общего со Скрипичником.

Моя первая жизнь, жизнь, которую я прожил здесь, кончилась, когда Койот похитил меня и при помощи лекарственных препаратов вызвал у меня амнезию. Выйдя из-под контроля Скрипичника, я обрел свою истинную сущность. Моя верность Темному Властелину преобразилась в верность людям, моим братьям, и в результате я восстал против того, кто меня создал. С противостояния ему началась моя вторая жизнь, и в ней мне пришлось подхватить эстафету у человека, которому я был этой жизнью обязан.

Став Койотом, я заново открыл в себе возможности, заложенные во мне Скрипичником. Я заставил их работать на себя и сумел нанести урон Скрипичнику. Схватка была жестокой, и если бы не вмешательство Пигмалиона, Скрипичник, возможно, погубил бы меня. Но после того как Пигмалион заманил к себе Риухито и скрылся с ним, мне с моим бывшим господином пришлось объединить силы, иначе бы нас обоих ждала гибель. Если грандиозный замысел Пигмалиона удастся, тьма поглотит весь мир.

Я пришел сюда, в эту квартиру, чтобы окунуться в знакомую атмосферу. Я изголодался по ощущению привычности обстановки. Эти стены не вызывали у меня искушения вернуться к Скрипичнику, но дарили покой, и это позволяло мне получше сосредоточиться и отдохнуть. И то и другое сейчас было важно, ибо в игре, которую мы будем вести в ближайшие несколько месяцев, ошибкам и промахам места быть не должно.

Наказанием за неудачу будет смерть. А наградой за победу — новая схватка со Скрипичником.

Я сбросил у двери ботинки, прошел в носках в заднюю комнату и лег на спальный мат, предварительно поставив будильник на пять часов. Я надеялся, что мой сон будет спокойным, ибо, когда я проснусь, мы начнем составлять план кампании против Пигмалиона, и с этой минуты рассчитывать на покой мне не придется в течение очень долгого времени.

Я выполз из своего убежища, проспав несколько часов крепким сном без сновидений, и принял успокаивающую ванну. Надев зеленую рубашку и черные брюки с отворотами, я вернулся в институт и прошел по бесконечным коридорам в конференц-зал, где было назначено первое заседание нашего штаба. В длинной узкой комнате было тесно, но места у ромбовидного стола хватило всем.

Я похлопал по плечу Теда Фарбера, протискиваясь мимо него к своему креслу, и с легким сму-

щением заметил, что все уже собрались и ждали только меня, чтобы начать совещание. Рядом с Йидамом я увидел Синклера Мак-Нила, симпатичного юношу, чей отец владел крупнейшей строительной компанией в Аризоне. Мак-Нил был моим агентом в Японии. Пока я обучался в Тибете, он внедрился в Галбро, но Скрипичник его раскусил, и убил бы его, если бы не вмешательство Раджани.

Раджани стояла между Йидамом и Сином. Внешне она была гораздо больше похожа на земную девушку, чем на собственного отца. Только ее кожа, как и у Йидама, была угольно-черной, а глаза и ногти имели золотистый оттенок. Желтая блузка и голубой свитер закрывали ее руки, но на тыльных сторонах ладоней можно было разглядеть паутину тонких золотых линий, которые шли от ногтей по внутренней стороне пальцев к запястьям и исчезали под рукавами. Такие же линии были на теле у ее отца. Свои светлые волосы она собрала на затылке в хвостик, и с этой прической ее можно было бы принять за студентку колледжа, будь выражение ее лица чуть более беззаботным.

Заняв место во главе стола, я кивнул собравшимся:

— Благодарю всех, кто пришел сегодня сюда. Особую благодарность мне бы хотелось выразить полковнику Йосимицу Осана, покинувшему больницу койку, чтобы присоединиться к нам. — Я склонил голову перед членом императорского

Совета внутренней безопасности. — Поддержка императора и СБВ имеет для нас большое значение. Суть нашей задачи можно сформулировать довольно просто: отыскать Пигмалиона и отобрать у него внука императора, Риухито. А вот выполнить эту задачу далеко не так легко. Я знаю, что некоторые из вас уже приступили к работе и наметили действия, которые необходимо предпринять, чтобы достичь успеха. Как всегда, считается, что работу можно выполнить, если осуществимы хотя бы два из трех условий: первое — ее можно выполнить быстро, второе — без больших денежных затрат, и третье — сделать ее безупречно. Благодаря щедрой помощи императора и ресурсам «Лорики» мы, к счастью, можем не считаться с расходами. Составляя план, имейте это в виду — ни одно разумное требование, касающееся оборудования или персонала, не будет отвергнуто. Совершенно ясно, что нашим первым шагом должно стать изучение противника. Чем лучше мы будем представлять себе, что за личность Пигмалион, тем больше у нас появится шансов его уничтожить. — Я отодвинулся от стола и нажал кнопку, скрытую в нижней части крышки. Одна из панелей в дальнем конце комнаты опустилась, открыв экран. Экран мигнул и засветился ровным голубым светом. — Джитт, если ты готова, можно начинать инструктаж.

Маленькая и изящная, как статуэтка, блондинка чопорно кивнула. По любым меркам, кроме разве что самых извращенных, Джитт была кра-

савицей. Однако она чуралась косметики и не носила никаких украшений; не затрудняла себя изобретением хитрых причесок и носила мешковатую одежду, которая, впрочем, все равно не могла скрыть ее дивных форм. Ее глаза светились умом, но в них неизменно читалась непонятная тоска, словно она была вольной птицей, заключенной в прекрасную клетку.

Джитт щелкнула пультом дистанционного управления, и на экране появилось изображение. На черно-белой фотографии, сделанной в середине двадцатого столетия, был запечатлен маленький мальчик в ковбойской шляпе, клетчатой рубашке и джинсах с двумя пистолетами по бокам.

— Перед вами Никлас Хант в возрасте четырех лет. Фотография сделана в 1957 году кем-то из родственников мальчика. На заднем плане — дом, где жила семья Никласа.

Голос Джитт казался почти таким же механическим, как движения ее пальцев на пульте дистанционного управления. Картинка сменилась другой.

— Это рентгеновский снимок черепа Никласа Ханта. Он был сделан примерно через месяц после фотографии, которую вы только что видели. Как видно из снимка, у Никласа была проломлена голова с правой стороны. Он получил смещенный перелом скулы, а осколки кости над правым ухом проникли в череп. Уровень медицинской

технологии в то время позволял только удалить осколки и вставить металлическую пластинку.

Следующий слайд поразил меня сходством с фотографией какого-нибудь преступника из полицейского архива, но я знал, что это школьный портрет Ханта, сделанный через несколько лет после травмы. У мальчика на фотографии была кривая улыбка и полуприкрытый правый глаз. Вероятно, он был нервным ребенком. Мне казалось, я чувствую неловкость, которую он испытывал перед камерой.

— Как вы, несомненно, заметили, — бесстрастно продолжала Джитт, — травма привела к значительной лицевой и черепной асимметрии. Кроме того, Никлас стал немного шепелявить. Его одноклассники припоминают, что у Ханта было тяжелое детство. Дети жестоки к тем, кто чем-то отличается от других.

Голос Джитт изменился, и я перевел взгляд на нее. Она по-прежнему держалась очень официально, но я уловил в ее тоне гнев и печаль. И понял, что ее последняя фраза относится к ней самой, и это меня удивило. Джитт не только никогда не рассказывала о своем детстве, но даже ничем не показывала, что помнит его.

— Хант обладал блестящими способностями, и, поскольку со сверстниками отношения у него не ладились, он проводил много времени за книгами. Его домашняя жизнь складывалась так же неудачно, как и школьная. Хотя родные Никласа утверждали, что мальчик проломил череп при па-

дении, соседи поговаривали об отце-алкоголике, любившем распускать руки. Как бы то ни было, мать Никласа, Агнес Хант, вскоре развелась с мужем и переехала. Она нашла прибежище в религии и примкнула к христианскому культу, называемому «Люди Креста», — рассказывая о секте, куда вступила мать Пигмалиона, Джитт заговорила холодным тоном врача, констатирующего диагноз. — Люди Креста верили, что Иисус обрел божественность через страдания, которые он вынес во время суда и казни. Страдающий манией величия лидер секты Тилден Тайлер создал учение, в основе которого лежали самоотречение, телесные страдания, голод и лишения. Члены секты верили, что они обретут божественность, подвергая себя тем же мучениям, которые вынес Иисус. По их мнению, добровольно принимая боль, они должны были заслужить прощение за грехи, в том числе за первородный грех, и вернуться к первоначальному состоянию благодати, то есть божественности, поскольку Бог создал человека «по своему образу и подобию». Чтобы исцелить сына, — продолжала Джитт, — Агнес Хант заставляла его бичевать себя, носить терновый венец, а несколько раз даже пройти через ритуал, имитирующий распятие. Самые фанатичные приверженцы культа часто подвергались настоящему распятию, вплоть до того, что их на самом деле прибивали к кресту. Под воздействием галлюциногенов и гипноза они переживали смерть и воскресение. Эти истинно верующие составляли Внутренний

Круг, и Агнес Хант достигла такого ранга. В душе Никласа зрел бунт, и в конце концов он ополчился на Бога, отказывающего ему в исцелении. Хант пробовал экспериментировать с магией и с планшеткой для спиритических сеансов, но в конце концов пришел к выводу, что истинное могущество ему может дать только наука.

Джитт остановилась перевести дыхание, и тут раздался другой голос, низкий и тихий.

— Это не совсем верно. — Вета, бледная тень, сгорбившаяся слева от меня, подняла голову. — Когда Никлас занимался исследованиями паранормальных явлений, моему Хозяину удалось вступить с ним в контакт. Контакт был слабым и не позволял управлять объектом, но Хозяин все-таки сумел склонить Никласа к научным занятиям.

Джитт устремила на Вету внимательный взгляд, потом поблагодарила ее строгим кивком.

— Спасибо. Ваши сведения заполняют один из пробелов в моих знаниях. В 1975 году Никлас Хант окончил Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе со степенью бакалавра наук в области биологии. Степень магистра он получил в 1977 году в университете штата Огайо. Специализация — нейрофизиология. Впоследствии Хант начал работать с доктором Чандрой. Их исследования, которые касались Раджани, были засекречены. Раджани рассказывает, что Никлас Хант пришел в восторг от ее психоморфических способностей и даже начал изучать эсдитра в надеж-

де овладеть этим искусством. Последние двадцать шесть лет, а именно начиная с 1984 года, у нас нет о нем никаких сведений.

Джитт опять посмотрела на Вету. Восьминогое существо почтительно склонило голову.

— Ваше досье на Никласа Ханта заканчивается 1984 годом потому, что в 1984 году Никлас Хант перестал существовать, — вытянувшись вперед, она положила трехдольные клешни на черную поверхность стола и легонько постучала по дереву. — В этом году по милости моего Хозяина на свет появился Пигмалион.

5

В глубине всех восьми глаз Веты вспыхнули бледные искорки, словно отражения звезд в темном водовороте.

— Чтобы объяснить это, мне понадобится затронуть не только историю Пигмалиона. Не знаю, до какой степени мне будет дозволено раскрыть истину. Если я слишком отклонюсь от основного предмета, пожалуйста, направьте меня в нужное русло.

Я кивнул.

— Все, что ты нам сообщишь, может оказаться полезным.

Ее жвалы разошлись в стороны. Я решил считать это эквивалентом улыбки.

— Темные Властелины, как вы их называете, рождаются на свет случайно, но порой их специально возвращают. Первых, как правило, уничтожает более могущественный Темный Властелин, потому что самоучкам требуются миллиарды лет для достижения совершенства. Сначала Темному Властелину нужно обнаружить свой аспект, и только потом он может им овладеть.

Йидам подался вперед, упершись всеми четырьмя ладонями в крышку стола.

— Что ты подразумеваешь под словом «аспект»?

Вета повернула голову к нему:

— То, что составляет суть Темного Властелина. Его путь к власти и к ее реализации. Например, аспект моего Хозяина — синтез. Он берет существа тварей разных видов, не имеющие между собой ничего общего, и объединяет их в новое создание. Он может сделать это прямым, насильственным путем, как с миранджейками, или более тонким способом, как поступил, когда свел вместе твоих родителей, Койот.

Я пропустил мимо ушей упоминание о себе.

— Кто такие миранджейки?

— Это я. Мы, точнее сказать, Скрипичник — продукт синтеза существ, населявших одно из измерений. Он объединил и поглотил нас, создав из нас физический и духовный сплав, который обеспечил ему достаточное могущество, чтобы он мог действовать в качестве Темного Властелина. Я — только его часть, поглощенная сотни тысяч ва-

ших лет назад. — Вета склонила голову. — Я его слуга, так было в начале, и так будет вечно. Моя сила — его сила, мои знания — его знания. В его власти распоряжаться мной так, как он сочтет нужным.

Огоньки в глазах Веты замедлили свое кружение. Я ощутил волну злобы, выплеснувшейся из нее. Раджани поморщилась, Джитт вздрогнула, Бат фыркнул, Йидам досадливо крикнул. Все остальные, за исключением Кроули, зябко поежились.

По телу Веты прошла дрожь, и ее глаза вернулись к нормальному состоянию.

— Я получила предупреждение о том, что слишком отклонилась от темы.

— Тогда расскажи нам о Пигмалионе. Какой у него аспект?

— Пигмалион — конструктор. Желание изменить себя обусловило выбор им направления в научных исследованиях и его интерес к эсдитра. В медитациях, которых требует эта философская дисциплина, он открыл себя вновь, и Скрипичник его заметил. Мой господин вспомнил искателя, которым Никлас Хант был прежде, и решил взять его к себе и обучить. — Вета скрестила верхние руки над грудной клеткой. — Темные Властелины обычно создают себе слуг. Эти слуги набирают силу, и часть ее переходит к их господину. Чем больше способностей обнаружит господин в слуге и чем эффективнее поможет им развиваться,

тем больше могущества в конечном итоге обретет сам.

— И тем больше возможность мятежа, — добавил я, медленно покачивая головой. — Никлас Хант восстал.

— Твоя мысль верна, Койот, только восстал не Никлас Хант, а Пигмалион. Мой господин не предвидел такой возможности, поэтому не внедрил в него предохранительный механизм вроде того, например, который он поместил в тебя. Против воли моего господина ты не можешь обрести могущества, которое сделает тебя самого Темным Властелином.

Я почувствовал неприятную щекотку в позвоночнике. Когда я со своими соратниками по Галбро выступил против Скрипичника, мне было предложено неограниченное могущество Темного Властелина. Сказать, что предложение было заманчивым, все равно что назвать солнце теплым. Получи я предложенную мне власть — и для меня перестало бы существовать невозможное. Но я знал, что такое могущество не дается даром, и представлял себе, какую цену мне придется заплатить. И я не пожелал становиться источником страданий и горя людей.

Теперь я понял, что могущество, показанное мне тогда в видении, очень напоминало описание возможностей Скрипичника, которое дала сейчас Вета. В этом видении я поглощал и принимал в себя всех подающих надежды дураков, обожающих Скрипичника. Мое могущество было

отражением его могущества. Стало быть, предполагалось, что мой аспект должен стать аспектом синтезатора. Наверное, чтобы занять свое место среди Темных Властелинов, мне требовалось лишь дать согласие стать сторонником Скрипичника.

Я покачал головой:

— Надеюсь, твой господин никогда не перестанет противиться моему возвышению.

Миранджейка едва заметно кивнула, и вращение огоньков в ее глазах снова замедлилось.

— Вероломным предателям не дают власти, Койот. Ты отверг мой дар, и другой воз-з-змож-жности ты не получишь.

— А значит, мы все-таки можем прийти к согласию в чем-то, кроме признания необходимости уничтожить Пигмалиона! — заявил я со злой насмешкой.

Бета вновь стала собой.

— Под руководством моего господина Пигмалион научился использовать свои возможности самыми разными способами. Он перестроил себя, создав тот физически совершенный образ, который вы видели, когда он здесь объявился. Когда Пигмалион предал моего господина, он построил себе комплекс, в котором ради удовольствия занимается своего рода скульптурными работами. Пример Джитт и Мики показывает, что он вполне овладел этим искусством. Именно этот комплекс мы должны отыскать, чтобы победить Пигмалиона.

Я кивнул:

— О'кей. Мне думается, атаку на Пигмалиона можно разбить на несколько вполне очевидных этапов. И только по завершении всех этих этапов нам, возможно, удастся достичь успеха. Во-первых, мы должны обнаружить штаб-квартиру Пигмалиона. Я знаю одного человека в Фениксе, который способен решить эту задачу. Если полковник Асано снабдит нас энцефалограммой Риухито, сделанной во время последнего медицинского обследования, мы сможем приступить к работе. После того как мы засечем это место, Йидам и Кроули отыщут где-нибудь в соседнем протоизмерении участок, подходящий нам в качестве плацдарма.

Японец кивнул, подтверждая согласие. Йидам и Кроули промолчали, но я знал, что у них уже готов длинный список необходимого оборудования. Все остальные погрузились в раздумья о своей роли в будущей битве, и я поспешил обрисовывать другие проблемы, которые нам предстояло решить, чтобы они могли подыскать себе место.

— Мы выступаем против Темного Властелина. Хотя на нашей стороне другой Темный Властелин, нам нужно использовать любую возможность, чтобы обеспечить себе преимущество. Я хочу, чтобы группа «Пси» подготовила психологический портрет Пигмалиона и предложила символы, образы, ритмы — что угодно, — способные вывести его из равновесия. Джитт, ты возглавишь эту группу. Вета и Раджани, поскольку вы знакомы с кусочками биографии Пигмалиона, я прошу

вас тоже поработать с этой группой. Если хотите, мы можем нанять в Фениксе десяток отчаянных наркоманов, чтобы они придумывали нам разные смеси.

— Хорошо, — неохотно согласилась Джитт. На мгновение она нахмурилась, и я подумал, что впервые вижу на ее кукольном личике такое оживление. Она явно чувствовала себя неуютно, но собиралась с силами, чтобы преодолеть этот дискомфорт. Раджани и Вета ободряюще улыбнулись ей, но, по-моему, Джитт этого даже не заметила.

— Син, ты возьми на себя переговоры со строительными компаниями в Фениксе. Для создания межпространственных врат нам, безусловно, потребуется современное оборудование и квалифицированные рабочие. Скрипичник берется обеспечить нас грубой мускульной силой для тяжелой работы, но для всего остального нам понадобятся люди.

Синклер кивнул.

— Ты намекаешь, чтобы я сделал запрос в конторе отца?

— Нет, если только ты сам не захочешь. Деньги здесь не играют роли, и я охотно потрачу их побольше с условием, что твой отец ничего не получит. — Я поглядел на Хэла: — Тебя я попрошу руководить набором рабочих. Можешь действовать через свой фонд «Солнце надежды». Только не терзайся угрызениями совести, если ты откажешь белым расистам, которые числятся в платежных ведомостях Дариуса Мак-Нила.

Хэл потрогал повязку у себя на груди.

— На этот счет не волнуйся. Сколько рабочих нам понадобится?

Я пожал плечами:

— По меньшей мере несколько сотен. Чтобы посчитать точнее, нужен план сооружения. Вероятно, работа будет опасной, так что отдавай предпочтение холостякам. Выясни, какая сейчас средняя заработная плата, помножь на три и добавь специальные премии за завершение каждого этапа работ и всего проекта в целом. Начни с персонала, который будет проводить отбор.

Я перевел взгляд на Бата:

— Нам может понадобится несколько крепких ребят. Полковник Асано и СВБ обеспечат охрану плацдарма, но мне нужны люди, которые сумеют поддерживать мир в самом лагере.

Бат кивнул.

— Лилит, посмотри, не сможешь ли ты организовать мне приглашение на радиопередачу в Фениксе на этой неделе. Пусть анонсируют ее «Микаэль Лоринг из «Лорики» объявляет о расширении...» или что-нибудь в этом роде. Мы пустим слух о наборе рабочих, чтобы у Хэла, когда он будет готов рассматривать кандидатуры, не было отбоя от желающих. Нэтч, ты могла бы пойти со мной в качестве специалиста, уже подписавшего контракт, и рассказать людям о преимуществах работы здесь, поговорить с ними на их языке.

— Слушаюсь, Кейнмэн! — Лилит улыбнулась Нэтч и добавила: — Считайте, что это уже сделано, мистер Лоринг.

Тед Фарбер поднял руку:

— А как насчет нас?

Я на мгновение сдвинул брови.

— Я надеюсь, вы дадите согласие, чтобы Мики поработал с «Пси»-группой и с разведчиками, — заметив, что он по-прежнему смотрит на меня вопросительно, я продолжал: — У Хэла двое детей. Было бы хорошо, если бы ваша дочь смогла присмотреть за ними, пока Хэл будет заниматься вербовкой рабочих.

Тед торжественно кивнул:

— Прекрасно. Детишки с удовольствием помогут. А как насчет меня?

— Насчет вас? — переспросил я неуверенно. — Но вы уже многое для нас сделали, мистер Фарбер. Вы... ваш... Достаточно того, что вы разрешите Мики помочь нам.

— Нет, мистер Лоринг. — Он покачал головой. — Наверное, вы не поняли. Я не мастер говорить. Мне нужно что-нибудь делать. Я должен.

Я понимающе ему улыбнулся:

— Вам столько пришлось пережить, мистер Фарбер...

— Да, конечно, но это пустяки в сравнении с тем, что он сотворил с моим Мики. — Брови Теда сошлись у переносицы. — Вы не можете меня понять, потому что никто из вас не пережил того, что пережил я. Вот вы говорили о зле. Все вы

знаете, с чем вам придется столкнуться. Вы знаете, чего вы хотите. Вам известно, что и как нужно делать. Вы готовы противостоять злу. Ну а я ничего этого не знаю... — Тед Фарбер ударил себя кулаком в грудь. — Зато я знаю, что значит жить в страхе. Я боялся, потому что не понимал, почему я скатился на дно. Я боялся, что все обо мне забудут, и боялся, что кто-нибудь обо мне вспомнит. Я знал только страх, а теперь познакомился с вами и услышал, как вы говорите о вещах, которых не может быть в нормальном мире, но, черт побери, они объясняют все мои страхи. — Он показал на Йидама, а потом на Вету. — Знаете, почему я не спятил при виде этих чудищ? Потому что они *настоящие*. Реальность никогда не бывает такой пугающей, как домыслы и фантазии. Здесь я впервые узнал причину своего страха. Значит, я могу ему сопротивляться. Я уже позабыл, что значит сопротивляться, потому что давно плыву по течению. — Фарбер левой рукой обнял дочь, а правую положил на плечо Мики. — Тип, которого вы называете Пигмалионом, причинил зло моему сыну. Если я уйду в кусты и предоставлю вам все улаживать, то потом себе этого не прощу. Если сам я не научусь смотреть в лицо трудностям, то как же смогу научить этому своих детей? Они, в свою очередь, тоже никого не смогут этому научить, и мы все пойдем ко дну в одной лодке. — Он посмотрел на Вету: — Наверное, ваш Хозяин был бы от этого счастлив. — Тед снова перевел взгляд на меня: — В последнее время я

больше работал руками, чем головой, но я возьмусь за любое дело, которое вы мне поручите.

Хэл перегнулся через стол и протянул Фарберу руку.

— Я беру вас себе в помощники.

— Значит, договорились. — Я улыбнулся и встал. — Уложите вечером вещи. В полночь мы вылетаем в Феникс. Если удастся, поспите часок-другой. Я рассчитываю, что в полете мы поработаем. Я хочу, чтобы сразу после приземления мы взялись за дело. И пусть Пигмалион трепещет.

6

Через неделю после возвращения из Японии я стоял в своем кабинете на последнем этаже цитадели «Лорики» и смотрел, как последние блики солнца угасают на башнях Городского Центра. Феникс тонул в огромном океане фотоэлементов, глянцево-черное мерцание которых смешивалось с багрово-красными отблесками закатного света. Опоясывающая город подвеска маглева связывала комплексы семи корпораций со ступицей Городского Центра. Именно эту подвеску использовал в качестве межпространственных ворот Скрипичник, когда пытался вторгнуться в Феникс.

Откуда-то из глубин памяти всплыла строчка из песни о пустыне: «Пустыня — это тот же океан, в ее глубинах тоже скрыта жизнь». Под чер-

ной поверхностью океана из фотоэлементов, скрывающего нижние уровни города, тайлось великое множество существ, живущих своей скрытой жизнью. Там, внизу, где солнце никогда не касалось земли, в стране, где царила вечная ночь, их обитатели давно смирились с жарой и вездесущим песком. Они называли свою землю «Затмение» и, как и положено обитателям пустыни, имели панцири, клыки или ядовитые жала, обеспечивающие им выживание.

Я повернулся спиной к городу и посмотрел на Неро Лоринга.

— Вы уверены, что нам не придется строить новый маглев, чтобы доставить Скрипичника на наш плацдарм?

Лысый низенький Лоринг, сидящий напротив меня, энергично кивнул.

— Мы построили маглев, потому что он был нам нужен самим. Межпространственные врата встроили туда тайно, об этом позаботилось существо, которое выдавало себя за мою дочь. Схема на самом деле довольно простая, хотя и несколько необычная. — Он взял со стола, за которым сидел, метровый кусок оптико-волоконного кабеля толщиной с палец. — Если бы тогда я знал, что на самом деле они сооружают, то легко спроектировал бы им межпространственный тоннель. Такой же оптико-волоконный кабель можно производить прямо вместе со схемой, впаянной внутрь. После этого останется только подсоединить несколько лазеров, чтобы привести эту шту-

ку в действие, загрузить координаты в компьютер и — готово дело.

Я поежился:

— Как-то все слишком просто получается.

Неро пожал плечами:

— Просто изготовить кабель, если быть точным. А строители тебе все равно понадобятся — расчистить место. Кроме того, не забудь удостовериться в надежности почвы и в сейсмической устойчивости района. Впрочем, эта часть операции тоже достаточно проста. Она не должна занять много времени. — Пока Неро говорил, я подошел к столу и потрогал кабель. — Самое трудное — найти место, откуда можно черпать энергию для питания тоннеля. А ее потребуется столько, сколько вырабатывает весь Феникс плюс энергия небывалой грозы. Боюсь, двух батарей «АА» будет недостаточно. — Лоринг выхватил из стопки бумаг пачку чертежей и шлепнул ее сверху. — Выгоднее всего построить ветряные мельницы. Трудозатраты на них невелики. Еще можно использовать солнечные батареи, но их соорудить будет сложнее. Учитывая, что Скрипичник снабдит нас массой безмозглых работников, мы могли бы подумать над чем-нибудь вроде плотины, но установка турбин для гидроэлектростанции — дело непростое.

Я нахмурился:

— Что ж, теперь нам известно, что ключевой вопрос — это вопрос энергии. Но если сооружение межпространственных врат не потребует осо-

бых затрат, мы можем выделить больше ресурсов на строительство электростанций. Еще надо учесть, что измерение с щедрыми источниками избыточной энергии вряд ли окажется пригодным для обитания, а это значит, что энергию придется перекачивать через пространственный барьер.

Неро растерянно мигнул:

— Верно. Тогда, возможно, гидроэлектростанция — самое удачное решение. Займусь-ка я обследованием бездействующих электростанций. В случае чего можно позаимствовать турбины там.

Я похлопал его по плечу.

— Замечательно. Кстати, об обследованиях. Как идут дела с определением местонахождения Риухито?

Неро помрачнел:

— Если дело и продвигается, то не так хорошо, как я надеялся. Энцефалограммы, которыми снабдили меня японцы, сняты у принца во время сна. Это значит, что я могу обнаружить Риухито, только когда он спит. Если описание штаб-квартиры Пигмалиона, которое дал нам Мики, верно, то мы должны сделать вывод, что там время течет быстрее, чем на Земле. В таком случае периоды сна Риухито короче обычных.

— Выходит, я заставил вас искать иголку в стоге сена.

— Ну, не так все ужасно. Главное, что у моих сканеров есть образец для сравнения. Я просто еще раз их проверю, а потом мы все обсудим с Кроули. Можно будет состряпать какой-нибудь, ко-

торым он сможет пользоваться при разведке. — Неро улыбнулся довольной улыбкой. — А японцы начали собирать компьютер, который, вероятно, понадобится нам для создания управляющего устройства. Помнишь, в машине Скрипичника управляющая плата копировала участки мозга моей дочери? Так вот, мы работаем над созданием параллельного процессора. Возможно, эта штука произведет сенсацию в компьютерном мире. Мы используем программное обеспечение для проектирования мыслящей системы, а потом припаиваем платы и микросхемы, чтобы приблизить ее к имеющейся матрице.

— Превосходно.

Предыдущее устройство было повреждено во время попытки Скрипичника проникнуть в Феникс. Поэтому компьютер, заменяющий его, пришлось создавать из подручных материалов. Мы не только не знали, каким образом Скрипичник умудрился сделать эту машину, но никогда и не помышляли о том, чтобы заменить микросхему, которая работала на основе принципов, известных только Темному Властелину.

Раздался стук, и я повернулся к двери. В кабинет вошел Синклер.

— Надеюсь, я не помешал. Есть новости, и я подумал, что ты захочешь услышать их сразу. С какой начинать — с хорошей или с плохой?

— Наверное, с хорошей, — ответил я, усаживаясь в одно из вращающихся кресел, стоявших у моего стола.

Син опустился в другое кресло и обменялся рукопожатием с Неро. Я чувствовал их взаимное дружелюбие и был этому рад, потому что знал: им придется работать в гораздо более тесном контакте, чем другим членам моей команды. Неро Лоринг будет разрабатывать проект нашей штурмовой базы, а Син — координировать силы, которые воплотят этот проект в жизнь.

Син поудобнее расположился в кресле и положил на колени синюю кожаную папку.

— Хорошая новость заключается в том, что я только что закончил переговоры с финансовым директором «Декка констракшн». Мы договорились, что они обеспечат нас оборудованием, консультантами и инспекторами почти для всех работ, которые нам необходимо выполнить. Я встречусь в гольф-клубе со Скоттом, и мы уточним с ним все детали. Заручиться услугами «Декки» — крупная удача. Они настоящие асы по части работ, требующих высоких технологий. Делают все на совесть и быстро. Более того, они сотрудничали с японцами в нескольких международных проектах и имеют опыт строительства в изолированных районах.

Я улыбнулся:

— Отлично. Значит, вопрос с экспертами решен. Это *очень* хорошая новость. Настолько хорошая, что я даже боюсь спрашивать о плохой. Она уравнивает хорошую?

Син рассмеялся глубоким грудным смехом.

— Нет. Она не настолько плоха.

Он бросил мне папку. На синей коже красовался вытисненный золотом логотип «Билдмора» и заглавие: «Компьютерный Центр в Андах. Предложение». Открыв папку, я увидел текст, содержащий множество сведений о «Билдморе», и фотографии завершенных проектов. Выполненные на компьютере эскизы, расположенные на следующих страницах, выглядели довольно профессионально, а цена, запрашиваемая за реализацию проекта, была на миллион доллармарок ниже той, которую мы выделили на создание нашего аванпоста.

Син выжидательно смотрел на меня.

— Очевидно, у моего отца есть шпионы, которые сообщают ему о перспективных проектах. Он получает информацию и быстренько стряпает смету.

— Похоже, твой отец хочет взяться за наше дело.

Син кивнул:

— Очень хочет. Синие кожаные папочки предназначены только для самых важных клиентов, на которых нужно произвести впечатление. Конечно, сам он этим заниматься не станет. Он получил какой-то секретный проект в Неваде, в котором заняты почти все его рабочие. Если мы примем его предложение, он скорее всего перепоручит работу подрядчикам, а потом снимет сливки в виде процента, который сдерет с субподрядчиков и поставщиков.

— Твой отец знает, как делать деньги.

— Это точно. Скорее Линкольн побреется наголо, чем папенька потратит лишний цент. — Син

пожал плечами. — Я думаю, тебе лучше просто-напросто проигнорировать его предложение. Мы же не приглашали его составлять смету. Он хочет получить эту работу, потому что ему нужен японский рынок, а кроме того — возможность командовать мной через тебя.

— Ты прав, лучше действительно послать его подальше.

Я встал, обошел стол и сел в рабочее кресло. Я вдавил одну из кнопок на поверхности стола, и комнату огласил безошибочно узнаваемый звук телефонного гудка. На экране компьютера появилась клавиатура, и я набрал номер, напечатанный на первой странице предложения. После недолгого ожидания мне ответил осторожный голос:

— «Билдмор». Кабинет мистера Мак-Нила.

— Пожалуйста, сообщите мистеру Мак-Нилу, что с ним хочет поговорить Микаэль Лоринг.

— Сию минуту, сэр.

В наушнике приятная музыка. Я подключил внешний динамик. Мотивчик оказался достаточно раздражающим, чтобы Неро Лоринг поднял голову. Они с Сином обменялись озадаченными взглядами, потом вопросительно посмотрели на меня. Музыка смолкла, послышался щелчок.

— Дариус Мак-Нил на проводе. Вам понравилось наше предложение, Микаэль?

Я машинально кивнул.

— Оно произвело на меня большое впечатление. Да, я переключил нас на внешний динамик. Здесь мой дядя, Неро Лоринг, и ваш сын, Синклер.

— Привет, Неро. Как поживаешь после ухода на пенсию? Надеюсь, наслаждаешься жизнью?

— Все развлекаюсь, Дариус. Все развлекаюсь.

Сына в своем приветствии старший Мак-Нил подчеркнуто не упомянул.

— Дариус, предложение, которое вы выдвинули, сэкономило бы мне более миллиона доллар-марок, — сообщил я, открывая синюю папку.

— Я знаю, — на другом конце провода послышалось жизнерадостное хихиканье. — Когда нам приступить?

Его самоуверенность очень меня позабавила. Я не удержался от улыбки.

— Об этом я и хотел с вами поговорить. Видите ли, я отказываюсь от вашего предложения.

— Что?! Вы не можете...

— О, вполне могу, и, более того, я так и делаю. На вас работает группа социопатов, называемых «Воинами Арийского Мирового Союза». Они убили жену моего друга, ранили его самого и едва не разожгли войну банд в Затмении. Кроме того, вы причинили большие неприятности Синклеру, а он тоже мой друг. И наконец, вы — страдающий манией величия засранец с диктаторскими замашками. — Я с треском захлопнул папку. — Честно говоря, сэр, я не позволил бы вам построить мне песчаный замок на плевках и кошачьем дерме, даже если бы вы предложили оплатить все строительство.

— Вы не имеете представления, с кем говорите, Лоринг! — завизжал в телефон Дариус Мак-

Нил. — Я не тот человек, с которым можно обращаться, как...

Я ударил по значку телефона, и комнату наполнил длинный телефонный гудок.

— Нельзя же постоянно всем угождать, верно?

Син и Неро рассмеялись, и я к ним присоединился. Син покачал головой:

— Представляю себе состояние папочки. Давление у него наверняка сильно зашкалило. Ничто его не бесит сильнее, чем собеседник, бросивший трубку. — Он встал, подошел к окну и посмотрел на северо-запад, где возвышалась цитадель «Билдмор корпорэйшн». — Держу пари, через пару минут мы увидим вылетевший из его окна стул.

Я пожал плечами и тоже поднялся.

— Боюсь, мне придется послушать об этом в новостях. Мне пора отправляться на радио. Сколько мест мы можем предложить?

Син на мгновение задумался.

— Сотни три плюс-минус пару десятков. При зачислении будет учитываться опыт работы и способность видеть в протоизмерениях.

— Значит, три сотни. — Я улыбнулся обоим. — Спасибо вам. Держите тут все под контролем, пока меня не будет. Кто знает, может, в конце концов нам все-таки удастся одержать победу.

Вопреки календарю, который показывал, что лето уступило место осени, топка Феникса продолжала шпарить вовсю. Но, несмотря на жару, я

надел поверх рубашки галстук и легкую куртку. Поскольку я собирался не на телевидение, а всего лишь на радио, одеваться по всей форме казалось мне необязательным, но тем не менее я хотел создать образ респектабельного бизнесмена. Рубашка, галстук и темные брюки помогали достижению этой цели, а ветровка придавала мне немного неофициальный вид, да и кевларовый бронежилет под ней заметить сложнее.

Радиостанция КТАР находилась на углу Третьей авеню и Осборна. Она занимала верхний этаж четырехэтажного здания и поэтому располагалась на уровне верхнего шоссе, проходящего под Застывшей Тенью. Поскольку здание находилось неподалеку от западной границы Городского Центра, проще всего было бы добраться из «Лорики» до Центра на маглеве подвеске, а потом пройти полмили до станции по верхнему шоссе.

Я встретился с Нэтч у одного из западных выходов Городского Центра. Обычно она одевалась так, чтобы скрыть свою женственность, что было совсем не глупо, учитывая полное беззаконие, царящее в Затмении. Нэтч носила чересчур свободную одежду, которая ее старила, и никогда не появлялась без черной кожаной куртки, которую не снимала, как бы ни пекло солнце.

Поэтому перемены в ее туалете бросились мне в глаза сразу. Нэтч надела голубую замшевую юбку и такую же куртку поверх белой шелковой блузки. Куртка в ковбойском стиле на рукавах и на спине была украшена бахромой. Кожаные са-

пожки, гармонирующие по цвету с костюмом, до-
ходили Нэтч до середины икр. Несмотря на ши-
рокие — в дюйм — каблуки, их фасон довольно
сильно отличался от фасона ковбойских сапог.

Но изменения коснулись не только одежды
Нэтч. Изменилась и ее внешность. Она собрала
волосы в хвост и подвязала их голубой лентой.
Мастерски наложенная косметика сделала чер-
ты ее лица четче, и Нэтч стала выглядеть еще
экзотичнее. Она надела ожерелье из маленьких
желтых цветочков и сережки в форме звезд с
бриллиантами на концах.

Я кивком выразил одобрение, и Нэтч покраснела.

— Я никогда еще не бывала на радио. Я...

Я поднял руку, останавливая ее:

— Ты выглядишь просто сногсшибательно.
Пусть это только радио, я не сомневаюсь, что каж-
дый, кто услышит тебя, это почувствует.

Нэтч робко улыбнулась.

— Раджани выбирала одежду, а Джитт меня
накрасила и дала мне эти побрякушки. — Она на
миг опустила глаза. — Даже Бату понравилось.

— Конечно. Он же не дурак. — Я открыл дверь
и придержал ее перед девушкой. — Пошли, а то
опоздаем.

— Пошли.

Следом за Нэтч я вышел в Затмение. Отсюда,
с верхнего яруса, открывался отличный вид на
город внизу. Освещенное неоновыми лампами и
слабым светом древних фонарей, Затмение каза-
лось нереальным. Мы различали людей, идущих

по улицам, и даже слышали выстрелы в отдалении, но все равно у меня было такое впечатление, будто жизнь здесь замерла. Бесцельное блуждание пешеходов и беспорядочные глухие звуки создавали впечатление запустения и какой-то искусственности.

Я заметил, как поежилась Нэтч, и уловил выплеснувшееся из нее отвращение, смешанное со страхом.

— Что с тобой, Нэтч?

Избегая моего взгляда, она пожала плечами.

— Я всегда ненавидела людей там, наверху. Считала, что они смотрят на нас, обитателей Затмения, свысока, потому что они просто чванливые, самодовольные тупицы. Но отсюда, сверху...

Я кивнул:

— Это правда. Сверху Затмение вовсе не кажется очаровательным местом. Там, внизу, еще хуже, и здесь, на некотором удалении, лучше чувствуешь всю его неприглядность. Важно помнить, что мы работаем ради победы над теми силами, которые держат людей внизу.

Нэтч бросила на меня хмурый взгляд. Ее синие глаза ярко блестели в полумраке.

— Ты думаешь, это что-то изменит, Кейнмэн? Даже в этом наряде охранники не хотели пускать меня в Центр. Но когда я показала им удостоверение «Лорики», которое ты мне дал, их словно подменили. «Мисс Ферал то, мисс Ферал се...» У корпораций есть власть, и так просто они ее не отдадут.

— Ты помни одно, Нэтч: знание — это оружие. Мы знаем, какие силы стоят за нынешним положением вещей. Мы их уничтожим и изменим наш мир к лучшему. Три месяца назад «Лорику» держал в своих лапах Скрипичник. Теперь — нет. Перемены всегда даются непросто, но они возможны, и это главное.

Мы замолчали, потому что подошли к зданию КТАР. Вход преграждали двери из затемненного пуленепробиваемого стекла. Я нажал кнопку под динамиком, встроенным в стену, и, согласно инструкции на панели, держал ее, пока мне не ответили. В ожидании ответа я обвел глазами вход и заметил слева над дверью глазок камеры.

— Да? — раздался бесполоый голос.

— Микаэль Лоринг и Наташа Ферал. Мы приглашены на семичасовую передачу Чарльза Джойетта.

— Я впущу вас в вестибюль.

Прозвучал зуммер, и Нэтч открыла дверь. Мы вошли и увидели охранника в застекленной будке. Еще два охранника, вооруженные автоматами, стояли по обе стороны металлодетектора. Мы прошли через него беспрепятственно и попали в вестибюль, где у каждого встречного на поясе или под мышкой болталась кобура с пистолетом. Судя по всему, люди чувствовали себя совершенно непринужденно, оружие не вызывало у них неловкости. Одна из стен вестибюля была увешана хвастливыми стендами, посвященными успехам персонала КТАР в стрельбе. Они регулярно вы-

игрывали местные соревнования среди организаций, представляющих средства массовой информации. Рядом были выставлены трофеи, и там, за самым большим кубком, пылился микрофон на золотой подставке — награда, присуждаемая за лучшую радиопередачу года.

Мы с Нэтч обменялись выразительными взглядами. Казалось, ее забавляло чувство неловкости, которое я испытывал. С тех пор как я обосновался в Фениксе, я почти никогда не расставался с оружием, и сейчас, невооруженный среди людей с пистолетами, я ощущал некоторый неуют. Но, поскольку я не чувствовал тревоги, исходящей от окружающих, то и мое беспокойство немного улеглось. Я решил, что все они парни бывалые и, следовательно, головы не потеряют и не начнут палить куда попало.

Из коридора в вестибюль вышел высокий, широкоплечий, темноволосый человек с открытым лицом и широкой улыбкой. На нем были джинсы и зеленый свитер. Из кобуры под мышкой торчала рукоятка кольта 1911A1. По пластинке на обойме, торчащей из рукоятки, я заметил, что оружие переделано для стрельбы патронами калибра 10 мм. Что ж, в этом был смысл: в руках крупного мужчины отдача не будет играть большой роли, и, кроме того, обойма вместит больше патронов — дополнительное преимущество.

— Вы, должно быть, Микаэль Лоринг. — Мужчина протянул мне руку, и мы обменялись крепким рукопожатием. — А вы — Наташа Ферал?

Чарльз Джойетт. Давайте пройдем в студию и устроим вас поудобнее.

Он подвел нас к двери с кодовым замком и быстро набрал нужную комбинацию. Мы прошли за ним по коридору мимо ряда мониторов с выпусками новостей четырех основных радиостанций Феникса, свернули направо и после короткой прогулки по темному коридору попали в студию.

Чарльз плюхнулся в кресло за пультом и указал мне на кресло напротив. Нэтч он усадил справа от меня таким образом, чтобы мы оба сидели к нему лицом. За спиной Нэтч огромное фальшивое окно изображало вид на Феникс. Стеклопанель за моей спиной позволяла Чарльзу видеть операторскую, где техники и репортеры из бригады новостей готовили выпуск последних известий.

— Пододвиньте к себе микрофоны. Они должны находиться на уровне рта, сантиметрах в пяти-восьми от губ. Когда мы перейдем к ответам на звонки наших слушателей, вам понадобятся наушники. — Он пошуршал какими-то бумажками и бросил взгляд на монитор компьютера слева. — Кусок должен получиться отличный. Надеюсь, аппаратура не подведет. У нас будет задержка в семь секунд, так что, если вдруг выскользнет не то слово, будет время поправиться. — Он вручил нам по карточке. — Прочитайте и распишитесь внизу. Это простая предосторожность, но нам приходится выполнять эту формальность ради соблюдения законности.

Я взял карточку и, прежде чем прочесть текст, повертел ее в руках. На обратной стороне был нарисован план станции с красной линией, ведущей от студии к аварийному выходу. Я предположил, что это инструкция на случай пожара, но ошибся. Текст на карточке был следующим:

В соответствии с указом Гвина-Роговича (указ муниципалитета Феникса за номером 23-491-020-01) я, нижеподписавшийся, информирован о маршруте эвакуации на случай вооруженного вторжения в здание данной радиостанции. Я подтверждаю, что не имею при себе огнестрельного оружия, и в случае возникновения перестрелки предоставлю вести бой сотрудникам и охранникам станции.

— Указ Гвина-Роговича? — Я поднял бровь.

Чарльз кивнул:

— Я и забыл, что вы родились не в Фениксе. В восьмидесятых и девяностых годах прошлого века у нас здесь было несколько инцидентов. Один сумасшедший по имени Уилли Гвин взял в заложники телеведущего и заставил его передать зрителям свое заявление. В 1992 году четырехкратный убийца Пит Рогович захватил фургон радиостанции и совершил на нем побег. Городской совет решил, что все работники радио и телевидения должны ходить вооруженными, чтобы впредь такие вещи не повторялись.

Я нахмурился:

— Может быть, усиленный наряд полиции был бы лучшим решением?

Чарльз небрежно пожал плечами:

— Битвы за рейтинг в последнее время стали довольно грязными играми, и служба безопасности «Скорпион» никоим образом не желает находиться в их эпицентре. Но не беспокойтесь, подобных инцидентов не было с тех пор, как одна пиратская станция была втянута в перестрелку со сторонниками Ива Меша.

— Чарльз, вы в эфире через десять секунд, — раздался в динамике голос оператора.

Чарльз кивнул кому-то за нашими спинами, потом посмотрел на часы на мониторе компьютера. Когда они показали 7:00:00, он склонился к микрофону.

— Вас приветствует Чарльз Джойетт в очередном выпуске программы «Работа для вас» радиостанции КТАР. Сегодня у нас в гостях новый президент корпорации «Лорика» Микаэль Лоринг и одна из первых участниц программы компании «Шанс для отважных» Наташа Ферал. Добро пожаловать, дорогие гости!

— Благодарим вас, Чарльз.

Он посмотрел в свои заметки, потом улыбнулся.

— «Лорика» открывает новую программу, которую вы назвали «Шанс для отважных». Что вы можете рассказать нам об этой программе?

Я поднял глаза и поймал его взгляд.

— «Лорика» начинает набор людей, которые хотят вырваться из нищеты и покончить с ны-

нешним полуголодным существованием. В данный момент, например, мы начинаем первую стадию программы «Шанс для отважных», и для нее потребуется в целом триста мужчин и женщин, желающих уехать из Феникса на срок от одного до трех месяцев. Мы обеспечим их пищей, жильем, транспортом, инструментами, страховым полисом, премиями и щедрым жалованьем, но должен предупредить, что работа предстоит тяжелая и, возможно, даже опасная.

— Поэтому программа называется «Шанс для отважных»?

— Совершенно верно. Набирать работников мы будем через фонд «Солнце надежды»; те, кто заинтересуется нашим предложением, там могут получить более полную информацию. Мы хотим привлечь специалистов широкого профиля, мастеров на все руки, потому что нам придется жить одной маленькой коммуной до тех пор, пока мы не закончим работу.

Чарльз кивнул и перевел взгляд на Нэтч:

— Теперь вопрос к вам, мисс Фарелл. Вы одна из первых добровольцев, принятых для участия в программе. Вы прожили в Фениксе всю жизнь?

— Д-да, — немного нервозно начала Нэтч, но улыбка ведущего помогла ослабить ей напряжение. — Я жила в Затмении и услышала о программе от одного друга из «Солнца надежды».

— Так вас приняли заблаговременно?

— Наташа будет одним из координаторов проекта, — вмешался я. — В частности, она будет

участвовать в отборе кандидатов. Она относится к той части нашего персонала, которой мы поручили реализацию программы.

— Что привлекает вас в этой программе, Наташа?

— Предложенный шанс, наверное. Жизнь в Затмении под Застывшей Тенью вызывает ощущение, будто тебя держат в запечатанной бутылке, понимаете? — Она поглядела на окно, сделала секундную паузу, потом продолжила: — Я увидела в этой программе возможность вырваться из бутылки. Уехав из Феникса, я получу шанс узнать что-то о себе. Если у меня не будет такого чувства, будто я живу под камнем, может быть, я перестану чувствовать себя червем. Во всяком случае, попробовать не мешает.

Я улыбнулся и подмигнул Нэтч. Ведущий снова повернулся ко мне и задал следующий вопрос, на который я быстро ответил, а после этого пошла реклама. Чарльз продолжал вести передачу в той же непринужденной манере, то предлагая обсудить какой-нибудь общий вопрос из жизни города, то приглашая нас ответить на вопросы слушателей, звонивших на студию. Чаще всего звонившие хотели узнать, подойдут ли они или кто-то из их знакомых для программы «ШДО». Все шло как по маслу и скоро — как-то уж слишком скоро — время, отведенное на передачу, подошло к концу.

— Что ж, вот и все на этот час. После выпуска новостей мы вернемся в студию с лидером «Скептиков Феникса» и обсудим непрекращающиеся

слухи об НЛО и других загадочных явлениях и странных существах, хлынувших в наш штат из Невады. — Чарльз нажал кнопку на пульте и снял наушники. — Эгей, замечательная передача получилась. В следующий раз придется взять два часа.

— Ловлю вас на слове, — сказал ему я. Передача вселила в меня надежду на то, что на следующий день к нам придут тысячи добровольцев. В то же время отчаяние, звучавшее в некоторых голосах, заставило меня задуматься, не была ли права Нэтч, сомневаясь в наших способностях изменить мир к лучшему. В союзе со Скрипичником мы, возможно, достаточно сильны, чтобы сокрушить Пигмалиона, но потом нам все равно придется иметь дело со Скрипичником, а его никоим образом нельзя считать слабым противником.

Я поблагодарил Чарльза, чувствуя, как во мне нарастает ощущение надвигающейся беды. В вестибюле мы расстались, оставив его со следующим гостем передачи, крепким бородатым коротышкой, и вышли из здания. Когда дверь за нами с щелчком закрылась, я повернулся к Нэтч:

— Ты молодец. У тебя отлично все получилось.

— Спасибо.

Мы двинулись обратно к Центру, и я внезапно осознал, почему у меня на душе так тревожно. Это тяжелое чувство не имело никакого отношения к Скрипичнику и опасности, которую он представлял. Мы участвовали в передаче радиостанции, местоположение которой было всем прекрасно известно. Мы покинули здание сразу после оконча-

ния программы и вышли через ту же дверь, в которую входили часом раньше.

Мы предоставили любому, кто хотел свести с нами счеты, великолепную возможность осуществить свое намерение.

«Воины Арийского Мирового Союза» не преминули воспользоваться случаем. Два светловолосых молодых человека в серых шерстяных пальто выступили из тени нам навстречу. Рывком распахнув пальто, они выхватили оружие. Я повернулся, чтобы предупредить Нэтч, но, прежде чем успел произнести хоть слово, услышал грохот и увидел, как она сложилась пополам, получив пулю в живот.

В этот миг я вспомнил все, чему научился, когда был орудием Скрипичника. Сместившись влево, я заслонил телом падающую Нэтч и избежал большей части пуль, предназначенных мне. Я чувствовал их удары и слышал, как они впиваются в шелк моей ветровки, но кевлар задержал четыре или пять кусочков металла, попавших в цель.

Частью сознания я оценил причиненный ущерб. Я чувствовал боль, стало быть, жилет задержал не все пули. Принимая во внимание принцип действия кевлара и расстояние, с которого велась стрельба, мне повезло, что хоть часть пуль застряла в жилете. Я шагнул к одному из «арийцев», который перезаряжал пистолет, но его дружок вскинул запрещенный «Инграм Мак-10» с глушителем. Я рванулся влево, так, чтобы первый «ариец» оказался между мной и стволом, хотя

понимал: если он все же выстрелит, я — покойник. С такого расстояния его пули сорок пятого калибра прошивают и его напарника, и мой жилет запросто. А учитывая, что «арийцев» тоже обеспечивают жилетами, автомат, весьма вероятно, защищен пулями с тефлоновым покрытием.

Рассчитывая на остатки чести среди отребья белых расистов, я воспользовался прикрытием и сделал свой ход. Рванув вперед, я зигзагами домчался до перил, огораживающих пешеходную дорожку на кромке верхней улицы. Под свист пуль, с искрами отскакивающих от перил, я перепрыгнул ограждение и полетел вниз.

Арийцы действительно использовали тефлоновые пули. Одна из них ударила меня в левое плечо, и я перевернулся в воздухе. Волна боли раздавила меня, и вслед за ней я услышал хруст раздробленной кости.

Я прыгнул с верхней улицы, понимая, что могу покалечиться при падении, но, если бы я остался наверху, меня неминуемо ждала бы смерть. Теперь, когда пуля изменила траекторию моего движения, я потерял способность управлять телом. Я не видел, куда приземлюсь, а поскольку падал параллельно земле, не мог подобрать под себя ноги, чтобы смягчить удар. Мне оставалось только расслабить мышцы и надеяться на удачное приземление.

Моя надежда оказалась тщетной. Я приземлился на широкий край неизвестно чего.

Мой позвоночник хрустнул, и нижняя половина тела онемела в то же мгновение. Ноги, которых я уже не чувствовал, тяжело ударились о землю, и меня снова швырнуло вверх. Я сделал в воздухе сальто, упал лицом вниз и почувствовал на губах вкус пыли.

Я изо всех сил старался отогнать боль, пульсирующую в левом плече в ритме, созвучном пытке, терзающей мой позвоночник. Мне сразу же стало понятно, что левая рука уже ни на что не годится, так же как и ноги. Но даже в таком положении мне было лучше, чем Нэтч. Я пока еще оставался в живых и имел шанс спастись. Если мне удастся дотащить до тени, отбрасываемой полуразрушенной кирпичной стеной, которая сломала мне позвоночник, «ариец» с автоматом не сможет меня достать.

— Ты слишком глуп, чтобы жить, Лоринг! — услышал я сверху. Потом раздался слабый щелчок, за ним глухой удар, секундой позже — снова глухой удар. Я поднял голову и увидел, как передо мной в пыль шлепнулся голубой шар. Я уставился на него и в это мгновение кристальной ясности понял, что золотой символ, выдавленный на голубом пластике оболочки гранаты, — это логотип корпорации «Билдмор».

Книга 2

ИНКУБАЦИОННЫЙ ПЕРИОД

7

Увидев Бата в дверном проеме конференц-зала, Синклер Мак-Нил с трудом сглотнул подступивший к горлу комок. Руки гиганта были сжаты в кулаки, на бедре висел пистолет, а широкую грудь пересекала лента с обоями. Но, судя по развороту плеч и яростному оскалу, Бат собирался разделаться с подонками голыми руками. Пистолет он взял только потому, что даже ему было известно, что глупо вступать в схватку с врагом безоружным.

— Я не могу отпустить тебя, Бат. — Син оглядел комнату, ожидая поддержки, и получил ее от Раджани и Хэла, но Йидам, Вета и Кроули остались равнодушны к его молчаливому призыву. — Ты с ними не справишься.

Огонь в глазах Бата наводил на мысль о безумии, но холодная жесткая улыбка ясно сказала Сину, что борец полностью владеет собой.

— Я не нуждаюсь в твоём разрешении.

— Бат, это глупо. Ты даже не знаешь наверняка, что стреляли «арийцы». — Син отчаянно старался изгнать из голоса умоляющую нотку, но у

него ничего не получалось. — Если ты пойдешь, то предашь Койота, который тебе верил.

— Нэтч мертва. Она тоже мне верила. — Бат поднял руки и свел напряженные пальцы, словно схватил кого-то за горло. — Генрих и его «Воины» зарвались. Теперь они заплатят за все.

— Бат, ты не понимаешь... Койот в нейрологическом центре Барроу. Может быть, он выйдет из комы и скажет нам, кто это сделал.

Бат опустил левый кулак на стол переговоров. Кофейные кружки со звоном подпрыгнули, а на крышке осталась вмятина.

— Я тебе не подчиняюсь. Ты здесь не командуешь.

— Перед уходом на радио Койот попросил нас с Неро держать всю работу под контролем. — Син потер пальцами лоб. — Я понимаю, почему ты взъелся на Жнецов — они забрали тело Нэтч, и у тебя есть свидетели, готовые это подтвердить. Но все остальное требует доказательств. Нам не нужна еще и твоя смерть. Отложи оружие и начни думать разнообразия ради.

— Я много думал, Мак-Нил. Я понимаю твою игру, — прежде чем Син успел пошевелиться, Бат в два шага преодолел расстояние между ними и сгреб его за воротник. Без видимого напряжения борец оторвал Сина от пола и прижал к стене. — «Арийцы» работают на твоего отца. Не рассчитывай, что тебе удастся их защитить. — Бат занес правый кулак. — Я сотру твоего папашу в порошок, но сначала превращу в отбивную тебя.

— Нет, — раздался тихий шепот, и бледная рука с длинными пальцами обвила правое запястье Бата. Когда борец попытался выбросить кулак вперед, рука на его запястье напряглась и потянула руку Бата вниз и назад. Он отпустил Сина и развернулся.

Оба — и Бат, и Мак-Нил — замерли с открытыми ртами.

— Джитт?! — воскликнули они в один голос.

Син всегда видел в ней прекрасную женщину, живущую в невидимой клетке. Он знал, что она исполняет роль компьютерного мага группы, и не раз имел возможность убедиться в ее мастерстве. Но она всегда казалась ему ходячим автоматом — не бесчувственной, но неспособной чувствовать и разделять чувства. В это мгновение Син осознал, что воспринимал ее скорее как некое устройство, чем как человеческое существо.

Белокурая красавица кивнула им с Батом:

— Я тоже... думала. Я должна принести всем вам извинения, потому что в случившемся есть большая доля моей вины. Мне следовало бы предвидеть... события. Я верю, мы вернем то, что утратили, но для этого мне нужна ваша помощь — всех вас.

Син сел за стол, даже забыв поправить рубашку. Джитт изменилась — разница была едва различимой, но все же заметной. На ней была та же, что и всегда, одежда, скрывающая ее тело, словно кокон, но неуловимо изменились движения Джитт. Казалось, теперь она не только движется вместе со

своим коконом, но и сражается с ним. Син слышал, что она помогала Нэтч покраситься перед тем, как девушка ушла с Койотом, поэтому он пристально вгляделся в лицо Джитт, отыскивая хоть какие-то признаки косметики. Ему не удалось ничего заметить, но, может быть, она пользуется косметикой настолько мастерски, что тут нужен очень наметанный глаз?

Бат плюхнулся в ближайшее кресло, а Джитт пошла к креслу, стоящему во главе стола.

— Прогнозы медиков в отношении Койота очень пессимистичны. В службе безопасности «Скорпион» полагают, что он ухитрился правой рукой оттолкнуть себя от гранаты, поэтому удар пришелся не на голову и плечи, как должно было бы случиться, а на тело. Он получил осколочные ранения в грудь, живот и ноги. Многие внутренние органы пробиты или разорваны, но сердце не задето. — Джитт вздрогнула и поморщилась. — Кость и осколки гранаты проникли в мозг. Он еще недостаточно окреп для операции. При таком положении вещей, если он вообще выйдет из комы, то вряд ли сможет ходить и скорее всего потеряет левую руку. Правую руку, возможно, удастся спасти, если врачи извлекут осколки. Вообще же, если Койот и выживет, то, вероятнее всего, навсегда останется калекой.

Бат скрипнул зубами:

— Он хотя бы жив.

— А Нэтч мертва. — Джитт замолчала, словно пыталась понять, почему по ее левой щеке ка-

тится слеза. — Ты разделался с теми, кто забрал ее тело.

— Не со всеми. Пока еще.

— Ты сломил их. Этого пока достаточно, Бат. Убийцам Нэтч мы отомстим вместе, в должное время, но сейчас перед нами стоит более неотложная задача, и мы должны справиться с ней.

— Более неотложная задача? — Бат покачал головой. — Нэтч мертва.

— По крайней мере ей больше не больно. — Джитт вскинула голову. — Посмотри на меня, Бат. Посмотри, что сделал со мной Пигмалион. — Она поднесла руку к голове и пропустила пальцы сквозь длинные волосы. — Это не мои руки. Это не мои волосы. Это не мои глаза. Он убил меня, отняв все, что у меня было, и дал взамен это тело. — Ее синие глаза полыхнули огнем. — Ты видел, что он сделал с Мики. Ты знаешь: он делает, что захочет, с кем захочет и когда захочет. Он не признает никаких ограничений — внутренних или внешних. Если на его стороне будет Риухито, его могущество усилится вдвое, если не вчетверо, а ему, в отличие от Скрипичника, открыт доступ на Землю.

Бат неохотно кивнул, но Син видел, что плечи его по-прежнему напряжены.

— Ладно, сначала Пигмалион, для разминки. Но потом «арийцы» умрут.

— Я думаю, мистер Кабат, вам следует сосредоточиться на Пигмалионе, а об «арийцах» лучше забыть. — Деймон Кроули встал из-за стола,

аккуратно задвинул стул на место и обвел взглядом присутствующих. — В ближайшее время вам от меня будет не много прямой пользы. Но два полезных дела я все-таки сделаю. Они в какой-то мере облегчат вам подготовку к борьбе с Пигмалионом.

Джитт чопорно кивнула:

— Объяснитесь, пожалуйста.

Кроули улыбнулся:

— Во-первых, я заберу Койота в такое место, где он сможет поправиться. Как вам, наверное, известно, некоторые протоизмерения обладают свойствами, совсем не похожими на физические законы нашего мира. Существует одно измерение, известное в греческой мифологии как Тартар. Там действительно живет гигантское существо, которое отзывается на имя Титий. Он прикован к скале, и огромные хищные птицы каждый день терзают его тело, а ночью раны заживают, и эта пытка может продолжаться вечно. Но регенерация тканей происходит не из-за особенностей организма Тития, а благодаря свойствам его тюрьмы.

Синклер кивнул. Он припомнил, что Койот рассказывал ему об этом измерении, а внезапное омоложение Кроули служило доказательством того, что это место действительно чудотворно. До тех пор пока Син не увидел созданий из других измерений, таких как Йидам, Вета или твари, созданные Скрипичником, он не верил историям, которые ему рассказывали. Но сейчас он отчаянно

надеялся, что такое измерение существует и там Койот исцелится.

— Я заберу Койота из больницы и перенесу туда. Разница между течением времени там и здесь такова, что он должен выздороветь очень быстро, хотя осколки гранаты в его теле могут усложнить дело. — Кроули пожал плечами. — Но я не знаю, как может повлиять измерение Тития на человека, который находится в коме. Не исключено также, что сам Койот, будучи в коме, повлияет на свойства измерения.

Син помрачнел:

— А поврежденные нервные центры там восстанавливаются?

Кроули кивнул:

— В этом измерении восстановился целиком весь мозг, так что те дырки, которые Койот получил здесь, и смещенный перелом позвоночника — не проблема. — Кроули перевел взгляд на Бата, и в его зеленых глазах вспыхнул огонек. — А после этого я убью воинов «Арийского Мирового Союза».

— Нет!

— Да. — Голос Кроули упал до ледяного шепота, от которого у Сина похолодело внутри. — Они — *мое* дело, и я возьму их на себя. Если вы хотите поспорить со мной, мистер Кабат, я к вашим услугам, но все равно после этого у меня останется достаточно сил и на них.

Бат вскочил, но Кроули, казалось, даже не заметил этого.

— Они убили Нэтч.

— Правильно, они убили Нэтч, и по этой причине по меньшей мере один из них заслуживает смерти. Но это не значит, что они *все* заслуживают смерти. — Кроули подтянул за отворот серую перчатку. — Они — бомба замедленного действия. Я их обезврежу. Навсегда.

— Я настаиваю на праве...

Кроули покачал головой:

— Нет, Бат, в данном случае у вас нет никаких прав. На самом деле среди присутствующих, кроме меня, есть только один человек, который может претендовать на выполнение этой миссии. Я говорю о Мак-Ниле.

Сина будто ударило током, когда он услышал свое имя.

— Почему я?

Кроули твердо выдержал негодующий взгляд Бата.

— Что скажут «арийцы», если вы на них нападете, Бат? Они вспомнят, что вы поляк. Вы — не один из них. Для них вы — недочеловек, поднявший руку на представителей высшей расы. Они увидят в вас предтечу великой расовой войны, в которой низшие создания попытаются уничтожить избранный Богом народ. Хэла заклеймят недочеловеком из-за его расовой принадлежности, Йидама и Раджани — тоже. Джитт очернят, потому что ее имя — датский вариант еврейского имени Юдифь. — Кроули показал на Сина, потом — на себя. — Мак-Нил и я ничем не отличаемся от них. Мы — полноправные предста-

вители высшей расы. Мы можем их уничтожить, и это будет называться борьбой за чистоту расы, а не «сумерками богов» и не увертюрой к Апокалипсису.

Бат покачал головой:

— Они скажут, что вас одурачили. Они назовут вас предателями собственной расы.

— Разумеется, но это значит, что те, кто в следующий раз организует такой союз, будут постоянно искать предателей среди своих. Им придется подозревать членов собственной партии, что приведет к мании преследования и анархии. Они сожрут себя изнутри. — Кроули прищурил глаза и хищно улыбнулся. — Никто из нас не в силах искоренить страх и невежество, которые питают ненависть этой партии. Мы можем справиться с ними только одним способом — играя по их правилам. Пусть люди сами найдут изъяны в их логике. Тогда число их сторонников перестанет расти. Движение начнет загнивать. Тогда-то мы и нейтрализуем их.

Бат насупился. Его ноздри трепетали.

— Мне это не нравится...

— Но ты подчинишься, — закончила за него Джитт.

— Ладно, пусть Кроули разбирается с ними. Я могу и подождать.

— Вот и славно. — Джитт неуверенно улыбнулась, потом на ее лице появилось обычное бесстрастное выражение. — Все мы помним, какие задания дал нам Койот. Мы будем продолжать

работу. Хэлу и Теду понадобятся помощники: с завтрашнего дня «Солнце надежды» начинает прием заявлений от кандидатов на наши рабочие места. Неро Лоринг приспособил одно из старых сканирующих устройств для проверки, способен ли человек работать в других измерениях. Он переделал сканер в аппарат для проверки зрения и встроил туда окошко в другое измерение. Устройство позволит нам определить, зрячим или слепым будет наш кандидат в иных мирах. Мы не можем допустить, чтобы участники экспедиции оказались там слепы, но для людей, которые не могут видеть в измерениях, можно будет создать несколько рабочих мест здесь. Полагаю, пока этого достаточно. Нам нужно спешить. Любая задержка играет на руку Пигмалиону. Нельзя допустить, чтобы он закончил обучать Риухито.

— Не беспокойся, — улыбнулся Син. — Проект сооружения разрабатывается, Неро ищет Риухито, а японцы собирают оборудование, которое нам потребуется. Если с набором рабочих не возникнет сложностей и найдется подходящая строительная площадка, мы свалимся Пигмалиону на голову прежде, чем он успеет заметить, что за ним идет охота.

— Мой господин надеется, что вы правы, мистер Мак-Нил. — Вета склонила голову. — Неожиданность — преимущество, от которого нельзя отказываться, ибо любой, даже самый незначительный, Темный Властелин не тот противник, с которым легко сражаться, особенно если он ждет нападения.

Уилл уже три часа стоял в очереди, выстроившейся у фонда «Солнце надежды». Труднее всего было выдержать первый час, потому что этот час он отстоял на улице. Для человека, который родился и вырос в резервации к востоку от Феникса, небо из черных пластин, висящее всего в сотне футов над головой, было невыносимо. Уиллу хотелось бежать прочь от этого искусственно-темного мира, созданного белым человеком, но он не покинул своего места в очереди.

Каждый раз, когда на него накатывало желание удрать, два ярких воспоминания не давали ему этого сделать. Первое — о двух «арийцах», готовых убить человека, лежащего на больничной койке. Хотя Уилл считал, что имеет полное право не вмешиваться в раздоры белых между собой, тогда он вмешался и спас Хэла. Хотел он того или нет, он был частью этого мира, и не мог самоустраниться от его проблем.

Второе воспоминание вызывало у индейца улыбку. Он видел перед собой дедушку, качающего на колене младенца — сына Уилла. *Уилл, если ты хочешь, чтобы этот мир был домом для твоего сына, местом, где он может вырасти и стать счастливым, ты должен это сделать. Я бы пошел сам, но я старик. У тебя есть дар, у тебя есть сердце. Это твой долг.*

Еще два месяца назад Уилл считал свой «дар» пережитком ушедших времен. Из уважения к

старика он выслушивал то, чему учил его дедушка, но всякий раз, когда ему открывался намек на иную реальность, непохожую на общепринятые представления о мире, Уилл отступал. Он был достаточно образован, чтобы верить в непреложность научных истин.

Все изменилось, когда Уилл встретился с человеком, которого, как он теперь знал, звали Микаэль Лоринг. Лоринг сказал ему, что за пределами реальности действительно может что-то существовать. Уилл рассудил, что если человек, возглавляющий многонациональную корпорацию, способен преуспевать, живя в мире, где существует нечто, неподвластное разуму, то ему, Уиллу, тем более не повредит сознание ограниченности собственного опыта.

Стоило Уиллу изменить точку зрения, и многое открылось ему совершенно в ином свете. Он начал видеть взаимосвязь событий и серьезнее относиться к тому, чему учил его дед, и лучше ладить с миром. Ему было по-прежнему нелегко поверить, будто попутчица, которую они подобрали на дороге у Флагстаффа, была гостьей с другой планеты, но этот случай позволил ему поставить еще одну точку, отстоящую от графика реальности на величину куда большую, чем удвоенное среднеквадратичное отклонение.

А теперь другие мерзавцы из «Арийского Мирового Союза» ранили Лоринга и убили его помощницу. И произошло это сразу после того, как Лоринг объявил о наборе рабочих через фонд «Солнце

надежды». Человек, которого Уилл спас от «арийцев», возглавлял этот фонд. Такое совпадение показалось и Уиллу, и его дедушке зловещим предзнаменованием. Пообещав позаботиться о ребенке, дедушка отправил Уилла в Феникс, чтобы он предложил свои услуги Хэлу Гаррету и «Лорику».

Войдя в здание, Уилл оказался в просторном, ярко освещенном зале, дальняя часть которого была отделена низкой деревянной стеной. За ней стояли рабочие столы, а за столами сидели люди, которые беседовали с кандидатами. Перед перегородкой были расставлены другие столы — там работали люди из «Солнца надежды». Они помогали кандидатам правильно заполнить бумаги, а потом проводжали их к столам за перегородкой. В центре зала стояли многочисленные пластмассовые стулья, но по общему молчаливому согласию их оставили женам и детям соискателей, которые переминались с ноги на ногу вдоль стен большого помещения.

Уилл с написанным на руке номером терпеливо ждал своей очереди. Он даже видел Хэла Гаррета, руководившего процессом отбора кандидатов из-за кулис, но не стал привлекать его внимание. Если бы у Уилла имелись какие-то сомнения относительно того, примут ли его, он, возможно, попытался бы что-то предпринять. Но, поскольку сомнений у него не было, он просто спокойно ждал.

Наконец кто-то выкрикнул его номер, и Уилл пошел было на этот голос, но его остановил громкий возглас Хэла Гаррета:

— Я заберу номер 1337 сюда.

Уилл повернулся и увидел, что высокий негр, улыбаясь ему, открывает небольшие воротца в огороженную часть комнаты.

— Рад видеть тебя, Уилл.

Уилл пожал протянутую руку.

— И я вас, сэр. — Он подошел вслед за Хэлом к столу и сел на стул, лицом к негру. — Вы выглядите намного лучше, чем в нашу прошлую встречу.

Хэл кивнул и выдвинул из стола ящик.

— Благодаря тебе я и чувствую себя намного лучше. — Хэл начал писать, потом остановился и улыбнулся. — Ты спас мне жизнь, а я даже не знаю твоей фамилии.

Индеец весело рассмеялся.

— Рэйвен. Это укороченная форма родового имени моего деда. — Уилл назвал Гаррету адрес и сообщил другие сведения, необходимые для заполнения первой части анкеты. — Аллергией не страдаю, хронических заболеваний не имею, наркотиков не употребляю, в полиции досье на меня нет.

Хэл все записал и перевернул анкету на другую сторону.

— Работать придется очень далеко отсюда. Ты не боишься путешествий?

Уилл поежился.

— Нет, нисколько. — Он замаялся, потом решительно посмотрел Хэлу в глаза. — Дедушка велел, чтобы я сказал вам о своих особых способ-

ностях, которые позволят мне пойти туда, куда большинство людей пойти не сможет.

Чернокожий гигант отложил ручку и хлопнул в ладони.

— Твой дедушка произвел на меня впечатление весьма необычного человека. Принимая во внимание твое последнее признание, я думаю, мы сможем обойтись без дальнейших формальностей. — Он снова взглянул на анкету, потом поднял голову. — Дед — твой ближайший родственник?

Уилл покачал головой:

— Нет, у меня есть сын. Ему восемь месяцев. Дедушка о нем позаботится. Если вы оформляете страховой полис, деньги по нему должны перейти мальчику.

— А как насчет его матери?

Индеец опустил голову:

— Она решила, что это для нее чересчур большая ответственность. Она ушла. Я не знаю, где она сейчас. Но это не имеет значения, потому что мальчик в хороших руках. Дедушка вырастил меня, вырастит и моего сына. Мои тетки ему помогут.

Хэл протяжно вздохнул:

— Я не могу принять тебя, Уилл. Существует правило, по которому мы не имеем права подвергать опасности людей, дети которых могут остаться круглыми сиротами. Мне жаль, но я ничего не могу поделать.

Уилл прищурил глаза:

— Значит, вы тоже туда не собираетесь?

— Что?

— Ваша жена погибла при налете, когда вас ранили. Но у вас остались дети. Если вы поедете, они могут остаться круглыми сиротами. Если ваше правило безусловно, вы не должны принимать участия в проекте «Лорики».

Хэл откинулся на спинку стула:

— Из всякого правила есть исключения.

Уилл подался вперед:

— Тогда пусть это будет еще одно исключение. Дедушка сказал, что я должен пойти сюда, должен разделить ваши заботы, если хочу оставить сыну мир, достойный того, чтобы в нем жить. Я не слишком хорошо вас знаю, но, мне кажется, вы здесь по той же причине. Мы должны изгнать Зло из нашего мира, и не имеет значения, какую цену за это заплатит лично каждый из нас, потому что, если мы останемся в стороне, Зло поглотит и нас, и наших детей. — Уилл почувствовал, что Гаррет отнесся к его словам с искренним уважением, но в глубине души еще колеблется. — Позвольте мне также подчеркнуть, что, помимо особых талантов, у меня есть навыки, которых вы не найдете ни у кого из тех, кто вырос в Великой Тьме. Я не жил под навесом. Я умею охотиться и читать следы. Я знаю, как выжить во враждебной обстановке. Я зряч там, где другие слепы.

Гаррет кивнул:

— Пойдем со мной. — Он встал и повел Уилла к двери в задней стене. Хэл дважды постучал и подождал ответа. Не дождавшись, он набрал код

на панели замка, и дверь с жужжанием открылась. Хэл провел Уилла в маленькую темную кабинку с другой дверью в дальней стене и указал на кресло.

Уилл сел и обнаружил перед собой машину, очень похожую на аппарат для проверки зрения. Громоздкое цилиндрическое устройство с выдающимся вперед окошком напоминало формой гигантский судейский свисток. Уилл заметил несколько переключателей, под каждым из которых находилась своя шкала, и два провода, идущих от задней панели прибора, но их назначение было ему совершенно непонятно. Уилл решил, что прибор не советского производства, хотя громоздкий корпус наводил на мысль, что его собрали не в Штатах.

Наклонившись вперед, Уилл уперся лбом в специальную подставку и посмотрел в объектив. Как он и ожидал, внутри была обычная таблица для проверки зрения. Правда, вместо букв на ней были картинки, но его это не удивило. Уилл знал, что некоторые добровольцы неграмотны, поэтому им легче отличить собаку от ананаса, чем «С» от «А».

— С какой строчки мне начинать? Я легко различаю последнюю. Мышь, автомобиль, боб, ручка, монета и кошка.

— Хорошо. Расскажи мне, что ты видишь теперь.

Уилл услышал щелчок переключателя, и изображение внезапно поменялось. Вместо статичной таблицы он смотрел на багрово-розовую картинку, которая на первый взгляд казалась случай-

ным нагромождением цветных кругов. Сначала Уилл подумал, что это тест на дальтонизм, но тогда там должен быть рисунок, а он его не видел, хотя и не был дальтоником. Потом Уилл увидел, что пятна перемещаются и делятся. Они нападали друг на друга, словно вели войну на клеточном уровне. Уилл решил было, что он разглядывает каплю воды на предметном стекле микроскопа, но эти твари не имели ничего общего с земными простейшими.

— Я вижу... я вижу багровые и розовые круги. Они убивают друг друга. — Уилл запнулся, по спине у него пробежал холодок. — Розовые проигрывают, я чувствую их панику.

Прозвучал резкий щелчок, и свет в приборе погас. Уилл отклонился от окошка и посмотрел на Хэла Гаррета.

— Это ведь не тест на зрение, верно?

— Тест, только особого рода. Он подтвердил, что ты сможешь видеть там, куда мы отправимся. — Хэл положил руку на плечо индейца. — А твоя способность воспринимать эмоциональное состояние этих тварей означает, что я не могу отказаться от твоих услуг, даже если считаю, что следовало бы.

— Я принят?

Хэл кивнул:

— Ты принят. — Он прошел у Уилла за спиной и открыл другую дверь. — И принят срочно. Ты получишь возможность сразиться со Злом, и ради нас всех, я надеюсь, что ты используешь ее с толком.

Существо, известное соратникам Койота под именем Скрипичник, простерло сознание во внешнее пространство и уловило слабые сигналы, посланные ему Ветой. Он выяснил через нее значение слова «Скрипичник» и испытал удовольствие от образа создания, наводящего страх и предпочитающего держаться в тени. Имя, данное ему людьми, означало, что его боятся, и сознание этого само по себе пьянило его.

Правда, поймав себя на этом, он слегка огорчился, потому что он никогда не позволял себе испытывать радость. Самодовольство — да, гордость — да, но радость — никогда. Чувство радости означало слабость, оно подрывало его могущество и, что еще хуже, делало его беспечным. «А беспечность, — размышлял он в пустоте, где нет ни пространства, ни времени, — это смерть».

Его питомец, Койот-Джеггер-Кейн, знал, какую опасность таит в себе беспечность. И все же, несмотря на годы, щедро потраченные Скрипичником на его обучение, едва не погиб, оказавшись слишком беспечным. Койот — Скрипичник больше не мог называть его про себя Джеггером — покинул свое убежище невооруженным и во всеуслышание объявил о своем местонахождении. Эти две ошибки поставили под угрозу весь так тщательно разработанный план.

Скрипичник снова и снова проворачивал в уме впечатление, которое сложилось у Веты от Кроу-

ли. Мысль о нем билась в сознании, словно муха в паутине. Кроули — или Эль Эспектро, или Призрак, или любое на выбор имя из легиона других имен — постоянно вызывал у Скрипичника чувство досады. Хотя Кроули не обладал могуществом Темного Властелина, зато владел искусством, которое не позволяло его обнаружить, и не раз доставлял Скрипичнику крупные неприятности. Впрочем, сейчас Скрипичник был доволен его намерением восстановить Койота.

Темный Властелин знал, что Койот, как и он сам, умеет извлекать уроки из своих ошибок. Создавая Пигмалиона, Скрипичник не ограничил его способность наращивать свое могущество и тем самым допустил серьезный промах. Сотворив Койота, он создал оружие, с помощью которого собирался исправить положение. На этот раз он принял меры, гарантирующие, что новая забава не сможет восстать против создателя. Пусть Койот — несомненно, благодаря вредному влиянию Кроули — мешает Скрипичнику захватить Землю, но в конце концов он проиграет.

Для разума Скрипичника, разума, поглотившего воспоминания, мечты и мыслительные способности населения целого измерения, самые сообразительные агенты из людей казались до смешного примитивными. Даже одна миранджейка обладает лучшими аналитическими способностями, чем все нобелевские лауреаты вместе взятые. А когда тысячи подобных умов работают сообща, а тысячи других проверяют результаты, просчитать

возможные варианты человеческого поведения — дело нехитрое.

Одиноким голос — а он-то надеялся, что избавился от него, когда отторг Вету, — ударил Скрипичника в самое уязвимое место. Да, признался он себе, Пигмалион был всего лишь человеком, и поэтому его бунт явился для Скрипичника полной неожиданностью. Впрочем, все объяснимо. В то время Скрипичник полностью сосредоточился на поисках последней представительницы племени джесда на Земле. Он намеревался подчинить ее себе, и тем самым усилить свое могущество. Это была сложная задача, и ему потребовалась помощь Пигмалиона. Пигмалион ненавидел джесда такой лютой ненавистью, что Скрипичник не сумел различить скрытую за ней жажду власти.

Эта ошибка вдохновила его на создание Джегера-Кейна. Скрипичник не упускал из виду ни одной стороны жизни юноши, начиная от его мировоззрения и кончая физическим развитием. Он кропотливо трудился над созданием своего охотника, ограждал его от нежелательного постороннего влияния и мешал возникновению у него каких бы то ни было нездоровых пристрастий. В итоге получилось уникальное творение, которое обладало личностью и даже *аспектом*, но было лишено главного недостатка любой личности — стремления возвыситься.

Теперь Скрипичник сознавал, что он создал личность, идеально подходящую на роль Койота. Недаром предшественник Кейна выбрал его за-

баву себе на замену. В результате полученного воспитания Джеггер видел в себе защитника — защитника Скрипичника, — и такое восприятие себя подготовило благодатную почву, на которой великолепно взошли семена, брошенные предыдущим Койотом. Темного Властелина весьма забавляли потуги его питомца противоборствовать собственному создателю. Он знал Джеггера лучше самого Джеггера и поэтому не сомневался, что в конце концов победа останется за ним.

Хотя при этом Скрипичник хорошо понимал, что все его попытки вернуть Койота себе обречены на неудачу. Его забава потеряна для него навсегда. Конечно, Койот еще может принести пользу, но теперь он не заслуживает доверия. Отступник способен пойти на предательство, это следовало учесть при просчете вариантов.

Скрипичник гордился безупречностью своего первоначального плана завоевания Земли. Поскольку он не мог проникнуть сквозь сферический пространственный барьер, окружающий планету, ему оставалось одно — телепортировать себя через межпространственные врата — устройство, предназначенное для перемещения из одного измерения в другое. Когда Скрипичник задумал захватить Землю, там не было ни одного такого устройства подходящего для него размера. Скрипичник тайно подменил дочь Неро Лоринга, Нерис, своим созданием и через него заставил Неро создать требуемое сооружение.

Койот понял назначение сооружения и сорвал планы Темного Властелина. Мало того, он сделал так, чтобы Скрипичник никогда больше не смог воспользоваться вратами. Скрипичнику пришлось обратиться к запасному варианту. Он решил заманить к себе Риухито, внука императора крупнейшей технической державы Земли — Японии. Скрипичник не сомневался: чтобы вернуть внука, император прикажет создать межпространственный тоннель таких размеров, чтобы он вместил большое войско. Знакомство императора с Кроули, располагающим необходимыми знаниями и техникой, служило гарантией, что такое устройство будет создано.

Темный Властелин лениво вытянул переднюю конечность и коснулся кольца валунов, отмечающих вход в бездействующие межпространственные врата в протоизмерении, где он залег. Это устройство, единственное из всех ему известных, было достаточно большим, чтобы перебросить его через пространство. Если бы все пошло так, как он задумал, императорский тоннель соединил бы эти врата с другими, через которые император отправил бы войско за своим внуком. Этой лазейкой Скрипичник собирался воспользоваться, чтобы проскользнуть на Землю и усилить свое могущество.

Когда Пигмалион украл Риухито, Скрипичник лишь немного подправил свой план. Он заручился поддержкой Койота, и тот согласился построить для него межпространственные врата, кото-

рые должны привести Скрипичника в убежище Пигмалиона. Если ворота будут созданы, то потом ими можно будет воспользоваться, чтобы прорваться на Землю. Поход Скрипичника ненадолго откладывался, но возможность поквитаться с бывшим учеником стоила этой задержки.

Правда, Кроули и Койот весьма осторожны. Они могут догадаться о его замыслах. И хотя многочисленные разумы внутри Скрипичника подсчитали, что вероятность этого не превышает восьми процентов, Скрипичник не особенно доверял этой цифре. Джекгер слишком часто опрокидывал все прогнозы. Значит, придется его уничтожить.

Темный Властелин вытянул передние руки в пустоту. В его сознании замелькали миллионы разных планов уничтожения. Сонмы разумов анализировали их, отбрасывая абсурдные и неясные. Каждый план опирался на какой-нибудь изъян в личности Джекгера. Скрипичник отмел все, кроме тех, которые основывались на самоуверенности Койота.

Скрипичник направлял воспитание Койота-Джекгера-Кейна, и, естественно, его воспитанник полагал, что достигнет успеха в любых начинаниях, выйдет победителем из любой ситуации. Он знал, что хорош, необыкновенно хорош, он знал, что не может проиграть. Это сознание собственного превосходства сочеталось с уверенностью, что он сумеет найти выход из любого положения, если у него будет время подумать. Единственный способ переиграть Джекгера — захватить его врасплох.

Темный Властелин почувствовал, как что-то коснулось его ладоней. В левой руке он держал выпотрошенный труп Арриго Эль-Лехтера. Внутренности вывалились из распоротого живота и висели, словно клубок коричнево-розовых шлангов. Разрез шел через все тело Эль-Лехтера, и даже его позвоночник был перерублен.

В другой руке Скрипичник держал тело человека, убившего Эль-Лехтера. Полковник Нагашита, и без того маленький, казался еще меньше из-за вдавленных внутрь ребер. Но даже после смерти воин не выпустил из рук катану, которой убил Эль-Лехтера.

Темный Властелин свел передние руки вместе. По рукам пробежал зеленый пульсирующий луч и проник в кокон ладоней, обвинивших трупы. Скрипичник отогнул пальцы, потом сделал несколько легких движений, словно пекарь, замешивающий тесто. После секундной паузы, приняв от Веты новые сведения о человеческой психологии, Скрипичник возобновил работу.

Когда он снова открыл ладони, в пустоте повисло новое создание. Несмотря на массу, равную общей массе двух мужчин, оно было не выше полковника Нагашиты, зато вдвое шире в обхвате. Черные одежды полковника при трансформации распались, и из прорех выпирали мощные мускулы.

Но изменения не ограничивались одним увеличением мышечной массы. Восхищенный одержимостью Нагашиты, Скрипичник в основном сохранил его облик и личность. Арриго Эль-Лехтер,

напротив, был наказан за поражение. Его конечно-сти переплавились в хлыстообразный мускулистый отросток, приросший к телу полковника в том месте, где позвоночник соединяется с тазом. Лишенное рта лицо Эль-Лехтера украсило конец мясистого скорпионьего хвоста; в синих глазах полыхнул ужас. Светлые волосы Эль-Лехтера превратились в шерсть, покрывающую хвост по всей длине.

Там, где должен был бы находиться нос Эль-Лехтера, торчал клинок катаны. Плавный изгиб клинка завершал кривую хвоста. Создание сначала расслабило хвост, потом сократило мышцы и серебряной молнией выбросило катану вперед. Синие глаза были сфокусированы на конце клинка и помогали направить его точно в цель.

Скрипичник осмотрел свое новое творение и по внезапной перемене в сознаниях, заключенных в нем, понял, что оно хорошо.

Темный Властелин снова позволил себе испытать удовольствие. Он создал Джеггера, чтобы избавиться от Пигмалиона. Он создал эту тварь, *сасорихито*, чтобы избавиться от Джеггера. После того как она выполнит свое предназначение, Скрипичник ее ликвидирует. Окончательная победа будет за ним.

10

Силой мысли Риухито поднял себя над землей и завис над ареной. На глубокий поклон создания, стоящего в центре круга, он ответил едва заметным кивком. Риухито ощутил исходящую

от существа радость от того, что на него обратили внимание, но к радости примешивался ужас, вызванный воспоминанием о награде, которую оно получило за прошлую победу.

Внук японского императора обвел взглядом арену. По внешнему кольцу лежали тридцать два трупа — одни целые, другие разрубленные. Черный песок пропитался жидкостью, вытекшей из изуродованных тел. Следующее кольцо — на десять метров ближе к центру — украшали шестнадцать трупов, скрюченных агонией. Внутреннее кольцо меньшего радиуса содержало восемь трупов, следующее — четыре и последнее — два. В самом центре над единственным поверженным соперником стоял победитель.

Риухито вновь посмотрел на чемпиона. Двухметровый гигант относился к классу укрупненных гуманоидов, созданных его высочеством. Помимо внутреннего скелета Риухито наделил его внешним — другими словами, снабдил его сегментными хитиновыми доспехами, которые не мешали движениям. Предплечья, например, закрывали наручи, состоящие из двух плотных полос, облегающих руки у запястий и плеч, и шести прочных стержней, которыми соединялись полосы.

Прежние эксперименты Риухито со сплошными экзоскелетами оказались не очень удачными. Его воины были чересчур неповоротливы. Материал наподобие рога оказался достаточно упругим; он выдержал почти все удары. Но, что важнее, из него получились замечательные шипы на

локтях, коленях, плечах и суставах пальцев. Это дополнительное оружие усиливало деструктивные способности воина. Хотя суставы оставались незащищенными, что делало создание более уязвимым, быстрота и ловкость воина, как показала проверка боем, с лихвой искупали этот недостаток.

Рассматривая свое новое творение, Риухито мысленно сравнивал его с воином, которого создал и отправил в Японию Пигмалион. Внешность Мики куда больше радовала глаз. Риухито считал, что врага необходимо утратить, и поэтому снабдил своего воина рогами, клыками и горящими красными глазами. В результате создание Риухито казалось порождением ночного кошмара. Пигмалион стремился к совершенству в работе и с функциональной, и с художественной точки зрения. Риухито же просто желал создавать послушных рабов, которые, не задавая вопросов, выполняют любое приказание своего господина.

Усилиями воли Риухито создал меч, который выглядел так, словно был выкован из солнечного луча. Кивнув в последний раз своему созданию, создатель вонзил клинок в его грудь, потом сделал какое-то движение, и луч расщепился, словно открывшийся зонт. Лазерные спицы рассекали существо на шестьдесят четыре куса и разметали их по стартовым позициям за внешним кругом.

Предвкушение радости творения не изгладилось в сознании Риухито воспоминания о муках уничтоженного им создания. Несмотря на то, что внук императора наслаждался могуществом, ко-

торым делился с ним Пигмалион, он не мог отгородиться от боли и обиды, источаемой его созданием. Каждый кусок плоти пульсировал этой болью, и Риухито поморщился, будто по его совести полоснуло лезвие бритвы.

Он попытался как можно быстрее отогнать неприятное чувство и обнаружил, что на сей раз это далось ему легче, чем в предыдущий. И как только он справился с собой, его захлестнула волна тепла и ощущения собственной силы. Страдания его творения увеличивали его могущество, а могущество позволяло создать больше новых воинов, чтобы вобрать больше страданий и еще больше могущества, и так далее, в бесконечном, словно смена дня и ночи, цикле. Созидание — свет, а боль — необходимая темнота.

Не думайте об их страданиях, ваше высочество. Телепатическое послание Пигмалиона развеяло последние переживания по поводу смерти создания. В ваших жилах — кровь богини Ама-тэрасу. Вы — бог. Творить и уничтожать — ваше право и долг.

Риухито медленно повернулся лицом к Пигмалиону. Маленький человечек брел по черному песку, небрежно перешагивая расчлененные трупы. «Он выглядит хрупким, словно китайская кукла, — подумал Риухито, — но какая же великая сила заключена в этом безобидном на вид теле». Большие темные глаза и тонкие руки казались воплощением беспомощности, которая требовала сочувствия. Лысая голова выглядела чересчур

крупной для худого маленького тела, и это невольно наводило на мысль о сходстве Темного Властелина с младенцем.

— Мне не составляет никакого труда творить и уничтожать, сэнсэй, — осторожно сказал Риухито, выразив обращением «сэнсэй» должное почтение Пигмалиону. Риухито твердо решил никогда не называть Пигмалиона «господин». «Учитель» — более подходящее слово. Пигмалион восстал против своего господина, и Риухито знал, что когда-нибудь тоже станет соперником Пигмалиона. Выбрав такое обращение к тщедушному Темному Властелину, Риухито позволял прорасти в своей душе семенам мятежа.

Пигмалион кивнул. *Ты позволяешь содержанию влиять на форму.*

— Да, но это лишь стадия грубой проверки, сэнсэй. Я сравнивал строения и формы, которые оказались лучшими с функциональной точки зрения, а сейчас приступлю к работе над вариациями на эту тему. — Риухито махнул свободной рукой в сторону одного из фрагментов своего чемпиона, и из нее, словно огонь из пальцев мага, вырвался луч света. После ослепительной вспышки восстановленный победитель, целый и невредимый, стоял на прежнем месте. — Начну с этого, он будет основой.

Еще один взмах, еще одна вспышка — и новый вариант победителя, более крупный и длинноногий, встал напротив первого. Новый жест, на этот раз обеими руками — и Риухито создал

уменьшенную версию чемпиона с облегченными доспехами, потом — высокого и более гибкого воина с хлыстообразными многосуставчатыми руками. С увлеченностью дирижера, руководящего оркестром, Риухито вызывал из своего воображения создание за созданием. Наконец, он заполнил внешний круг шестьюдесятью четырьмя гладиаторами.

Пигмалион снисходительно улыбнулся и указал на сторбленное создание с плоским черепом. *Вот этот, с многоцентральной нервной системой, будет грозным противником. Впрочем, они все — грозные воины, только вот армии из них не получится.*

Риухито нахмурился.

— Они будут непобедимы. Ни одна армия не устоит перед ними.

Зачем с ними драться, если можно просто их обойти, не обращая на них внимания? Ты упираешься на физическую мощь, а тебе следовало бы помнить, что главная сила — в знании. Как они пойдут на врага, если не сумеют его обнаружить?

— Сумимазен, сэнсэй. — Риухито поймал мысль Пигмалиона на лету. В мгновение ока он создал воина поменьше и попроворнее и начал вносить изменения. Он увеличил ему глаза и наделил новое создание способностью хамелеона сливаться с фоном; увеличил уши и переделал горло и голосовые связки, чтобы биоробот мог использовать пассивный и активный сонар для эхо-

локации; наполнил его клетки гибридом хлоропласт-митохондрия, чтобы создание могло напрямую питаться солнечной энергией; сделал веки восприимчивыми к теплу, чтобы оно могло «видеть» в инфракрасном спектре.

Пигмалион хлопнул в ладоши. *Ты скор и решителен. Замечательные качества для того, чей аспект — созидание. Разведчик у тебя вышел замечательный. Испытаем его?*

Риухито кивнул и создал еще четырех разведчиков, черпая силу в страданиях одного, чтобы произвести следующего. Он дал им мысленную команду, и они рассеялись по пересекающимся лабиринтам, разбросанным по ближайшим измерениям. Уловив безмолвный вопрос Пигмалиона, Риухито улыбнулся.

— Их пути пересекаются, сэнсэй, поэтому я смогу оценить, хорошо ли они умеют прятаться. Выяснив это, я узнаю, что нужно сделать еще.

Великолепно!

Риухито расцвел от похвалы Пигмалиона, но тут же подавил в себе чувство радости. На миг в его сердце отозвалась боль его созданий, и Риухито почувствовал, с какой жадностью Пигмалион впитывает его муку. «Он пришел вовсе не для того, чтобы меня наставлять, он пришел урвать от меня кусок». Риухито пытался справиться с гневом и негодованием, вызванными этим открытием, но увидел, что Пигмалион улыбается, и почувствовал, что наставник стал сильнее.

Я прошу так немного в обмен на то, что даю вам, ваше высочество. В мозг Риухито просочилась досадная нотка насмешки. Пигмалион забавлялся. Пойми, я знаю о твоём желании восстать, и благодаря ему становлюсь сильнее. Но не такой, как мой господин, я не повторю его ошибок. Я оставил Скрипичника, а теперь его новый ученик бросил ему вызов. Ошибки Скрипичника многому меня научили. Я делюсь с тобой могуществом, а взамен беру то, что ты можешь мне дать. Ты зависишь от меня и ненавидишь свою зависимость, а я становлюсь сильнее от твоей ненависти. Человечек взмахнул рукой над ареной. Твои успехи радуют меня. Сверхсущества ученика возвеличивают мастера, ты не считаешь?

Риухито помедлил с ответом, и Пигмалион резко сжал левую руку в кулак. Принц дернулся; все мышцы его тела разом сократились.

Именно так ты и думаешь, верно?

Риухито поборол боль настолько, что ему удалось кивнуть.

— Да!

Пигмалион улыбнулся. Просто «да»?

— Да... господин.

Пигмалион открыл ладонь, и мышцы, предавшие Риухито, расслабились.

Господин... Это мне нравится. Ты ведь хочешь всегда доставлять мне удовольствие?

Риухито понуро опустил голову:

— Да, господин.

Живое воображение Уилла Рэйвена рисовало ему множество чудесных и захватывающих приключений, связанных с его новой работой, но он никак не предполагал, что в первое же утро будет подтягивать ремень автомата «Инграм Мак-10» под оценивающими взглядами огромного четырехрукого страшилища и человека, которого дедушка Уилла называл «Призраком, Который Ходит». И даже в страшном сне Уиллу не могло привидеться, что он отправится с Деймоном Кроули на выполнение такого задания.

Он подвигал плечами, поправляя кобуру и кевларовый жилет, одетый под черным комбинезоном.

— Мне кажется, что забрать мистера Лоринга из нейрологического института Барроу — не самое лучшее решение. Перемещение может ему повредить.

— При обычных обстоятельствах я, возможно, согласился бы с тобой, Уилл, — сказал Кроули, натягивая перчатку. — Но сейчас мистер Лоринг в таком состоянии, что ему не выкарабкаться, если мы оставим его в больнице. А без него нам не справиться. Он нужен нам здоровый, и как можно быстрее.

Йидам согласно кивнул; при этом его клыки блеснули желтоватым светом.

— Кроме того, место, куда мы намерены переправить Койота, находится в той же пространственной сфере, что и измерение, в котором Неро

Лоринг обнаружил признаки пребывания Риухито. А если мы отправимся вместе, переход пройдет легче.

Уилл кивнул, хотя не вполне представлял себе, о чем идет речь. Дедушка рассказывал ему о других невидимых мирах, более того, Уилл даже видел их, когда курил лѳофору*, но никогда не воспринимал свои видения всерьез, считая их галлюцинациями. Теоретически ему не так уж трудно было поверить, что видения, вызванные наркотиками, не продукт его одурманенного воображения, а реальные отражения реально существующих миров, куда он заглядывал, словно в замочную скважину. Но допускать существование иных миров и знать, что ты можешь посетить их физически, — совсем разные вещи. Уиллу требовалось время, чтобы принять и осмыслить новую информацию.

Кроули с щелчком вставил обойму в свой «Мак-10».

— Ну ладно, я готов.

Йидам, одетый в такой же черный комбинезон, только гораздо большего размера, повесил на правое плечо автомат с пистолетной рукояткой.

— Я тоже. — Он поправил нижними руками ленты с обоймами и вопросительно посмотрел на Уилла: — А ты?

— Надеюсь. — Уилл попытался изгнать сомнение из своего голоса, но ему это плохо удалось. Оба его спутника снисходительно улыбнулись, и Уилл

* Мексиканский кактус, содержит галлюциноген мескалин. — *Примеч. пер.*

решил, что не так уж опростоволохился, дав им понять, как он себя чувствует. — Что я должен делать?

Кроули положил руку в перчатке ему на плечо:

— Для начала — расслабься. Тест, который ты прошел у Хэла в тот день, когда подавал заявление, — помнишь, тот, с розовыми и багровыми кругами? — показал, что ты достаточно чуток, чтобы воспринимать происходящее в других измерениях.

— А разве мои видения во время церемоний не указывают на эту способность?

— Не всегда. Тут есть разница, сродни разнице между полной слепотой, частичной слепотой и стопроцентным зрением. Наркотики могут привести к тому, что к подслеповатому человеку на время вернется острое зрение, но от индивидуума, который не в состоянии видеть, когда у него ясная голова, нам проку мало. — Кроули проверил, легко ли вынимается из кобуры автоматический пистолет. — Четкое, ясное восприятие необходимо там, куда мы отправляемся, а умение быстро соображать может подарить тебе ту секунду, которая отделяет жизнь от смерти. Возможно, это звучит чересчур мелодраматично, но так оно и есть на самом деле, и тебе лучше не забывать об этом.

Уилл с торжественным видом кивнул:

— Да, сэр.

— Сейчас мы с Йидамом собираемся проделать дыру между этим кабинетом и больницей. Для этого мы воспользуемся измерением с од-

ним замечательным свойством: расстояния в нем сокращены примерно в сотню раз по сравнению с нашими. Один шаг там будет соответствовать сотне шагов здесь.

Йидам улыбнулся.

— Уилл, по-моему, у твоего народа есть легенда о мокалинах, которые позволяют преодолевать огромные расстояния в мгновение ока.

— Гайавата. Не мое племя, но эту легенду я помню.

Кроули улыбнулся и кивнул в сторону Йидама:

— Эти буддистские полубоги — мы для них все на одно лицо.

— Конечно, у вас же у всех только по две руки.

Все трое посмеялись, и Уилл почувствовал, что его напряжение немного спало.

— Пройдя через это измерение, мы быстро доберемся до больницы, верно?

— Вот именно, — кивнул Кроули. — Там мы сделаем все необходимое, чтобы удостовериться, что Койот перенесет путешествие, и переправим его в другое измерение, где и оставим до полного исцеления. Это будет непросто, но ты можешь облегчить себе переход, если выполнишь мои указания.

— Все что угодно, сэр.

— Закрой глаза и начинай дышать на четыре счета. Очисти сознание от всего, кроме счета, и расслабь мускулы.

Уилл закрыл глаза и начал дышать размеренно. Он узнал охватившее его ощущение покоя — он испытывал его во время и после ритуалов, ко-

торым учил его дедущка. Его поразило, что техника, которую он использовал, чтобы очиститься и войти в соприкосновение с царством духов, подобна технике перехода через измерения. Эта мысль на миг захватила его, но Уилл отогнал ее, и сознание его стало пустым.

Он почувствовал, как Кроули схватил его за правое запястье, Йидам — за левое, а потом его медленно повлекло вперед. Он ощутил жар, когда выплыл за пределы кабинета с кондиционированным воздухом, и открыл глаза. Оказалось, что он находится в мрачном месте, где на первый взгляд не было ни стен, ни границ, но тем не менее он чувствовал, что какая-то сила сдавливает его тело, словно он зажат между двумя дымчато-серыми стеклянными пластинами.

Слева от себя Уилл увидел Йидама, но, посмотрев направо, вместо зеленоглазого, темноволосого Кроули обнаружил лишь тень человека. Тень имела глубину, и на пальце ее правой руки блестело золотое кольцо, но это было единственное цветное пятнышко в его силуэте. *Он не человек!*

Тень повернулась к Уиллу:

— Я человек, очень даже человек. Просто за пределами нашего измерения я...

— Эксцентрик, — подсказал Йидам.

Кроули рассмеялся:

— Эксцентрик. Хорошо сказано.

Хотя никто не сделал и шага, Уилл чувствовал, что они движутся вперед и вниз. Потом вокруг стало темнее, и движение вниз прекратилось.

— Мы в Великой Тьме?

— Скользим прямо под ней, если быть совсем точным. — Темнота вокруг немного рассеялась, и воздух стал прохладнее. Кроули уверенно кивнул: — Прибыли.

Зло моржастый

Вокруг прояснилось, будто кто-то протер запотевшее окно. Уилл почувствовал давление на подошвы башмаков, посмотрел вниз и увидел под ногами пол. Он ожидал, что путешествие вызовет у него тошноту и головокружение, и сосредоточился на своем физическом состоянии, чтобы справиться с беспокойством и потрясением от своего первого межпространственного перехода, но ничего этого не случилось.

Кроули, вновь принявший человеческий облик, пересек комнату и приоткрыл дверь. Он выглянул наружу, закрыл дверь и хрипло прошептал спутникам:

— Мы в 954-й палате. Койот — в 958-й, через две двери. В коридоре как будто чисто.

Он снова открыл дверь и вышел из комнаты. Уилл последовал за ним и по знаку Кроули захватил тележку с небольшим кислородным баллоном, оставленную кем-то в коридоре. Кроули придержал дверь, и Йидам с Уиллом вошли в палату Койота. Дверь за ними закрылась, и Уилл вздрогнул: после ярко освещенного коридора полумрак палаты показался ему зловещим.

Микаэль Лоринг лежал на больничной койке, окруженный приборами. Его голова была обмотана бинтами, под которыми не было видно лица.

Только пластиковая кислородная маска оставалась на виду. По неестественным очертаниям груди под толстым одеялом Уилл догадался, что тело Лоринга заковано в гипс. С правой стороны от койки стояла капельница; игла на конце тонкой прозрачной трубки впивалась в узенькую полосу кожи между бинтом и рукавом сине-зеленой больничной рубахи.

Уилл ощутил холод, исходящий от приборов, которые окружали кровать, и понял, что Лоринг скорее мертв, нежели жив. Мониторы мигали красными и зелеными огоньками. Ощетинившаяся зеленая волна бежала по маленькой координатной сетке, красные цифры на счетчике показывали частоту пульса и дыхания. Уилл несколько секунд наблюдал за всполохами на экранах — в них было больше жизни, чем в самом Койоте, — потом снова переключил внимание на человека.

Его поразила какая-то неправильность в фигуре Лоринга. Он всмотрелся и судорожно сглотнул воздух, когда понял, в чем дело.

— Его левая рука...

Кроули кивнул:

— Ее ампутировали два дня назад. Началось заражение. — Он показал на баллон с кислородом. — Сними его с тележки и осторожно положи в ногах кровати.

— Кто-то идет! — прошипел Йидам от двери.

— Черт! А я надеялся, что все пройдет тихо. —

Кроули выдернул прозрачный шланг из аппарата, измеряющего частоту дыхания, нацепил конец на

патрубок кислородного баллона и открыл вентиль. Уилл услышал шипение кислорода в маске. — Подержи эту штуку, Уилл. Викрам, берись!

Йидам обошел койку с правой стороны, снял с подставки бутылочку с жидкостью для внутривенного вливания и бросил ее Уиллу. Уилл подхватил ее правой рукой и поднял над головой, а левой рукой уцепился за край кровати. Дверь за его спиной открылась и кто-то завопил:

— Что вы здесь делаете?

— Пошли! — крикнул Кроули, и кровать заскользила вперед. Изголовье уперлось в стену и поначалу встретило сопротивление, но потом кровать медленно, словно двигаясь в вязкой среде, поползла дальше. Стена начала растягиваться и утончаться, как оболочка наполняемого газом воздушного шара. Безобразная серо-синяя краска на стене побледнела, а по краям изголовья стала и вовсе белой. Крики за спиной Уилла зазвучали громче; им вторил пронзительный вой монитора, возвещавшего, что у пациента вдруг пропал пульс.

Неожиданно стена лопнула, словно мыльный пузырь, Уилл почувствовал рывок, а потом — пустоту под ногами. Кровать всплыла в темноту и в то же мгновение ухнула вниз, как с утеса. За изголовьем Уилл увидел ржаво-красный мир камней и песчаных водоворотов. Этот ландшафт напомнил ему пустынные места в северной Аризоне, куда дедушка в прежние времена водил его учить. Только этот мир казался очень маленьким, и созвездия на черном куполе неба были Уиллу незнакомы.

— Сосредоточься и попытайся тянуть ее вверх!

Уилл посмотрел на Кроули и по его напряженным плечам понял, что он изо всех сил борется с гравитацией. Со стороны казалось, будто Кроули стоит на твердой земле и пытается вытянуть кровать из крутого пике, а тело Уилла болтается сзади, словно хвост бумажного змея. Бросив взгляд в сторону Йидама, Уилл убедился, что буддистский демон тоже прилагает свои нечеловеческие усилия, чтобы предотвратить крушение при посадке.

Бросив бутылочку от капельницы на постель рядом с кислородным баллоном, Уилл ухватился правой рукой за заднюю ножку кровати. Он напряг мышцы живота, согнул ноги, подтянул колени к груди и представил себе, что упирается ими в невидимый пол, на котором стоят оба его спутника.

Его каблуки ударились обо что-то твердое и заскользили по невидимой поверхности, словно Уилл, ухватившись за бампер, пытался остановить разогнавшийся автомобиль. Сообразив, что именно это он и делает, Уилл откинулся назад и уперся каблуками в заднюю стенку кровати. Он представил себя точкой опоры и изо всех сил потянул кровать вверх.

Тело Уилла пронзила боль, но он почувствовал, что койка изменила направление движения. Секунду-другую она шла вверх, потом снова попыталась нырнуть. Она виляла, сопротивляясь его усилиям, словно гигантская рыба, попавшая на

крючок. Уилл потянул на себя еще сильнее. Потом кровать неожиданно подалась и пихнула его назад, но Йидам ее перехватил. Кровать вздыбилась и пошла вправо. Кроули громко крикнул, по его призрачным мышцам пошла рябь, и кровать снова выровнялась.

Напрягая все силы, трое мужчин продолжали тащить койку вверх. Уилл осознал, как сильно они потеряли высоту, когда, вздымая клубы красной пыли, они пронеслись над самой долиной, которую он видел с птичьего полета. Кровать вдруг понесла, словно взбесившаяся лошадь с отпущенными поводьями. Стремительно набирая скорость, она ракетой взмыла к звездам. Уилл приготовился снова сражаться с ней, но понял: если кровать начнет крутиться или нырнет вниз, он отлетит, как последний в цепочке ребенок в игре «Щелканье бича».

— Ну что ж, по-моему, теперь все в порядке.

Уилл посмотрел на Кроули:

— Что вы имеете в виду?

Звезды, оставив свои места на небосводе, закружились в общем хороводе и образовали туннель. Кровать, набирая скорость, устремилась к его центру. Через несколько мгновений сине-красные световые блики слились в сплошную стену света. Когда они вошли в туннель, на Уилла обрушилась стена ледящего холода, потом его обдало нестерпимым жаром, а в следующий миг все прошло.

— Мы в том красном мире, где предшественник Койота убил себя у него на глазах. В созна-

нии Койота это место связано со смертью. Когда мы освободили его от пут нашего измерения, он, ни секунды не думая, притащил нас сюда.

Йидам с сомнением покачал головой:

— Не могу поверить, что он хочет умереть. Не такой это человек.

— И я не могу. — Кроули положил ладонь на лоб Койота. — Вероятно, он предчувствует смерть, и поскольку здесь умер другой Койот...

— Очень подходящее место, — мрачно согласился Уилл. — И что теперь?

— А теперь мы направляемся в измерение, которое его исцелит.

Уилл вопросительно посмотрел на Кроули:

— Это вы несете нас туда или он?

Кроули пожал плечами:

— Я внедрил координаты измерения в его мозг. Его сознание функционирует на очень низком уровне, и это к лучшему. Он живет, по существу, одними рефлексами. Ему проще доставить нас туда, а мы сэкономим силы.

Йидам прищурил глаза:

— Но по какому маршруту он нас туда доставит: по тому, который безопаснее, или по тому, который короче?

— Этого я не знаю.

Световой тоннель неожиданно кончился, и кровать ворвалась в мир с океанами из расплавленной серы. Серные волны непрерывно обрушивались на изрезанный лиловый берег. Одеяло задымилось, но тут же остыло: они проломили

незримую стену и попали в мрачную неприглядную страну с ленивыми азотными реками, глубоко — миль на пять — врезавшимися в поверхность планеты. Кровать неслась прямоком на высокий азотный водопад, но, прежде чем они ощутили смертоносное дыхание жидкого азота, пронзила новый барьер и попала в следующее измерение.

Неожиданно она остановилась как вкопанная; Уилл по инерции пролетел вперед и приземлился в грязь за изголовьем кровати. Сгруппировавшись, он несколько раз перекатился через голову и мгновенно вскочил на ноги.

Он оглянулся и увидел Йидама, медленно поднимающегося с земли. Тень Кроули лежала в пыли неподалеку от кровати. Уилл увидел над ним большой, в человеческий рост, дольмен и догадался, что Кроули в полете врезался в него. Человек-призрак лежал на спине, прижимая левую руку к груди.

Уилл бросился к нему и опустился рядом на колени. Не было сомнений, что рука у Кроули сломана. Даже учитывая однотонность его фигуры, можно было разглядеть края кости, торчащие из руки, словно осколки черного кристалла. Из раны у локтя сочилась черная жидкость, но, отделившись от тени, она стала красной, и Уилл понял, что это кровь.

— Открытый перелом. Мы должны отнести вас обратно, в больницу.

Кроули покачал головой:

— Нет необходимости — да и времени тоже. — Он повернул голову к Йидаму: — Лучше вправь мне ее.

Монстр кивнул и подошел к Кроули с другой стороны. Уилл подвинулся; Йидам присел и положил маленькие, более тонкие руки по обеим сторонам раны.

— Я не могу тебя прочесть; ты закрыт для меня.

Уилл ощущал опасения Йидама, но от Кроули не исходило абсолютно ничего.

— Ему нужно сделать рентгеновский снимок и наложить гипс.

Кроули покачал головой и замычал от боли.

— Не надо особенно мудрствовать. Просто вправь ее так, чтобы края кости сошлись достаточно близко. Я могу немного воздействовать на нее, чтобы она срослась правильно.

— Откройся мне, и я все сделаю.

— Нет. — Кроули посмотрел Йидаму в глаза, и — Уилл был уверен — в глазах гиганта на миг вспыхнул серебряно-синий огонь.

Йидам напрягся, потом медленно склонил голову, соглашаясь.

— Ты мудр. Я сделаю, как ты просишь. — Он схватил руку Кроули у запястья и у локтя могучими верхними руками. Сузив глаза, он рывком сблизил руки и слегка повернул кисти.

Кроули пронзительно закричал, потом осторожно втянул в себя воздух. Он ничего не говорил, только дышал часто и неглубоко, словно мелкий зверек. Все говорило о том, что этот человек

испытывает сильную боль, но Уилл не мог ничего уловить. Способность чувствовать боль и беспокойство других была у Уилла, сколько он себя помнил. Он считал ее совершенно естественной и присущей всем. Только теперь, не сумев уловить эмоций Кроули, Уилл осознал, насколько удивителен его дар.

Кроули сел, по-прежнему прижимая руку к груди.

— Там наверху, в склоне холма, есть пещера. Если ты, Викрам, отнесешь туда Койота, я позабочусь, чтобы его никто не потревожил, пока он не выздоровеет.

— Вы хотите остаться здесь и охранять его, пока у вас не заживет рука? — спросил Уилл.

Человек-тень покачал головой:

— Нет. Свойства этого измерения таковы, что моя рука будет как новенькая через день-другой, а в Фениксе тем временем пройдет не больше нескольких минут. Исцеление Койота займет куда больше времени. Я не могу оставаться здесь и ждать, пока к нему вернется сознание и отрастет новая рука. В последний раз я приходил сюда лечиться от весьма распространенного недуга — от старости. У меня нет ни малейшего желания снова пережить период полового созревания.

Кроули протянул здоровую руку, и Уилл помог ему подняться. Йидам понес Койота к пещере в травянистом холме, а Кроули показал Уиллу узенькую тропинку.

— Пойдем, я покажу тебе кое-что.

Уилл поднялся вслед за ним на гребень короткого горного кряжа. Оттуда открывался вид на широкую долину. С этой высокой точки мир, в который они попали, имел вид чаши размером не больше четырнадцати миль в поперечнике. Глядя на реки, деревья и луга с буйволами, Уилл вспомнил картинки из книжки про Троянскую войну и Одиссея. Купол неба накрывал чашу по краям горизонта, и создавалось впечатление, будто какой-то безумный бог вырезал кусок из Греции и слепил из него новый мир, используя в качестве формы гигантскую выдолбленную тыкву.

Это впечатление усилилось, когда Уилл присмотрелся к большому плоскому камню, поднимающемуся над поверхностью реки, которая текла по долине. На камне, прикованный цепью, лежал невероятных размеров гуманоид. Его курчавые темные волосы и густая борода напомнили Уиллу мужчин, изображенных на древнегреческих урнах. В землю рядом с головой гиганта было воткнуто копье, у его ног лежал бронзовый щит.

Кроули показал на горные вершины, окрашенные первыми лучами солнца.

— Рассвет. Сейчас они на него набросятся.

Прежде чем Уилл успел задать вопрос, воздух наполнился скрежетом металла. Уилл повернулся и увидел целую стаю стервятников, летевших к долине. Хотя двигались они грациозно, как настоящие птицы в полете, он разглядел, что это механизмы, созданные при помощи шестеренок, звездочек и пружин. Их головы, тела и приваренные к ним

крылья были выкованы с невероятным мастерством. Твари хищно клацали изогнутыми клювами и оглашали долину механическими криками.

Три металлические птицы описали круг над пришельцами. Уилл потянулся к оружию, но Кроули удержал его руку.

— Не беспокойся. Ты все равно не сможешь вывести их из строя, а мы их не интересуем. Их создатель заложил птичкам простую программу: когда солнце на небе, они кормятся Титаном. Другими словами, обед для них — самое крупное существо в измерении.

Но Уилл все равно чувствовал себя неуютно до тех пор, пока трио механических хищников не устремилось в долину к Титану Титию.

— Кажется, клювы у них не особенно острые.

— Да, бронза печально известна тем, что ее нельзя как следует заточить. — Хищники опустились и начали терзать Титана, а Кроули добавил: — Не думаю, впрочем, чтобы острые клювы и хоть какое-то облегчение его боли были частью программы.

Исступленный рев Титана эхом прокатился по долине. Стервятники разодрали его живот от груди до пупка и начали рвать внутренности. Уилл отвернулся, когда две окровавленные птицы прыгнули Титану на грудь и вырвали по куску печени.

— Разве возможно, чтобы такие архаичные механизмы действовали подобным образом? Это магия?

Кроули пожал плечами:

— Такова природа этого места, и этим все сказано. У разных измерений, созданы они или возникли случайно, свои физические законы, свое течение времени, свои причинно-следственные связи.

Уилл сложил руки на груди.

— И свои опасности?

— И свои опасности. — Кроули посмотрел в направлении пещеры; Йидам уже возвращался. — Вы с Йидамом убедитесь в этом, когда будете искать подходящий для нас плацдарм. Желаю вам удачи.

— Спасибо. — Уилл нахмурился. — А что будете делать вы, когда мы отправимся на разведку?

— Подлечусь немного, — засмеялся Кроули. — А потом покажу «Воинам Арийского Мирового Союза», что у Земли тоже есть свои опасности.

12

Уилл сосредоточился на дыхании и позволил Йидаму увести себя из измерения Тартара. Он не стал закрывать глаза, но, когда крики проклятий грека стихли, все заволокло черным туманом. Уилл заморгал, но все равно ничего не видел — пока через несколько шагов перед его глазами не возник удручающе красный мир. Горячий ветер донес до него тяжелый липкий запах горящих свечей.

Пейзаж подрагивал, словно мираж в пустыне, но Уилл понял: то, что он видит, — не иллюзия. Казалось, этот мир сделан из полужидкого воска.

Справа от него медленно стекал с холма густой непрозрачный ручей; потом на его поверхности появилась трещина, и на башмаки Уилла упала капля воска.

Йидам опустил на колено, окунул палец в жидкость, потом поднес руку к лицу, понюхал палец и лизнул его.

— Воск.

Уилл нахмурился:

— Мир из воска? Как он мог возникнуть?

Йидам пожал плечами:

— Можно придумать сколько угодно объяснений. Возможно, это могильник, хранящий весь воск, который пропадает при изготовлении форм для отливки металла.

Индеец хихикнул:

— Мне бы никогда не пришло в голову такое объяснение. — Он посмотрел под ноги. Лужа воска у его башмаков начала застывать. — По-моему, этот мир недостаточно стабилен для наших целей.

Йидам покачал головой:

— А жаль. В этом измерении много избыточной энергии, которая нам очень нужна. Но его неустойчивость доставит нам массу неприятностей, в этом ты прав. И все же хорошо, что мы его обнаружили. Возможно, энергия просачивается отсюда в соседние измерения. Это сильно облегчило бы нашу задачу.

Уилл вытащил ногу из застывшей лужи.

— Ну, отправляемся дальше?

Йидам кивнул и осторожно сжал правое запястье Уилла нижней левой рукой. Два шага вперед — и восковой мир раздвинулся, словно занавес. Они вступили в серую мглу, повеяло холодом, потом сумрак развеялся, и они оказались в зеленом мире пологих холмов. В сердце травянистой долины лениво бежал зеленый поток. Двойное солнце омыло их теплом весеннего полдня.

— Недурно. — Уилл присел на корточки и провел рукой по высокой траве. — Черт! Да это осока! — Он поднял окровавленные пальцы и показал Йидаму.

Йидам хмыкнул, но Уилл его не услышал, потому что в этот момент журчание ручья сменилось ритмичным щелканьем. Повернувшись спиной к ветру, Уилл посмотрел на поток и увидел, что тот изменил русло. Одна часть реки продолжала течь к горизонту, другая отделилась от нее и потекла вверх, на холм, где они стояли.

У Уилла отвисла челюсть, когда он понял, что на самом деле представляет собой поток. Миллионы и миллионы переливчатых зеленых жуков покинули долину и неумолимо надвигались на двух путешественников. Там, где поток разделялся надвое, зеленый ковер превратился в полосатый: нетронутые участки перемежались тропинками с примятой осокой и камнями, отполированными до блеска лапками несметного воинства насекомых.

— По-моему, это место нам не подходит. — Йидам схватил Уилла за талию и без усилий прыгнул вперед. Уилл вздрогнул, полагая, что

прыжок Йидама приведет их прямо в гущу потока, но дыра в новое измерение поглотила их прежде, чем они коснулись земли.

Они приземлились в сумрачном мире с голубыми растениями и обширными лесистыми долинами. Тут было прохладнее, чем в предыдущих двух измерениях, и ветерок предвещал вечерние заморозки. Уилл посмотрел на синее небо, подернутое легкой дымкой, и увидел, что солнце этого мира кажется довольно маленьким. «Скорее всего оно находится дальше от планеты, чем наше Солнце от Земли», — решил он.

Йидам поставил его на сине-зеленую поверхность скалы.

— Пожалуй, какое-то время нам тут нечего опасаться. С тобой все в порядке?

Уилл кивнул. Торс у него немного побаливал в том месте, где его обхватил Йидам, но Уилл понимал, что боль скоро пройдет. Рука уже не кровоточила. Посмотрев на лазурную саванну, простиравшуюся внизу, Уилл увидел что-то похожее на стадо, неторопливо бредущее по лугу, и стаю плотоядных, которые спали в тени высокого дерева.

— Похоже на картинку из старого фильма про Тарзана, раскрашенную любителем голубого цвета.

Йидам улыбнулся, но скорее из вежливости, а не потому, что оценил шутку. Во всяком случае, Уилл не уловил в его эмоциях понимания. Йидам осторожно взял руку Уилла и осмотрел порезы.

— Неглубокие.

Уилл кивнул:

— Вы хотите их залечить?

— Залечить?

Уилл нахмурился:

— Я думал, вы умеете. Раджани — она ведь ваша дочь, не правда ли? — залечила Хэлу две огнестрельные раны. Эти порезы, должно быть, пу-
стык для вас.

Йидам присел на корточки, и его глаза оказа-
лись на уровне глаз Уилла.

— Да, она умеет делать такие вещи. Но это не
наследственная черта, а приобретенный навык. Я
никогда не учился этому искусству. И — да, по-
лагаю, она моя дочь.

— Полагаете? Мне кажется, в таких вещах
сложно ошибиться.

Йидам рассмеялся.

— Она действительно продукт объединения
моего генетического материала и генетического
материала женщины моей расы, которая была
моей женой. Я хорошо знал их обеих, мы жили
одной семьей, пока дочь не стала подростком.
Потом все изменилось.

Индейца озадачили эмоции, хлынувшие из Йи-
дама. Он различил в них родительскую гордость
и любовь, что было естественно, но под ними таи-
лось другое течение: сложное смутное чувство с
примесью страха.

— Что изменилось? Она же по-прежнему ваша дочь.

— Правильно, но я больше не ее отец. — Йи-
дам пожал плечами. — Когда я был ее отцом,
меня звали Викрам, и я не так уж сильно отли-

чался от тебя или Кроули — только цвет кожи другой да золотистый рисунок на теле. Ночью, в подходящей одежде, я мог бы сойти за человека. Когда Темные Властелины открыли пути к Земле, я нашел убежище в Кангенпо, тибетском монастыре, который защитил меня от влияния Темных Властелинов. К несчастью, это дорого мне обошлось. Я попал в центр очень специфической религиозной системы, приверженцы которой очень сильны по части внушения.

— Я не совсем понимаю...

— Мы — раса психоимитаторов. Мы меняемся, подобно хамелеонам, имитируя доминирующую форму жизни в окружающем нас мире. Эта способность обычно пропадает у нас в раннем возрасте, но я был адептом философско-религиозной системы, практиковавшей особый вид медитаций, которые позволяли нам изменять и улучшать себя. Обычно такие медитации проводят в изоляции, потому что способность к изменению делает нас очень чувствительными к внешнему влиянию. — Йидам поднял нижние руки и погладил свои клыки. — Я спрятался в монастырском гонкханге, пространстве под алтарем главного божества. Это место издавна считается жилищем Йидама, духа, охраняющего храм. Монахи — а у этих монахов исключительно сильная воля и непоколебимая вера — силой своих молитв изменили меня. Их влияние превратило меня из Викрама, отца Раджани, в их Йидама.

Уилл опустился на колени и подобрал голубой голыш.

— Но вы же по-прежнему считаете её своей дочерью.

— Так-то оно так, но я изменился не только внешне. Приняв форму духа-хранителя, я научился думать, как он. — Йидам замаялся, потом решил: — Время, проведенное в монастыре, преобразило меня. Хотя я по-прежнему горжусь своей дочерью и люблю ее, я настолько изменился, что больше не способен ее *понимать*.

Уилл покатал бирюзовый камешек на ладони.

— Я... если бы мой сын... Я вам не завидую. Потерять дочь таким образом... Я встречал ее прежде, и она произвела на меня большое впечатление. У вас есть все основания гордиться ею.

Йидам улыбнулся и сошел с камня в голубую траву, мягко колышущуюся под ветром.

— Спасибо. Она мне по-прежнему исключительно дорога, как, наверное, тебе — твой сын. Хотя я и горюю о потере, но тогда я не мог поступить иначе.

— Вот и я здесь по той же причине. — Уилл швырнул камешек подальше и улыбнулся. — Мне кажется, мой дед был бы рад познакомиться с вами. Вы не показались бы ему странным или пугающим. Он отнесся бы к вам как к очередному открытию. Для него все новое — еще один шаг к познанию мира.

Йидам сорвал травинку и прикусил стебелек.

— Дочь рассказывала мне о своих приключениях после выхода из стасис-капсулы. Твой дедуш-

ка играет в этих рассказах не последнюю роль, как и Хэл, и этот Синклер Мак-Нил. Ты его знаешь?

Уилл улыбнулся:

— Немного. Он, наверное, не помнит, но я был его кадди на одном из турниров по гольфу. Он умен и энергичен. И богат к тому же.

Йидам впился в него взглядом.

— Если бы у тебя была дочь, ты бы хотел, чтобы она полюбила его?

Отдаленный грохот копыт на миг отвлек внимание Уилла. Внизу, на равнине, плотоядные напали на стадо. Уилл увлеченно следил, как плотоядные — немного похожие на волков, но полосатые, как сине-голубые зебры, — отрезали от стада и догнали животных, похожих на антилоп. Фыркание и победные вопли эхом прокатились по равнине. Когда пыль осела, стадо паслось уже вдали от хищников.

— Думаю, если бы у меня была такая дочь, как Раджани, я доверял бы ее суждению. — Уилл пожал плечами. — Она умна и может сама принимать решения.

— Согласен. — Йидам повернул лицо к ветру и понюхал воздух. — Но ты не ответил на мой вопрос. Что бы ты чувствовал, если бы твоя дочь влюбилась в него?

Уилл неожиданно понял, о чем спрашивает его Йидам.

— Наверное, то же самое, что чувствуете сейчас вы. Радость, смешанную с тревогой. Должно быть, это чувствует любой отец, когда его дочь

находит себе любимого. Ваши чувства совершенно естественны. Не настолько вы изменились, чтобы вас нельзя было понять.

Опустившись на корточки, Йидам провел ногтями верхней руки по почве и выдернул одно растение с корнем. Если не считать голубого оттенка, оно выглядело совершенно земным.

— Скажи мне, Уилл, что ты думаешь об этом месте?

Индеец откинул со лба черную прядь и зацепил ее за ухо.

— Оно выглядит вполне нормальным. Однажды я слышал гипотезу о том, что вся растительная жизнь на Земле была бы голубой, если бы не морские водоросли. Поскольку они голубоватые и поглощают солнечную энергию в голубой части спектра, другим растениям, чтобы выжить, пришлось черпать энергию излучения зеленой части. Температура тут подходящая, а постоянный ветер, вероятно, позволит использовать ветряные генераторы для производства электроэнергии.

— Согласен.

Уилл посмотрел на Йидама:

— Отсюда достаточно близко до измерения Пигмалиона?

— Полагаю, что да. — Йидам отбросил растение и встал. — Нужно вернуться в Феникс и представить нашим соратникам предварительный отчет. Потом вернемся сюда с измерительными приборами, вычислим силу ветра и другие параметры и решим, подходит ли этот мир для наших

целей. Как ты заметил, флора и фауна здесь достаточно близки к земным, чтобы наши рабочие не свихнулись в первый же день.

— Почти все они родились в Затмении и никогда не выезжали из Феникса. Можно сказать им, что это Кения, и они поверят. — Уилл улыбнулся. — На мой взгляд, это замечательное место. Мирное и прекрасное.

— Надеюсь, таким оно и останется. — Йидам протянул к нему руку. — Поскольку мне оно тоже нравится, не хотелось бы думать, что я могу здесь умереть.

13

Синклер Мак-Нил откинулся в кресле и потерял глаза. Вращающееся кресло накренилось, и ноги Сина повисли в футе от стола. В кабинете, предоставленном ему «Лорикой», горела только настольная лампа да светился экран компьютера.

Экран заполнился цифрами, и, хотя Син на секунду закрыл глаза, цифры все равно продолжали светиться у него в мозгу. Он крутил их и так и этак, но ответ всегда получался одинаковый: экспедиция в измерении с кодовым названием «Бирюза» столкнется гораздо с большим числом трудностей, чем предполагалось вначале.

— Даю пенни за твои мысли, Синклер.

Син стремительно выпрямился и развернулся вместе с креслом, едва не стукнувшись коленной

чашечкой об угол стола. Из полумрака кабинета ему улыбалось прекрасное, как сон, видение — Раджани. Золотые волосы свободно ниспадали ей на плечи, голубая куртка с подбитыми плечами подчеркивала тонкую талию, белая блузка жемчужно переливалась на фоне эбеново-черной кожи. На мгновение его поразили золотые ромбики ее зрачков — они напоминали зрачки рептилий, — но в миндалевидных глазах Раджани и ее улыбке не было ничего зловещего. Синие джинсы и белые теннисные туфли довершали ее повседневный наряд, но даже в нем она выглядела элегантно. Син радостно улыбнулся:

— Ты у нас телепат, вот и скажи мне, о чем я думаю.

Раджани покачала головой:

— Я только хотела узнать, не хочешь ли ты посвятить меня в свои мысли.

— Ну хорошо. В данный момент я думаю, что ты — прекрасное видение.

Улыбка Раджани стала шире. Она посмотрела на компьютер за спиной Сина.

— Я почувствовала какое-то беспокойство, когда вошла. Что-то не так?

Син потянулся и встал.

— Да нет в общем-то. Мир, который нашли твой отец с Уиллом, вероятно, лучшее место для нашего плацдарма. Он стабилен, довольно безопасен и достаточно похож на Землю, чтобы у наших рабочих не начались кошмары. — Син обнял Раджани за плечи и почувствовал тепло ее

тела. Он повел девушку к нише, устроенной в кабинете для переговоров, усадил на коричневый кожаный диван и сам опустился рядом. Подвинув стопку распечаток на кофейном столике, Син положил на него ноги и откинул голову на спинку дивана. — Для наших людей его можно назвать идеальным.

Раджани сунула под себя ногу и привалилась к мягкому подлокотнику дивана.

— Но у него есть и недостатки, иначе ты бы так не беспокоился.

Син кивнул:

— Неро Лоринг посчитал, сколько энергии потребуется, чтобы привести в действие межпространственные врата. Он показал мне расчеты. Получается, что нам нужен эквивалент Гуверовской гидроэлектростанции, работающей на полную мощность. Было бы просто великолепно, если бы в Бирюзе была река, которую мы могли бы перегородить плотиной.

— А ее нет?

— Ничего похожего.

— Но мне казалось, отец говорил про ветер. — Глаза Раджани по-кошачьи блеснули в темноте. — Ведь можно использовать ветряные генераторы, правда?

— Можно, если поставить их тысяч пять и устроить хорошую бурю. — Син закрыл глаза и устало помассировал виски. — Все не так уж плохо, но средняя скорость ветра в Бирюзе — пять миль в час, а чтобы получить минимальное количество не-

обходимой, по расчетам Неро, энергии, она должна быть по меньшей мере вчетверо больше.

Он услышал, как Раджани развернулась, потом почувствовал, что она легонько тянет его за плечи.

— Иди сюда, Син. — Она повернула его к себе спиной и заставила вытянуться на диване. Ее колени мягко сжали его по бокам, и Раджани начала массировать ему шею и плечи. — Можно решить эту проблему как-нибудь иначе. Вета отправилась в Плутонию набрать нам в помощь тамошних обитателей, и, судя по всему, они обладают способностями, которые будут нам полезны.

Син медленно поворачивал голову, чувствуя, как сильные пальцы Раджани снимают напряжение в мышцах.

— Немного ниже и левее... да, вот здесь. Конечно, судя по рассказам Бата, из плутониан получатся превосходные вьючные животные, и нам не придется перетаскивать в Бирюзу массу тяжелого оборудования. Но не думаю, что у них развита техника, которая позволяет создавать более эффективные генераторы.

— Я не это имела в виду, когда говорила о других решениях. В Бирюзе может смениться время года, и ветер усилится. Может быть, мы найдем способ перекачать туда энергию из измерения Туссо. Отец и Уилл ищут другие измерения с избыточной энергией.

Син почувствовал, что Раджани вздрогнула, и поднял голову.

— Что с тобой, девочка? Твой отец отличный разведчик, с ним ничего не случится.

— Я знаю. На самом деле меня беспокоит другое. — Она с силой провела костяшками пальцев по позвоночнику Сина. — Тебе ведь известно, зачем меня помещали в стасис?

Он кивнул:

— Тебе нужно было провести какое-то время в изоляции, чтобы ты смогла настроиться на Скрипичника и подслушивать его мысли. Когда он чуть не прорвался в Фениксе прошлым летом, ты преждевременно вышла из капсулы, потому что он был очень близко, и ты его засекла. Ты — наше секретное оружие.

— Не такое уж хорошее я оружие, Син. — Пальцы Раджани мяли его затекшую шею. — Мне не нравится, что в последнее время я перестала слышать Скрипичника. Боюсь, он замышляет против нас какие-то козни. Мы все знаем, что ему нельзя доверять, но меня постоянно мучает вопрос: насколько сильно он может нам навредить и кого он выбрал в качестве жертвы?

Син почувствовал, что Раджани чего-то не договаривает.

— А твой отец и Уилл за пределами нашего измерения в очень уязвимом положении? Но я за него не тревожусь. Там Скрипичник его не достанет. С твоим отцом ничего не случится.

— Я знаю, просто... — Ее голос упал, она замолчала и всхлипнула. — Я не могу прочитать Скрипичника, но и его тоже не могу прочитать.

Син высвободился, сел и прижал ее к себе.

— Кого его? — Он взял Раджани за подбородок и посмотрел в ее блестящие от слез глаза. — Ты должна рассказать мне все, иначе я вынужден буду разнюхивать сам.

Раджани фыркнула, потом нахмурилась.

— Я просто немного расстроена. Мой отец и я... мы оба стали другими. Раньше мы были близки, как Мики, Тед и Дороти, а теперь все иначе. — В ее глазах играли золотые блики. — Как ты относишься к своему отцу?

Син коротко засмеялся и плюхнулся обратно на диван.

— Ну, в основном я стараюсь не обращать на него внимания.

— Почему?

— Это помогает мне не думать о том, как сильно я его ненавижу. — Син проглотил подступивший к горлу комок. — Мой отец несколько раз поступил со мной очень подло. Я, как и все, недоумевал, чем же я заслужил такую немилость. Понимаешь, он же мой отец, он всегда заботился обо мне, и вдруг — так меня наказать! За что? Я никак не мог понять, в чем дело, терялся в догадках, весь извелся. — Он приподнялся на локтях. — И только в Японии сообразил: он хочет подчинить меня себе, хочет мною управлять. Я отказался ему повиноваться, он пошел на уступки, и я вернулся домой. Он держал меня в кулаке, время от времени позволяя мне маленькие бунты, потому что они давали мне возможность выпустить пар, и я оставался с ним, под его

контролем. В конце концов Койот довел дело до развязки, мы расстались, и я понял, что никакого примирения быть не может.

Раджани покачала головой:

— У меня с отцом сложность совсем в другом. Мы отделились друг от друга и не можем найти общую почву.

Син снова сел и положил локти Раджани на колени.

— Неправда, просто вы *пока* не смогли найти общую почву. Но твой отец пытается ее отыскать. Ты обращай внимание не на слова, а на поступки, тогда ты это поймешь.

— В самом деле? — Раджани нахмурилась. — В последнее время он больше внимания обращает на тебя, чем на меня.

— Ты неправильно истолковала его мотивы. — Син улыбнулся. — После возвращения из первой экспедиции в Бирюзу он проводит со мной много времени по двум причинам. Мы с тобой близки, поэтому, во-первых, он может многое узнать через меня о тебе. Но, что более важно, зная о нашей близости, он хочет понять, что я собой представляю, достаточно ли я хорош для тебя.

— Ты так думаешь?

— Я знаю. — Син взял руки Раджани в свои. — Я не могу читать чужие мысли. Порой мне и в собственных-то непросто разобраться, но ты мне очень дорога. — Он смущенно засмеялся. — Как все-таки странно... Сижу здесь, в темноте, держу за руки женщину с другой планеты...

— Я родилась здесь, в Юте.

— Ну хорошо, женщину прекрасную, как будто она с другой планеты... И мне легко и радостно, как ни с одной другой женщиной в мире. — Он покачал головой. — Ее отец — дух-хранитель тибетского монастыря, а сама она обладает невероятными способностями. Благодаря ей я избежал смертельной ловушки. Благодаря ей и ее друзьям я вовлечен в невероятную войну. Чудовище с мозгами набекрень пытается овладеть миром, и я помогаю его остановить.

Раджани сжала его ладони.

— Мне не нравятся ваши слова, мистер Мак-Нил, но я одобряю ваши поступки. — Она наклонилась и легко коснулась губами его губ.

Син улыбнулся:

— Я тоже одобряю ваши поступки, мисс Раджани. — Он поцеловал ее более крепко, и она не отстранилась. — Я влюблен в тебя, и влюблен здорово, тебе это известно?

— Известно. Я почувствовала, что меня тянет к тебе, когда мы с Нэтч вломились в твой номер в Японии. По одному только впечатлению от твоей комнаты я поняла, что ты должен быть сильным, добрым и мудрым. — На мгновение она опустила глаза, потом бросила на него озорной взгляд. — Потому-то я и стащила твои цепочки. Они связывали меня с тобой.

— Поскольку ты воспользовалась ими, чтобы найти меня и спасти, я очень рад, что ты их взяла.

Раджани погладила его по щеке.

— Я разделяю твои чувства, Син, и твои сомнения. Мы оба мучаемся вопросом, искренни ли наши чувства или они просто порождены обстоятельствами, в которые мы оба попали. Мы знаем о нависшей над нами угрозе и, естественно, тянемся друг к другу. Нет ничего странного в том, что мы хотим бороться за свою жизнь вместе.

— Ты права, это естественно. И то, что мы ближе друг к другу, чем нашим родителям, тоже естественно. — Син наклонился и поцеловал Раджани в шею. — Для меня — потому что мой отец подонок, которому было бы исключительно полезно принимать ванны в соляной кислоте. Для тебя — потому что твой отец уже не простой смертный. Ему трудно понять наши страхи, трудно думать так же, как мы.

— Если бы я знала, как дать ему понять, что я по-прежнему его люблю! — Раджани грустно посмотрела на Сина. — Как ты думаешь, он знает об этом?

— Думаю, знает, и эта мысль наполняет его гордостью. — Син поцеловал ее в кончик носа, потом похлопал себя по животу. — А вот у меня внутри совершенно пусто.

— Ты закончил с делами? Пойдем поедим?

Син выпрямился, освободив ноги Раджани, и посмотрел на компьютер.

— Да, это чудовище будет грызть цифры еще пару часов. Мы можем пойти к мексиканцам, и ты расскажешь мне, что психологи насобирали на Пигмалиона.

— Договорились, но только при условии, что ты вовремя отправишься в постель.

Син поднял бровь. Раджани засмеялась.

— Чтобы прочесть эту твою мысль, не нужно быть телепатом, Синклер. — Она встала и потянула Сина за собой. Обняв его за талию, она положила голову ему на грудь. — На самом деле я имела в виду, что тебе нужно отдохнуть, но, учитывая постоянную угрозу, с сознанием которой мы живем, я не могу лишить нас обоих любви, счастья и чувства безопасности этой ночью.

14

Деймон Кроули не терял времени зря за те два дня в измерении Титана, которые понадобились для его исцеления. Он периодически навещал Койота и проверял, как идет процесс восстановления, время от времени отправлялся на разведку в соседние протоизмерения, а в промежутках усердно трудился, делая напильником крестообразные насечки на головке каждой пули в обоях своего «Мака».

Покончив с последней, он удовлетворенно улыбнулся и в последний раз поднялся в пещеру проводить Койота.

В конце первого же дня Койот перестал нуждаться в дополнительном кислороде, и случилось это весьма своевременно, потому что баллон уже почти опустел. В капельнице отпала необходимость

в первый же день. Организм Койота высосал ее досуха, а потом отторг иглу как инородное тело.

Кроули присел на корточки и откинул одеяло с Койота. В полутьме пещеры он с трудом разглядел несколько красноватых бугорков, покрывших его ноги. По внешнему виду они напоминали сыпь, высыпавшую при кори. Кроули провел над ними рукой и ощутил тепло. Организм работал, выталкивая из себя осколки гранаты. *Если процесс восстановления и дальше пойдет с такой скоростью, тело Койота избавится от осколков в течение недели.*

Он встал и посмотрел на культю, торчавшую из левого рукава больничной рубахи. Швы уже рассосались и багрово-красные шрамы почти исчезли. Культия уже переросла отметку, которую Кроули сделал на стене пещеры в первый день, и на конце ее появилось что-то вроде почки, похожей на ручку эмбриона. Кроули не сомневался: пройдет не так уж много времени, и рука снова будет целой и невредимой.

— Кома. С ней будет посложнее. — Кроули сосредоточился и попытался прочесть мысли Койота, но ничего не уловил. Мозг Койота по-прежнему функционировал и, судя по тому эпизоду, когда кровать едва не рухнула вниз в другом измерении, мог воздействовать на окружающий мир, но после того, как они прибыли в измерение Титана, Койот закрылся.

Кроули улыбнулся:

— Могу понять тебя, дружище. Выздоровляй поскорее. Ты нам нужен. — Он снова укрыл Койота одеялом и вышел из пещеры. Неподалеку от входа валялись крупные камни. Кроули перекатил их поближе и заложил отверстие. За работой он развлекал себя мыслью, что не он первый заваливает камнями вход в средиземноморскую пещеру с надеждой на воскресение того, кто лежит внутри. Только Кроули был готов отпустить Койоту больше трех дней и очень надеялся, что тот вернется к ним всего лишь человеком.

Несколько раз согнув левую руку и убедившись, что она совершенно здорова, Кроули вытянул ее вперед и проделал дыру между измерением Титана и Землей. Он шагнул в земное измерение и очутился в тенистом дворике в самом сердце Затмения. Кроули посмотрел сквозь листву деревьев на небо и увидел черную сталь и пластиковые панели, которые вытягивали энергию из солнечного света, чтобы питать его огромный город в пустыне. Благодаря маленькой щели в черном куполе, созданной Городским Центром, дом Кроули находился в узком каньоне света и напоминал ему о тех временах, когда город был залит солнцем.

Два огромных клыкастых зверя, окраской напоминающих доберман-пинчеров, а размерами и жесткой шерстью — ирландских волкодавов, выскочили из двухэтажного дома и застыли на верхних ступенях заднего крыльца. Собаки оскалились и злобно зарычали, предупреждая пришельца,

что ему не поздоровится, если он вздумает подойти ближе.

Кроули замер как вкопанный.

— Кара, Амас, это всего лишь я. — Он не шевелился, дожидаясь, пока звери узнают его и успокоятся.

Собаки понюхали воздух, прыгнули с крыльца и подбежали к нему. Кроули опустился на колени, по очереди обнял своих грозных стражей, потом встал и, сопровождаемый почетным эскортом, направился к черному входу. Он открыл дверь, несколько не удивившись ни тому, что она не заперта, ни тому, что его имущество осталось нетронутым. Последний любитель легкой наживы проник во владения Кроули несколько месяцев назад. На этот самоубийственный шаг бедолагу толкнули подначки дружков по шайке. Правда, жизнь незадачливому воришке удалось спасти, но с тех пор у него появилась новая кличка — Малыш Импо.

Кроули спустился в подвал, открыл шкаф для инструментов и нажал потайную кнопку. Задняя стенка шкафа уехала в потолок, открыв арсенал. У Кроули была внушительная коллекция оружия, самого разнообразного, но одинаково смертоносного. С полки, где еще сохранились очертания «Мака-10», висевшего сейчас у его бедра, он взял тяжелый цилиндрический глушитель и навинтил его на ствол пистолета. Потом приладил лазерный прицел, прицепил ремень и повесил оружие на плечо.

Кобуру от «Мака», висевшую на поясе, Кроули заменил другой, более тонкой, с серебряным цилиндром внутри. Он вытащил из нее сорокасантиметровую дубинку и щелкнул выключателем, чтобы проверить, не сели ли в фонаре батарейки. Убедившись, что все в порядке, Кроули выключил фонарь и убрал дубинку в футляр.

Он осмотрел остальное оружие, но решил, что хватит и того, что он выбрал. Уже собираясь закрыть шкаф, Кроули спохватился и натянул пару черных кожаных перчаток с мешочками свинцовой дробы, вшитыми в районе суставов. Он выбросил вперед правую руку, и его кулак врезался в стену, оставив в ней вмятину. Кроули стряхнул штукатурку с перчатки и закрыл шкаф.

Потом он перешел в центр подвала, сделал несколько глубоких вдохов и сосредоточился. Он погружался в себя все глубже, покидая личность Деймона Кроули и приближаясь к истинной своей сути, к самому ядру. Серо-голубая жемчужина приобрела зеленоватый оттенок и разбухла, приветствуя его. Убедившись, что остался верен себе, он позволил себе улыбнуться, затем с холодной решимостью настроился на выполнение своей мрачной миссии.

Первым делом он вызвал в сознании образ штаб-квартиры «Воинов Арийского Мирового Союза». Благодаря своим интересам в городе и связям с предшественником нынешнего Койота Кроули хорошо знал, где она находится. Более того, однажды он даже помог другому Койоту про-

никнуть туда для рекогносцировки. Они тогда вошли и вышли никем не замеченные, и Кроули не забыл того, что увидел и почувствовал там.

Он простер сознание во внешний мир и начал искать место, которое соответствовало сложившемуся у него образу логова «воинов». Шаг за шагом решал он свое уравнение и, в конце концов через соседнее измерение переместился туда. Материализация в штаб-квартире «воинов» была мучительно медленной, но, к счастью, никто его не заметил.

Он точно рассчитал место своего появления — темный угол на территории гаража. Проверая еще раз оружие, Кроули пожалел, что не укрыт тенью, которую всегда носил за пределами, но через секунду после рождения этой мысли убил ее. Работу, которую ему предстояло выполнить, должен был сделать человек, не тень.

Два высоких светловолосых «арийца», вооруженные автоматами, прохаживались по помосту, окружавшему верхний уровень гаража. Кроули выступил из тени и двумя выстрелами снял часового в дальнем конце помоста. Одна пуля пронзила «арийцу» грудь, вторая угодила в живот. Он врезался спиной в стену и сполз на помост, оставив на стене алую полосу.

Второй охранник, увидев, что напарник упал, вскинул оружие и начал поворачиваться к Кроули. Двухсотграновая пуля, выплюнутая «Маком», довершила за него поворот. Она попала в ногу над коленным суставом, пошла вверх и вправо, превращая в крошево бедро охранника, и вышла

в четырех дюймах от входного отверстия вместе с кровью, ошметками мяса и обломками кости. «Ариец» вцепился в перила, пытаясь удержаться на ногах, и хотел закричать, но не успел: его настигли еще две пули. Одна пробила легкое, другая разнесла череп, забрызгав стену кровью и серой кашицей. Охранник повалился на спину, дернулся пару раз и затих.

Кроули замер, прислушиваясь, но все было тихо, только воздух со свистом выходил из легкого мертвого «арийца». К запаху кордита примешивался запах крови и зловоние фекалий. Кроули не раз чувствовал его прежде и иногда позволял себе поддаться жалости, которую будил в нем этот спутник насильственной смерти, но на сей раз жалости места не было. Он не хотел считать тех, кого убил, людьми — да «арийцы» ими и не были. Под оболочкой человеческого тела скрывались чудовища. Они умели ходить на двух ногах и разговаривать, но никто из них не мог сойти за человека, потому что их идеи ставили их вне человечества.

К чудовищам не может быть сострадания.

Кроули продвигался по штаб-квартире «воинов», словно библейский ангел возмездия, явившийся поразить перворожденных Египта. Два «арийца», сидящие перед мониторами камер наружного наблюдения, умерли, даже не успев повернуться. Еще шестеро скончались во сне, грезя о Белой Империи, которую обещал им их вождь. Следующие трое, среди которых были и те, что

стреляли в Нэтч и Койота, встретили смерть, нестройно и фальшиво распевая в душевой. Еще четверых Кроули обнаружил в столовой. Троицкому хватило по одной пуле на каждого. Четвертый умер, предварительно убедившись на двух наглядных примерах, что кофейный автомат, хотя он и непрозрачен, не является пуленепробиваемым.

Перезарядив оружие, Кроули поднялся на второй этаж и заглянул в две пустые классные комнаты на южной стороне здания. Опасаясь ловушки, он осторожно приблизился к открытому дверному проему в северном конце коридора, который проходил через весь второй этаж. За открытой дверью оказался довольно просторный зал, пол и стены которого были закрыты толстыми матами. В дальнем конце зала стоял на коленях худой невысокий мужчина.

Опасаясь засады, Кроули вошел в зал на цыпочках и быстро отскочил в сторону от дверного проема, но обнаружил, что коленопреклоненный субъект — единственный человек в зале. На стене висел огромный портрет Гитлера в окружении более мелких изображений Ива Меша, Тома Мецгера, Дэвида Дьюка и Пэта Бучанана.

Кроули направил пистолет на мужчину, но, к его удивлению, тот не проявил ни малейшей тревоги при виде оружия.

— Я почувствовал ваш приход.

— В самом деле? — Зеленые глаза Кроули недобро сузились. — Тогда ты был должен почувствовать, зачем я пришел.

Мужчина важно кивнул:

— Я ожидал чего-то в этом роде, особенно после исчезновения Лоринга из больницы. Я поставил там своих людей для наблюдения. Ловко это у вас получилось. — Он склонил голову к плечу. — Но вас я не ждал. Я думал, они пришлют поляка.

— Я не оставил им выбора, Генрих.

— Разумеется. Вы же представитель высшей расы, мистер... Кроули, если не ошибаюсь. — Генрих выпрямился и поднял голову. — Какая жалость, что такой мастер умрет из-за каких-то сионистов, обманом склоняющих слепцов к измене своей расе. Вы хоть одного оставили в живых там, внизу?

— Они слишком глупы, чтобы жить. Они пошли за тобой, творили по твоему приказу грязные дела и потому умерли. — Кроули поднял указательный палец свободной руки. — И — просто чтобы ты знал — я действую сам по себе. Я не являюсь ничьим орудием.

Генрих рассмеялся — искренне, но, пожалуй, излишне громко.

— Нет? А я-то думал... Готов спорить, вы верите, например, в фикцию под названием Холокост.

— Только дураки отрицают историю, — не сводя глаз с Генриха, Кроули покачал головой. — Нацисты убивали евреев, цыган, славян, гомосексуалистов и любых коммунистов, которые попадали им в руки. Сталин убивал не только их. Культурная революция Мао, Народная Кампучия, курды в Ираке, массовые бои в Латинской

Америке — все это факты истории. Вы можете спорить о количестве погибших, можете играть словами, чтобы не называть вещи своими именами, но никто не может отрицать последствий той ненависти, которую вы проповедуете. Изуверство и фанатизм, которые вы распространяете, убивают людей.

— Забавно слышать это от человека, который только что убил почти два десятка людей. — Генрих улыбнулся.

— Нет, Генрих, таким способом тебе меня не задеть. Вы — нравственный эквивалент бациллы. Вы — интеллектуальная Черная Смерть, только против вас не бывает иммунитета. Вас нужно просто уничтожить — и за этим я пришел сюда.

Генрих плавным движением поднялся на ноги.

— Вы слышали что-нибудь об айкидо, мистер Кроули?

— Это имеет какое-нибудь отношение к нашей дискуссии?

— Имеет. — Генрих поклонился. — Такого мастера айкидо, каким являюсь я, нельзя застрелить. Едва вы только подумаете о том, чтобы нажать на спусковой крючок, я увижу образ пули в вашем мозгу и уклонюсь.

Кроули вскинул бровь:

— Спорим на вашу жизнь?

— Нет, на вашу. — «Ариец» холодно улыбнулся. — Я просто хотел, чтобы вы поняли, каким образом я смогу пересечь комнату и убить вас.

Кроули быстро выстрелил в Генриха. «Ариец» скользнул в сторону, и пуля впилась в обивку стены, подняв облачко перьев.

— Десять шагов, Кроули. Теперь уже девять. — Генрих вильнул вправо, потом по диагонали — влево. — Восемь.

Кроули выстрелил еще раз, но Генрих отскочил и, сделав колесо, сильно сместился влево.

— Сдавайтесь, Кроули. Вы уже все равно что мертвы.

— Я? — Кроули прищурился. — Вы не слышали такого высказывания, Генрих: «Чтобы зло восторжествовало, нужно только, чтобы добрые люди бездействовали»? А вы знаете, какой логический вывод следует из этого утверждения?

«Ариец» продвинулся вперед еще на один шаг.

— Нет, но вы мне, конечно же, скажете.

— Чтобы восторжествовало добро, добрые люди должны устроить так, чтобы злые люди не делали ничего. — Кроули навел оружие на Генриха и нажал на спусковой крючок. — Именно так я и поступаю.

Пуля разmozжила коленную чашечку Генриха, раскромсала связки, хрящи, чуть не оторвала ему ногу. С диким воплем вождь «Воинов Арийского Мирового Союза» упал на маты. Он вцепился в окровавленное колено и уставился безумными глазами на Кроули, не в силах поверить в происходящее.

— Это невозможно, — прошептал он, отчаянно пытаясь отрицать очевидное. — Вы не могли выстрелить. Я ничего не видел.

Кроули неторопливо пошел к «арийцу».

— Правильно, маломерок, ты ничего не видел. А до того видел лишь потому, что я тебе позволял. — Кроули улыбнулся жесткой улыбкой. — Ты исчерпал мое терпение, и теперь пришел час расплаты.

Генрих оттолкнулся правой ногой и, вцепившись в мат, попытался отползти от Кроули.

— Это не имеет значения. Есть и другие. Они вернутся сюда. Они тебя выследят. Ты все равно не выиграешь.

— Я уже выиграл, Генрих. Если есть другие, я их уничтожу, и никто не станет оплакивать тебя или их. — Кроули обошел кровавую полосу на мате и приставил ствол пистолета ко лбу Генриха. — Никому нет дела, жив ты или мертв, Генрих, поэтому тебе придется умереть.

Он выстрелил.

Генрих упал на спину. Его мертвые глаза уставились в потолок, вокруг головы образовался черный нимб из крови. Из дыры во лбу потек тоненький ручеек. Он добежал до переносицы, разделился надвое, медленно наполнил кровью обе глазные впадины, а потом кровавые слезы побежали по щекам Генриха.

Глядя на маленькое тело у своих ног, Кроули подумал, что Генрих был прав по меньшей мере в одном: другие «воины» действительно были — глупые, кровожадные фанатики, — и они вернутся. Они найдут своих мертвых товарищей и покля-

нутая отомстить. И если они узнают, кто расправился с их друзьями, то начнут охоту за ним.

Кроули улыбнулся. Они слишком тупы. Им нужна подсказка, чтобы они вычислили виновного. Кроули решил дать им эту подсказку.

Он вставил в «Инграм Мак-10» новую обойму и, усевшись, принялся ждать.

15

Уилл наполнил пластиковый стаканчик жидкостью, которая в Бирюзе называлась кофе. Он обошел группку людей, сидящих кружком в центре палатки-столовой, и нашел складной стул, который выглядел достаточно прочным, чтобы выдержать вес его тела. Едва он сел, как задние ножки погрузились в землю, и стул начал заваливаться назад, но Уилл успел вскочить, не пролив ни капли. Он переставил стул на более плотный участок, снова сел и положил усталые ноги на стол.

Уилл подул на горячую жидкость и сделал осторожный глоток. По сравнению со вчерашним днем вкус поила улучшился; по крайней мере Уиллу так показалось. Он решил, что не принимает желаемое за действительное, поскольку несколько рабочих добровольно вызвались следить за качеством кофе и пищи. Ежедневно поставки продовольствия приносили какие-нибудь сюр-

призы, отчего жизнь в голубой глуши становилась пусть и напряженной, но увлекательной.

Уилла позабавил сложный и тщательно разработанный план доставки рабочих в Бирюзу, автором которого была Джитт. Она полагала — и совершенно справедливо, по мнению Уилла, — что рабочие не смогут плодотворно трудиться, если поймут, куда они попали. Оказаться вне Земли, в другом измерении, возможно, опасном для человека, — это, пожалуй, чересчур необычное приключение. Джитт доказывала, что тревога в рабочих лагерях может привести к массовому дезертирству и беспорядкам.

Чтобы избежать этого, рабочих переправляли в Бирюзу в три этапа. Из Феникса волонтеры полетели на реактивном самолете в Японию. Для большинства рабочих — за исключением нескольких человек, отслуживших в армии, — это был первый в жизни полет, и их не пришлось долго убеждать принять пилюли от тошноты. Седативное средство, которое им дали, не только успокоило их желудки, но и притупило восприятие до такой степени, что они стали походить на зомби.

Сразу по прибытии в Японию рабочих погрузили в автобусы и отвезли из аэропорта в Галбро. Там, под предлогом прививок, их снова накачали наркотиком и переправили в Бирюзу через пространственный тоннель, расположенный в Центре. Здесь Уилл, Тед и другие посвященные расселили почти ничего не соображающих рабочих по временкам, сооруженным японской СВБ.

Третий этап включал в себя акклиматизацию рабочих. Для большинства из них этот процесс не был тяжелым, потому что перемена декораций их заворожала. Более прохладный климат и изобилие растительности — хотя и голубой — подействовали на рабочих благотворно. Очень немногие в достаточной степени были знакомы с астрономией, ботаникой или биологией, чтобы догадаться, что они не на Земле, а тех, кто все-таки выражал тревогу, быстро переубеждали и успокаивали самозванные эксперты, мнившие себя знатоками в любых вопросах, которые обсуждались между рабочими.

Постепенно все привыкли к своему новому, временному, дому. Многие считали, что находятся где-нибудь в Юго-Восточной Азии, а недавно начало распространяться мнение, будто строительство ведется на Борнео. Если Уилл знал, что ночные концерты насекомых и птиц в джунглях не похожи на пение представителей земной фауны, то у жителей Затмения не было никаких критериев, чтобы прийти к такого рода заключению. Не располагая фактами, они создали собственную реальность и чувствовали себя в ней вполне уютно.

Уилл постепенно втянулся в игру и даже начал приводить доказательства, подкрепляющие объяснения новоявленных экспертов, поскольку это помогало поддерживать в лагере спокойную обстановку. Труднее всего ему было привыкнуть к тому, что голубая листва, увядая, начинает зеленеть, а потом превращается в слизь. Один из ра-

бочих выдвинул такую гипотезу: синеватый оттенок означает, что растение лучше приспособлено к холоду. Ведь всем известно, что кожа и губы у людей синеют на морозе. Зелень превращается в слизь, потому что она становится слишком горячей и просто тает. Хотя это объяснение выводило логику наизнанку, Уилл углядел в нем зерно здравого смысла и согласился с ним, подкрепив тем самым самоуважение рабочего, который предложил эту гипотезу.

В палатку вошел Тед Фарбер. Он хлопнул нескольких рабочих по плечу, посмеялся чьей-то шутке, потом налил себе кофе и подсел к Уиллу.

— Длинный сегодня денек, а, Уилл?

Индеец кивнул:

— Действительно длинный, но ты, кажется, держишься молодцом.

Тед гордо улыбнулся и расправил плечи. Уилл чувствовал, что Фарбер черпает силу в сознании возложенной на него ответственности. Рабочие, похоже, считали Теда кем-то вроде неофициального инспектора и часто делились с ним своими маленькими проблемами. Из-за явного уважения, которое выказывал по отношению к нему Бат, охранники, патрулирующие лагерь, прислушивались к мнению Теда, и благодаря этому ему легче было поддерживать порядок в лагере.

— Растрясаю жирок, который накапливал годами. — Тед хлопнул себя по животу. — В него вошло столько ящиков пива, что уже не упомяну сколько, но за эти десять дней оно вышло из меня

пóтом. Мы опережаем график работ по строительству ветряных генераторов и можем выдерживать такой темп и дальше, если призрачные каменщики нас не подведут.

Говоря о призрачных каменщиках, Тед понизил голос. С помощью Веты в Бирюзу для тяжелых работ переправили несколько созданий, которых Джитт называла плутонианами. Размером с трактор, внешне они напоминали муравьев, произведенных той же фирмой, которая выпускает броненосцев. Плутониане были невероятно сильны и, как выяснилось, действительно обладали примитивным разумом. Во всяком случае, получая от Веты простейшие указания, они расчищали на склоне холма террасы и устанавливали на них постаменты из огромных каменных глыб, обеспечивая необходимую для работы ветряных генераторов высоту сооружений. Как-то вечером Уилл видел их за работой; после этого две ночи подряд его преследовали кошмары.

Один из рабочих оглянулся на Теда:

— Эй, шеф, как вы думаете, призрачные каменщики выйдут сегодня ночью?

Тед покачал головой:

— Сколько раз повторять тебе, Билл, — это эльфы. Ты выставляешь им мисочку молока, а они делают за тебя всю работу.

Уилл посмеялся, чтобы поддержать шутку Теда. С самого начала они столкнулись с серьезной проблемой: рабочие, в общем-то вполне дисциплинированные, рвались из лагеря посмотреть,

как возводятся постаменты для генераторов. Отсутствие тракторных следов вокруг строительной площадки, молчание двигателей и тяжелый, почти удушливый запах, который время от времени доносил с той стороны ветер, были загадкой, и люди жаждали ее разгадать. Тед говорил всем, что за эту часть проекта отвечают японцы, но несколько смельчаков предпринимали попытки выяснить, что же на самом деле происходит там по ночам.

Индеец разглядывал поверх чашки рабочих, собравшихся в кружок. Двоих недостает. *Толстяка Кента и парнишки из Айовы.* Он схватил Теда за плечо.

— Нет Кента и Билли Кауфмана.

Тед поставил на стол чашку с кофе и выругался.

— Вот черт! Муни, ты что, вешаешь мне здесь лапшу на уши, а Кент с Билли тем временем пытаются подглядеть за япошками? — Он встал и покачал головой. — Если охранники поймают, это еще полбеды, но у японцев там шныряют киберниндзя. Ребята, вы оставайтесь здесь. Уилл, пошли поищем этих удальцов, пока они не нашли неприятностей на свою голову.

Уилл выбросил стаканчик из-под кофе в мусорное ведро и вышел следом за Тедом из палатки.

— Беги за Батом, пусть отправит людей к ограждению, а я расскажу о пропавших Хэлу, он предупредит ниндзя.

Тед кивнул и бросился к палатке Бата, а Уилл побежал в противоположном направлении. Точно в центре расчищенного участка стоял пере-

движной домик, где находился командный пункт плацдарма. Уилл одним прыжком вскочил на деревянное крыльцо и распахнул дверь.

— Извини, что врываюсь, Хэл, но у нас два парня... — Он замялся, увидев, что Хэл Гаррет не один, и кивнул Йидаму и облаченному в тень Кроули. — Два парня ушли в джунгли, чтобы посмотреть на «призрачных каменщиков». Ты должен предупредить...

— ...японцев, — закончил за него Хэл и потянулся к рации. — Они найдут их, не волнуйся.

В этот момент хриплый мужской вопль разорвал тишину морозной ночи. Уилл развернулся, спрыгнул с крыльца и бросился бегом на север, в направлении джунглей и ветряных генераторов за ними. Йидам нагнал его в два прыжка, а Кроули дышал Уиллу в затылок, хотя в последнее время он немного прихрамывал на правую ногу.

— Не знаю, что это может быть, — мы же не нашли в джунглях крупных хищников.

— Может быть, наоборот, это что-то настолько мелкое, что кто-нибудь, не заметив, споткнулся и сломал ногу.

Впрочем, Кроули сам понимал, что это объяснение неубедительно. Они проломились через подлесок и вступили в чужой мир. Ночной концерт прекратился, и джунгли превратились в неподвижную декорацию с длинными тенями и обманчивыми перспективами. Уилл бессознательно перестал полагаться на зрение и сосредоточился на звуках, запахах и ощущениях.

Кроули и Йидам свернули влево. В правильном направлении, машинально отметил Уилл. Он бежал через джунгли, стараясь производить как можно меньше шума, и поэтому слышал стоны и тихий шелестящий звук, который он принял за успокаивающий шепот товарища пострадавшего. Индеец знал, что надо бы направиться к ним и предложить помощь, но что-то тянуло его в глубь джунглей.

Еще совсем недавно Уилл не стал бы доверять своим чувствам. Сейчас, пробираясь по джунглям, он в полной мере оценил произошедшую с ним перемену. В эту минуту он был не столько Уиллом Рэйвенсом, сколько кораблем, которым управлял неведомый дух. Уилл Рэйвен чувствовал себя чужаком, непрошеным гостем в первобытном девственном мире Бирюзы; но тот, кто вселился в него сейчас, был частью этого мира. И едва Уилл осознал это, как ему тут же стало ясно: существо, которое он преследует, в высшей степени чужеродно Бирюзе.

Уилл раздвинул границы своего восприятия, и протоизмерение под названием Бирюза ожило для него. Он чувствовал своих товарищей по лагерю и ощущал сочившийся из них страх. С севера он уловил охотничий азарт поисковой партии японцев, приближавшихся к месту, откуда донесся крик. От Йидама исходили чуждые, непонятные эмоции, но все же более понятные, чем от Веты и плутониан со строительной площадки. Правда, Уилл не почувствовал ничего, что указы-

вало бы на местонахождение Кроули, но сейчас это его не беспокоило: Йидам достиг источника боли, который Уилл принял за Билли или Кента, так что впечатления Кроули могли затеряться на фоне этого фейерверка страданий.

Уилл еще круче взял вправо и почувствовал, что расстояние между ним и преследуемым сокращается. Он не мог бы сказать, за кем гонится, но ощущал принципиальное отличие этого существа от всего, что его окружало. Оно было каким-то неправильным, неуместным в этом мире, как неуместна механическая собачка среди живых щенков. Неправильность заключалась не в размерах существа, и не в форме, а в какой-то его искусственности. Уилл настроился на этот искусственный аспект и побежал, словно влекомый невидимой нитью.

Уилл понял, насколько он близок к цели лишь в тот момент, когда едва не врезался в существо. Из-за маленьких размеров зверя ему казалось, что расстояние между ними несколько больше. Существо повернуло голову и разинуло пасть в беззвучном крике, от которого Уилла бросило в дрожь. Существо отскочило и врезалось спиной в толстое дерево.

Сознание Уилла как бы раздвоилось. Одна его часть понимала, что глупо бросаться на неизвестного противника с одним лишь ножом, другая без колебаний отдала приказ атаковать. Уилл шагнул вперед, сделал ложный выпад и, когда тварь бросилась на него, отскочил. Острые когти распо-

роли ему руку; он скрипнул зубами, но чутье тут же подсказало ему, что рана поверхностная.

Индеец прыгнул вперед и полоснул изогнутым лезвием по туловищу противника. На груди существа появился тонкий порез, края его разошлись, из раны выступила черная жидкость, но Уилл не почувствовал ужаса, который должен был бы исходить от раненого существа. Вместо того чтобы броситься наутек, тварь отклонилась вправо и ударила костлявым кулаком Уилла по ребрам.

Удар отшвырнул Уилла на куст метрах в трех позади. Юноша сгруппировался в падении, приземлился на спину, перекувырнулся через голову и мгновенно вскочил. Инстинктивно нырнув вправо, он избежал столкновения с ринувшимся на него существом, выскочил на небольшую полянку и повернулся лицом к противнику.

В этот момент он вновь почувствовал странное раздвоение. Он видел, словно со стороны, как кружит над низеньким, тощим, закованным в панцирь зверем, словно койот, выискивающий уязвимое место у дикобраза. Уилл понимал, что существо напало на него, защищаясь. Оно надеялось напугать преследователя или ранить его достаточно сильно, чтобы положить конец погоне. Оно хотело удрать от Уилла, а не убивать его.

Несмотря на устрашающий вид существа, Уилл знал: оно не приспособлено для настоящего боя. Большие глаза, крупные уши и склонность бежать по первому побуждению подсказали Уиллу, что перед ним не хищник. Это открытие в сочетании

с механической природой создания неожиданно натолкнуло индейца на новую мысль. Уилл понял, зачем оно здесь, в Бирюзе.

И эта догадка означала, что Уилл должен его уничтожить. Для этого он сам должен был стать хищником. Не раздумывая, Уилл освободил свое сознание и предоставил себя духам, как учил его дедушка.

Частичка человеческого разума, оставшаяся в нем, отметила, что дух, избравший его, был духом Ворона. Он подбросил в правой руке нож, и в кривом лезвии отразился изогнутый клюв ворона. Потом Уилл пошел на врага.

Ложный выпад отвлек внимание противника; существо отшатнулось, и Уилл лягнул его прямо в грудь. Прыжок вперед, еще один удар ногой, и противник отлетел, кувыряясь в воздухе.

Уилл прыгнул ему на спину и приставил лезвие ножа к мягкой полоске под подбородком существа. С силой потянув нож на себя, Уилл почувствовал, что лезвие погружается в толстые мышцы. Он откинулся назад и резанул, изо всех сил прижимая нож к шее врага. На руки Уилла хлынула черная кровь, но почему-то холодная, со сладковатым запахом разлагающейся плоти. Существо дернулось раз, другой, и затихло. Поднимаясь, Уилл заметил, что конечности убитой твари вывернуты под совершенно неестественным углом.

Он почувствовал на плече чью-то руку и — человеческое сознание полностью вернулось к нему — увидел перед собой призрачную фигуру Кроули.

— Занятная у тебя добыча, Уилл.

Индеец хмыкнул и сел на корточки.

— Это разведчик, мистер Кроули. Он создан специально для этой цели.

Человек-тень кивнул:

— Интересно, почему он не покинул Бирюзу, когда понял, что обнаружен?

Уилл пожал плечами:

— Может быть, решил, что я не представляю для него серьезной угрозы? Или у него не сработал инстинкт самосохранения...

— Или конструктор подчинил его чувство самосохранения чувству долга. — Кроули опустился на корточки рядом с Уиллом и дотронулся до хитиновой маски существа. — Похоже на боевую маску самурая, ты не находишь?

Уилл кивнул:

— Может быть. И это наводит на определенные подозрения. Я прав?

— В том, что Риухито приложил руку к созданию этого существа? Возможно. — Кроули уперся локтями в колени и переплел пальцы. — Тот факт, что оно не покинуло измерение, когда его обнаружили, можно истолковать и так: его создатель ни на минуту не предполагал, что оно может столкнуться с подобной ситуацией.

— Думаете, это испытательная модель, попавшая сюда случайно?

Кроули кивнул:

— Боюсь, это лучшее, на что мы можем надеяться.

Злоборжиг-тень

Уилл хмыкнул:

— А в худшем случае сюда заявятся его старшие братья и обрушатся на нас, как смог на Лос-Анджелес?

— И скоро, — добавил Кроули. — Очень, очень скоро.

16

Предательство!

Риухито улыбнулся: это слово пробудило в нем чувства, наполнившие его грудь огнем. *Предательство!* Он смаковал его, впитывая каждую каплю боли и праведного гнева, которое оно несло с собой. Как его великий дед, заносивший в каталог новые виды морских беспозвоночных, Риухито фиксировал каждую подробность того, что исследовал. Он соотнес свои новые впечатления с уже известными и пришел к выводу, что сталкивался с предательством раньше, правда, в более завуалированной и не такой обидной форме.

Он парил над четверкой вернувшихся разведчиков и думал, что предательство известно ему с рождения. Гигантские технокорпорации, которые правили Японией, образуя промышленный сегмент, на самом деле только изображали преданность императору. Если дед Риухито возражал против действий того или иного министра, впадший в немилость подавал в отставку, а корпорации выбирали ему на замену другого — идеоло-

гическую копию первого, — и все шло по-старому. Самое неприятное, конечно, заключалось в том, что уволенный министр не только не искупал свою вину, сделав сеппуку, но и — как частенько бывало — принимал предложенный корпорациями пост, который давал ему больше власти, чем было у него в правительстве.

Риухито окинул взором свои владения и подпитал себя ощущением собственной правоты, которое подобрал от башни, где он парил. Отобрав лучших своих воинов, Риухито размножил их и создал две армии, которые заставил биться друг с другом. Это были эпические битвы. Потерпевших поражение он уничтожил, а победителей обессмертил. Им было дозволено стать стенами и полами его башни. Таким образом, он жил в окружении верных вассалов, как императорский дом с давних времен.

Корпорации насмехались над традициями Японии, на которых зиждилась власть императора. Риухито видел, как сильно переживал дед каждый конфликт с корпорациями, и приходил в ярость от несправедливости существующего положения вещей. Корпорации вели себя так, словно вынужденный отказ от власти, данной императору по праву рождения, мог лишить членов императорской семьи божественности. Даже постороннему наблюдателю бросилась бы в глаза вся смехотворность подобного предположения, но главы корпораций, видно, совсем ослепли от тщеславия, ибо не видели в своей позиции ничего нелепого.

Скоро они горько пожалеют о своем высокомерии. Риухито удовлетворенно кивнул самому себе. Его нынешнее положение помогло ему увидеть свое прошлое в перспективе, и юноша сделал важное открытие. Он понял, что чужое предательство может дать ему больше могущества, чем чужая боль. Рожденный в Японии воспринимает предательство более остро, чем боль. Предательство — это нарушение кодекса самураев, и душа японца не знает побуждения более сильного, чем побуждение восстановить поруганную честь.

Риухито сосредоточился на текущих делах. Когда один из его разведчиков не вернулся с обследования ближайших измерений, Риухито решил, что Пигмалион назло ему уничтожил его создание. Представив себе причину, по которой мастер мог это сделать, Риухито едва не сгорел от стыда, но потом подумал, что какую бы ошибку он ни допустил, это не дает Пигмалиону права на столь унижительный урок.

Риухито уже привык к тому, что его разведчики всегда возвращаются и докладывают об увиденном. Броня и защитная окраска оберегали их от нежелательных столкновений, и наиболее серьезную угрозу для них представляли лишь неблагоприятные для всего живого условия в некоторых измерениях, а не туземная фауна.

Потеря разведчика огорчила Риухито. Теперь все данные, собранные им, безнадежно утрачены, а все потому, что он кое-чего не предусмотрел. Снабдить разведчика способностью телепатически

передавать информацию было бы не так уж и сложно. Хотя, признался он себе, создание существа, которое могло бы передавать сообщения с учетом сдвига времени между измерениями, пожалуй, стало бы серьезным испытанием для его мастерства.

А еще Риухито понял, что у его разведчиков есть и другой изъян: они не могли предупредить друга об опасности. Отныне он решил делать их так, чтобы при малейшем признаке тревоги ближайший разведчик отправлялся бы выяснить, что случилось с его товарищем по команде. С учетом того, что передача данных будет производиться в реальном времени, большая часть информации так или иначе будет доступна, но сбор дополнительных сведений никоим образом не помешает.

Риухито сделал пометки в списке модификаций и снова сосредоточился на идее предательства. *Пусть ты и господин, все равно твоему поступку нет оправдания.*

О каком поступке идет речь, ваше высочество? — раздался у него в мозгу насмешливый вопрос Пигмалиона, и маленький человечек собственной персоной появился в сводчатом окне башни, возведенной Риухито из высушенных оболочек воинов-победителей.

Риухито разжал ладонь и указал на терпеливо ожидающих приказа разведчиков.

— Один из них не вернулся. Твой наглядный урок показал мне изъяны в их конструкции, но

если бы ты пришел ко мне и объяснил, что в них неправильно, то достиг бы той же цели, не унизив меня насмешкой.

Пигмалион задумчиво кивнул и облизнул губы, как будто только что съел что-то вкусное.

Да, насмешка действительно имеет оттенок предательства и пренебрежения. Я почувствовал твое разочарование и задумался, чем оно порождено. А оказывается, источник твоего огорчения — я. Как интересно.

— Ты отрицаешь, что уничтожил моего разведчика?

Пигмалион направил указательный палец на одного из разведчиков, словно ребенок, изображающий рукой пистолет. Щелчок большого пальца — и первый разведчик рассыпался в прах. Второй щелчок — и следующий разведчик испарился; третий — и очередное создание Риухито вспыхнуло ярким пламенем. Последним щелчком Пигмалион ликвидировал четвертого разведчика, потом поднес палец к губам, подул на него и убрал в воображаемую кобуру.

Судьба твоих игрушек нисколько меня не волнует, принц. Они — лишь средство к достижению моей цели. Через них я помогаю тебе осознать потенциал, которым ты обладаешь. Одно время твои эксперименты с экзоскелетами меня забавляли, но я не нашел в твоих творениях подлинной красоты, и скоро они мне наскучили. — Пигмалион пожал плечами, потом нахмурился. — Где именно пропал твой разведчик?

Риухито помедлил с ответом. Его уверенность в том, что Пигмалион убил его создание, желая досадить ученику, таяла на глазах.

— В Синей Африке. Заурядный, ничем не примечательный мир.

Непримечательный для тебя, потому что там нет ничего, что представляло бы опасность для твоих воинов. Мне это место известно. Если бы оно существовало в ускоренном времени, как это измерение, я, наверное, выбрал бы его себе. Там нет ничего, что могло бы погубить твоего разведчика.

— Я пришел точно к такому же выводу.

Пигмалион резко взмахнул рукой, и острая боль пронзила голову Риухито от виска до виска.

Думай, болван! Если там нет опасности для разведчиков, и все же один не вернулся оттуда, что это может означать?

Риухито вскрикнул от боли, потом усилием воли отогнал ее от себя.

— Должно быть, там что-то появилось. Но что?

Не что, а кто. Пигмалион со свистом выдохнул воздух через стиснутые зубы. Это не Скрипичник и наверняка не Императрица Алмазов. Барон Самдей? Мидас? Камиллаиен? Кто бы это ни был, он пытается привести меня в замешательство и отвлечь от главного.

Риухито задрожал, глядя, как сжимаются и разжимаются маленькие пальчики Пигмалиона. «Его враги пришли за ним. Он перестал быть неуязвимым».

Нет, дитя мое, я не считаю себя неуязвимым, но на то, чтобы справиться с тобой, моих способностей хватит с избытком. Да, у меня есть враги. Я перехитрил Скрипичника уже во второй раз и, значит, обрел могущество. Мои собратья, Темные Властелины, заметили меня и хотят выяснить, насколько я силен. Если они сочтут меня слабым, мне несдобровать. Они попытаются разорвать меня в клочья. Черные глаза Пигмалиона на миг опустели, потом ожили и загорелись злобным огнем. Вы, ваше высочество, станете моим орудием. Вы уничтожите моих врагов.

Риухито кивнул:

— Я создам других разведчиков, и мы выясним, кто вторгся...

Забудь о своих разведчиках, раздраженно прошипел Пигмалион. Я велел туннелерам проложить тебе дорогу через измерения к одному месту, связанному с Синей Африкой. Там ты проведешь свои батальоны через пространственные ворота и уничтожишь все живое в Синей Африке. Обратное можешь вернуться через туннель.

— Но разве это не выдаст меня твоим врагам?

На этот риск я готов пойти. Я не чувствую там ничего, обладающего могуществом, достаточным, чтобы причинить тебе вред. Ты — бог. Если мои враги узнают, что ты на моей стороне, они задумаются, а любое промедление с их стороны мне на руку. Пигмалион улыбнулся и бросил взгляд в окно, через которое вошел. Ты со

своими воинами выиграешь время, а, как тебе известно, мне нужно его совсем немного. Иди, Риухито, и убивай все, что тебе встретится. Пусть, глядя на тебя, мои враги поймут, что война со мной — верный путь к забвению.

17 .

Уилл почувствовал себя одновременно и лучше, и хуже, когда в трейлере Бат расстегнул молнию пластикового мешка, и на труп убитой Уиллом твари упал свет лампы. Тесное помещение сразу наполнилось тошнотворным запахом гниющей болотной воды. Даже Йидам поморщился, но все же вместе с Кроули подошел поближе, чтобы лучше рассмотреть существо.

На свету Уилл впервые как следует разглядел свою жертву. Длинные уши с кисточками напомнили ему уши летучей мыши, и, как он подозревал, эта тварь тоже обладала способностью ориентироваться при помощи эхолокации. К сожалению, перерезав ей горло, Уилл повредил голосовые связки, и теперь не было никакой возможности подтвердить эту догадку. Неестественно большие глаза состояли почти из одних зрачков, окруженных тонюсеньким белым ободком. Как справедливо заметил Кроули, твердое панцирное покрытие на лице создания очень смахивало на боевую маску самурая, а оттенок грудных пластин напомнил Уиллу восходящее солнце на флаге Японии.

Существо едва достигало 130 сантиметров в длину, а короткий торс и длинные ноги создавали впечатление, что его конструктор заботился главным образом о скорости, а не о силе. Но боль в ребрах не давала Уиллу забыть, что и силы у существа хватало.

Бат осмотрел рану на горле.

— Великолепная работа. Перерезаны и дыхательные пути, и артерия.

Уилл поморщился:

— Наверное, я должен сказать «спасибо». — В глубине души он все еще не мог осознать, что убил эту тварь своими руками. Опустив глаза, он увидел черные пятна крови у себя на рубашке и черноту под ногтями, но все же ему никак не удавалось заставить себя поверить, что он действительно нанес этот смертельный удар. Нечто завладело им и воспользовалось им как орудием. Уилл знал, что дедушка счел бы это благословением, но, хотя молодого индейца охватывал благоговейный трепет при мысли об оказанной ему милости, в глубине души такое благословение его пугало.

Кроули подцепил одну из бледно-зеленых грудных пластин существа. Пластина с сочным хлюпаньем отделилась от плоти, к которой была прикреплена, и соскользнула к груди. В ноздри Уиллу ударила новая волна гнилостного запаха.

— Занятно.

Хэл нахмурился, взял со стола нож для разрезания бумаги и протянул его Кроули.

— Нельзя сказать, что у нас есть все необходимое для вскрытия, но, если хотите...

Кроули покачал головой:

— Его устройство нисколько меня не интересует. Любопытно только, что эта тварь уже начала разлагаться. Похоже, в этом измерении обитают микроорганизмы, которые питаются хлорофиллом. Это объясняет, почему умирающие растения меняют цвет с голубого на зеленый, а потом превращаются в слизь.

Уилл улыбнулся:

— Ну конечно! Пожиратели зеленого хлорофилла ускоряют процесс разложения и возвращают продукты распада в почву, тем самым питая ее и обеспечивая рост новому поколению растений. В этой твари есть хлорофилл — наверное, ее создатель не желал, чтобы она отвлекалась, и снабдил ее всем необходимым для пассивного питания. — Он посмотрел на Кроули. — Так вот почему здесь растения голубые!

Кроули скрестил руки на груди.

— Интересно, не эти ли микроорганизмы вдохновили Герберта Джорджа Уэллса на создание «Войны миров»?

Тед Фарбер подошел к окну, глотнул свежего воздуха и вновь повернулся к остальным:

— Герберт Уэллс? Не вполне понимаю, при чем тут Уэллс?

Хэл улыбнулся:

— Способность видеть в других измерениях — талант, который дан далеко не каждому. Без людей

вроде Кроули наши возможности путешествовать по измерениям были бы ограничены путешествиями во сне или в состоянии транса. В таком состоянии сознание находится как бы в свободном дрейфе, и Уэллса могло занести сюда.

Йидам кивнул:

— А принимая во внимание временной поток между измерениями и то обстоятельство, что сознание, как правило, путешествует круговыми путями, возможно даже, что он слушает наши рассуждения по поводу источников его вдохновения, тем самым позволяя нам внушить ему то, о чем мы говорим.

Уилл поморщился.

— Не думаю, что мне хочется размышлять на эту тему. — Он показал на труп разведчика. — Мистер Кроули, вы сказали, что появление здесь этой твари и ее гибель могут повлечь за собой нападение на нас. Что предпринять? Не следует ли начать эвакуацию рабочих?

Кроули посмотрел на Хэла Гаррета:

— Это твоя епархия, Хэл. Тебе решать.

Негр выпрямился, насколько позволяла высота трейлера.

— Я готов рассмотреть любые предложения, особенно если есть вероятность, что нам грозит нападение. — Он помолчал. — Вы знаете, я не сторонник насилия. Я не одобряю вашей расправы с «воинами», но мне вовсе не улыбается перспектива стать мучеником, а тем более — делать мучеников из других. У вас есть предложения?

Кроули кивнул:

— Тед, собери рабочих и скажи им следующее: кто-то прорвался через охрану, и мы подозреваем, что тварь, столкнувшая Кента в овраг, — разведчик террористической группы, которая хочет сорвать нам строительство. Никто не должен выходить за территорию лагеря без вооруженного сопровождения. — Он снова потыкал труп. — Экзоскелет — хорошая защита против зубов и клыков, но пулю он не остановит. Надо раздать оружие всем людям Бата. Думаю, Уиллу и Теду тоже не помешало бы вооружиться. Теперь сюда, наверное, пришлют усиленную разведгруппу, и мы должны встретить ее как полагается. — Кроули повернулся к Хэлу: — Может быть, ты тоже хочешь получить пистолет?

— Нет, я — пас. — Хэл повернулся к Бату: — Иди вооружай своих людей, — и снова переключил внимание на труп. — Вы говорите, Риухито имеет отношение к созданию этой твари? Значит ли это, что он обрел статус Темного Властелина, и если да, то каким образом нам теперь справиться с ним?

— Эта тварь — детская игрушка по сравнению с тем, что может создать Темный Властелин. Самая страшная опасность, которая нам грозит, — это Пигмалион. Если ему зачем-то понадобится это место, он может послать против нас свое войско. — Кроули перевел взгляд на Теда: — Если мы столкнемся с десятком воинов вроде вашего сына, с нами быстро будет покончено.

Тед покачал головой:

— Я рад, что здесь нет Мики.

— Аминь. — Хэл взял рацию. — Думаю, было бы неплохо посоветоваться с японцами относительно сложившейся ситуации.

— Согласен. Мы должны считать себя десантом в глубоком тылу врага. — Йидам постучал по грубо нарисованной карте, висевшей на стене. — У нас не самая лучшая позиция для обороны, но на открытом пространстве отстреливаться удобнее. Это очень напоминает мне одну битву из вашей истории.

— Литтл Биг Хорн*? — с надеждой спросил Уилл.

Тед бросил на него косой взгляд:

— У большинства из нас нет родственников, которые сражались на стороне победителей в этой битве, Уилл.

Йидам покачал головой:

— Роркс Дрифт**.

Хэл нахмурился:

— Возможно, я все-таки запасусь оружием.

— Ну и отлично, а то я могу использовать только два ствола одновременно. — Бат вошел в трейлер и бросил Хэлу «Мак-11» на ремне и две патронные сумки. Такое же снаряжение он вручил Теду и Уиллу. — Мои тяжеловесы не пропустят

* Река в штатах Вайоминг, Монтана. В 1876 г. генерал Кастор и его войска потерпели здесь поражение от индейцев. — *Примеч. пер.*

** Сражение между англичанами и зулусами, состоявшееся в 1879 г. на территории нынешней южноафриканской провинции Наталь. Несмотря на превосходящие силы зулусов, сражение закончилось победой англичан.

воинов Риухито, но если им все-таки удастся про-
рваться, нам этого хватит, чтобы их остановить.

Уилл перепоясался ремнем.

— Будем надеяться.

— При чем тут надежда? Я знаю, что говорю. —
Бат снял с плеча АР-15, и Уилл заметил у него на
бедре ножны.

— Как я понимаю, ты рассчитываешь подобрать-
ся к ним вплотную и схватиться врукопашную?

Бат примкнул к АР-15 штык.

— Тебе-то нож пригодился.

«Пригодился, но мне бы ни за что не хотелось
снова испытать это удовольствие», — подумал Уилл,
но вслух ничего не сказал, лишь щелкнул затво-
ром «Мака» и снял пистолет с предохранителя.

Бат подошел к двери и выглянул наружу:

— Похоже, у нас неприятности. И неприятно-
сти крупные.

— Что случилось? — Тед повернулся к южно-
му окну и пожал плечами. — Подумаешь, солнце
восходит, большое дело!

— По-моему, вы забыли, мистер Фарбер, — за-
метил Кроули, вытаскивая из кобуры пистолет-
пулемет, — что в этом измерении солнце восхо-
дит не на юге.

Риухито отправил почетный караул вперед, по-
том сам вошел в Синюю Африку через кольцо
пространственных врат. В Синей Африке ворота
выглядели как ничем не примечательное кольцо
термитников, тогда как в измерении Гирасол они

представляли собой водоем радужного сияния. Риухито прошел ворота и, стараясь не обращать внимания на связанное с межпространственным переходом головокружение, поднялся в воздух на диске золотистого цвета.

Синяя Африка предстала перед ним во всем предрассветном великолепии. Внизу, у подножия холма, над которым он парил, раскинулся палаточный лагерь с несколькими фургончиками. К северу от лагеря Риухито увидел густые джунгли, а за ними — холмы, ограждающие долину с другой стороны. С такого расстояния ему удалось различить на дальних холмах террасы и камни, но деталей он не разглядел, да это и не имело значения, поскольку его задача — уничтожить все, что он обнаружит. Совершенно очевидно, что первым делом надо ликвидировать лагерь.

Когда его армия выкарабкалась из пространственных ворот, Риухито плавно опустился на землю. Первый батальон уже построился, и, посмотрев на него, принц улыбнулся. Стройные ряды воинов, отражая сияние господина, мерцали зеленым. Риухито не сомневался, что его армии будет более чем достаточно, чтобы уничтожить чужаков, вторгшихся в Синюю Африку.

Первым к месту назначения прибыл смешанный наступательный батальон. Первый его отряд составляли создания, которых Риухито назвал Ударниками. Благодаря мощному телосложению и толстому панцирю они образовывали сплошную стену, под прикрытием которой наступали

остальные отряды. Сорока Ударников, развивающих скорость до пятнадцати миль в час, обычно хватало, чтобы пробить брешь в обороне противника в пробных сражениях Риухито. Ни фортификации вражеских солдат, ни их мощные кулаки с костистыми шипами не могли остановить неудержимого наступления Ударников.

За ними шли восемьдесят маленьких — в половину человеческого роста — воинов с многоцентральной нервной системой, которых похвалил Пигмалион. Как Риухито ни старался, он не сумел придумать конструкцию, которая обеспечивала бы более высокую степень выживаемости в бою. Благодаря нервным узлам, находящимся в местах сочленений, эти создания продолжали функционировать даже в том случае, если у них отрывало конечность. Правда, ранение в грудь могло вывести их из строя, но, поскольку у них было два сердца — одно повыше, другое пониже, — даже таким образом убить их было нелегко.

Москиты, как он называл их, поражали противника клыками и когтями, а невероятная быстрота реакции и проворство позволяли им с легкостью уклоняться от ударов. Они шли вперед, не останавливаясь, и вынуждали врага тратить на них больше усилий, чем того заслуживали их боевые качества. После того как Ударники пробивали брешь в обороне противника, Москиты врывались туда и начинали резню.

За Москитами шли воины, которых Риухито называл Парагонами. Высокие и гибкие, они мог-

ли пролезть или дотянуться куда угодно. Их невероятно тонкие многосуставчатые руки действовали как хлысты — каждый удар сдира́л с противника кожу. В то же время Парагоны обладали достаточной силой, чтобы раздавить грудную клетку противнику, заключив его в свои объятия, похожие на кольца удава. Ноги Парагонов строением удивительно напоминали лапки саранчи, благодаря чему они могли совершать гигантские прыжки, но, в отличие от саранчи, у Парагонов на ногах были когти, способные разорвать стальной лист. Длинный плоский хвост, которым Риухито снабдил каждого из них для устойчивости, был достаточно силен, чтобы ломать кости и разбивать камни.

Уверенный в победе, Риухито поклонился своему войску. Ответом ему были глубокие почтительные поклоны. Немного ослабив свое сияние, Риухито махнул рукой в сторону джунглей и лагеря:

— Ступайте, дети мои, угостите как следует тех, кто хочет нам зла.

Надежно укрытый стеной Ударников, Риухито повел за собой Москитов, словно учитель, отправляющийся с непоседливыми детьми на пикник.

Очень скоро он осознал свою первую ошибку. Ему следовало бы наделить своих воинов способностью передвигаться бесшумно или, на худой конец, дать им голоса, наводящие ужас. Хотя они и пробирались через лесные заросли довольно осторожно, им не приходило в голову, что нужно обходить сухие ветки или кучки камней, и звуки,

сопровождающие наступление, выдавали противнику их позиции. Риухито понимал, отчего произошла эта ошибка: до сих пор он вел битвы в пустынном, сухом мире измерения Пигмалиона и не подумал о том, что в других условиях его воинам могут понадобиться другие навыки. Что же касается пугающих голосов, то, конечно, он бы не смог вынести постоянную какофонию, которая сопровождала бы его военные игры.

Пока Риухито размышлял над досадной оплошностью, из-за которой его войска производили совершенно излишний при наступлении шум, раздался гром первого выстрела, от которого принц вздрогнул. Грохот расколол ночь и почти заглушил свист пули, снесшей полголовы у Москита, который шел рядом с принцем. В тот же миг Риухито осознал, что стрелял снайпер, сидящий где-то наверху, на дереве, иначе пуля не прошла бы сквозь стену Ударников. Не имея возможности ответить на выстрел — еще одна ошибка в конструкции, — он отдал единственно возможный в такой ситуации приказ:

— Сровнять джунгли с землей.

Ударники набрали скорость и врезались в стоящие перед ними деревья. Громкий, сочный треск эхом вторил выстрелам. Ударники сомкнули ряды и начали расчищать дорогу шириной футов шестьдесят. Двое снайперов соскочили со своих насестов и бросились наутек, но Риухито понимал, что действует не слишком удачно. Дорога получалась чересчур широкой, а двигались его

воины чересчур медленно. Расчищая путь, Ударники не могли развить высокую скорость. Кроме того, их примитивного интеллекта не хватало, чтобы понять, какие препятствия следует обходить, поэтому выступы скальной породы оставили широкую брешь в их рядах.

Прежде чем Риухито успел что-либо предпринять, в эту брешь хлынули Москиты. С таяканьем и улюлюканьем они ринулись в заросли. Риухито видел, как они проворно взбираются на стволы деревьев, обрывают ветки и осыпают землю кусками коры. Ему впервые пришло в голову, что Москиты всегда определяют противника по действиям Ударников: на кого Ударники нападают, тот и враг. И сейчас Москиты жизнерадостно повели войну против джунглей.

А неприятель, засевший в зарослях, времени зря не терял. Одиночные выстрелы постепенно слились в непрерывный грохот, как будто над лесом разразилась гроза. Москиты скулили и завывали, когда винтовочные пули сбрасывали их с деревьев. Сосредоточенный огонь заставил пошатнуться даже Ударников. Облегченные экзоскелеты, которыми Риухито снабдил их для большей подвижности, оказались слишком уязвимы для пуль. Изрешеченные десятками выстрелов, истекающие черной кровью, Ударники попятились. Когда их линия сломалась, Москиты ринулись вперед, прямо на пули врага.

На мгновение Риухито показалось, что Москиты спасут положение и принесут-таки ему победу.

Люди в джунглях не жалели патронов, они буквально искромсали в куски наступающих Моски-тов, но те продолжали идти вперед, хотя огонь такой плотности давно уничтожил бы любой отряд, состоящий из обычных людей. Только вот по сравнению с людьми у Моски-тов был один существен- ный недостаток. А именно — недостаток мозгов. Они знали лишь две команды: напасть и убить; остальные приказы для них ничего не значили.

Пули не столько свалили Моски-тов, сколько разнесли их в клочья. Риухито смотрел, как гибнут его создания без всякого сожаления. Их на- ступление отвлекло внимание людей, чем он и воспользовался. Поставив Парагонов в арьергард, Риухито отправился обратно, на холм, где его до- ждался второй батальон.

Он посмотрел на воинов, потом оглянулся на притихший в тревожном ожидании лес.

— Несколько изменений вам не помешают, дети мои. Совсем не помешают.

Быстрыми резкими движениями руки Уилл показывал рабочим, куда укладывать мешки, по- спешно наполненные песком. Ни один человек в лагере не отнесся легкомысленно к предупреж- дению о террористической организации, а когда люди Бата ушли в сельву, напряжение в лагере возросло до предела. Когда раздались первые выстрелы, часть рабочих забралась в укрытие, а остальные, вооружившись лопатами, кирками, от- бойными молотками и косами, объединились в партизанскую армию.

— Этим дерьмовым террористам-фанатикам, этим поганым япошкам не удастся свернуть шею американцам! — таким заявлением один из рабочих выразил общее настроение.

Удивлению Уилла не было предела; когда он увидел Кроули, который в открытую шел по лагерю. Правда, в следующее мгновение индеец сообразил, что люди не видят ничего странного в темной фигуре на фоне относительно темного неба. Кроули постоял, понаблюдав за приготовлениями, потом обернулся и кивнул подошедшему Уиллу.

— Как они поступят теперь? — спросил его Уилл.

— Введут в бой тяжелую артиллерию. — Кроули указал на лесок, где захлебнулась последняя атака. — Первый штурм смахивал на игру в солдатиков. Сначала шли ударные войска, потом легкие, более маневренные. Но у наших пуль и то оказалось больше мозгов, чем у них. Сдается мне, что следующая волна будет состоять из таких же придурков, вот только броня у них будет потяжелее.

Индеец нахмурился:

— По-моему, предпринимать лобовую атаку во второй раз — довольно глупо.

— Да, но сомневаюсь, что Риухито это понимает. Он создавал своих воинов с тем, чтобы они наступали сплошной стеной. Он должен испытывать грубую силу еще разок или признать свою глупость.

— Но лобовой атакой он только докажет свою глупость.

Кроули похлопал Уилла по спине:

— Точно, и именно поэтому нельзя допустить, чтобы он сделал третью попытку. Невозможно предугадать, что он предпримет в третий раз. — Кроули посмотрел на север. — Я знаю, что мы сумеем побить его на этот раз, но потом...

Где-то на юге одиночный выстрел разорвал тишину ночи. Уилл бросился вперед и присел за баррикадой из мешков с песком. Пока он доставал из кобуры свой «Мак-10», Кроули побежал к опушке леса. Через мгновение, скорее поддавшись чувству, чем следуя доводам рассудка, Уилл выскочил из укрытия и побежал за ним. Индеец плюхнулся на землю рядом с темным силуэтом, потом прополз немного вперед, к дереву.

— Не возражаете, если я временно заменю вашего постоянного спутника? — спросил он.

— Я рад, что ты рядом, Уилл.

Уилл напряг слух, но ничего не услышал.

— Они идут? Я их не слышу.

— Тут не слушать, тут чувствовать нужно, Уилл. — Индеец увидел блеск кольца на пальце Кроули, когда тот круговым движением руки обвел джунгли. — Ты почувствуешь, когда они полезут оттуда. Ты умеешь, я знаю.

Уилл сделал глубокий вдох и медленно выпустил воздух через плотно сжатые губы. Прищурившись, он пожелал, чтобы границы его восприятия раздвинулись, и устремил свое сознание в лес, направляя его, не позволяя ему отвлечься на эмоции рабочих, оставшихся в лагере. Уилл улыб-

нулся, поняв, что научился управлять своим восприятием здесь, в Бирюзе, и вновь почувствовал, как древние духи спешат к нему на помощь.

Барьер его восприятия отодвигался все дальше, пока не достиг ущелья на южной границе лагеря. На темном фоне крутого холма Уилл уловил напряженность Бата и его людей. Они справились со своим страхом, утопив его в необузданной ненависти. Они знали, что столкнулись с врагом, не похожим ни на кого из прежних противников, и эта мысль их взбудораживала. Они жили, чтобы убивать бестий из мрака, и Уилл понял, что они, вероятно, умрут ради этого.

Граница его восприятия отодвинулась еще дальше. Уилл продолжал разглядывать разворачивающийся перед его мысленным взором ландшафт. Он миновал ручеек, текущий по дну ущелья, и поднялся по пологому склону на другую сторону. Он обнаружил место, где захлебнулась и умерла первая атака. Из многочисленных тел утекала жизнь, но, лишь начав считать отдельные ручейки, Уилл осознал, как много погибло врагов. Ему казалось, что боль и агония должны висеть над полем боя удушающим туманом, но ничего подобного не было.

Иссякающие ручейки жизненных сил утекали вверх, словно струйки дыма. Уилл не сразу понял, что они не возносятся к небесам, а текут вверх по склону холма и исчезают за гребнем. Уилл повернул голову так, чтобы его лицо было обращено к холму, и на вершине его он увидел

крестообразный силуэт на фоне бледного сияния, которое, возможно, исходило от поднимающегося солнца. Он проследил за тонкими струйками жизней, поднимающимися к вершине, и отправился за ними.

По мере продвижения вверх в душе у него нарастал ужас, но он продолжал проталкиваться дальше, пока не уперся в стену, за которую не смог проникнуть. Это вызвало у него досаду и разочарование, но в глубине души Уилл испытал огромное облегчение. Как бы ни хотелось ему знать, что творится по другую сторону холма, он не испытывал ни малейшего желания столкнуться с тем, кто воздвиг эту стену.

Он уже хотел повернуть обратно, но понял, насколько важно проникнуть за этот барьер. Уилл искал в себе скрытые силы и нашел их там, где советовал искать дедушка. Вновь ему показалось, что его сознание растворилось в сознании его тезки — Ворона, в честь которого был назван род Уилла. Внезапно он почувствовал себя вороном, летящим на стену. Он ощущал сильные удары несуществующих крыльев, толкающих его вперед, и с каждым их взмахом его уверенность в себе крепла. Он приложил последнее усилие и с победным карканьем пронесся над вершиной холма.

Уилл конвульсивно дернулся — сознание резким скачком вернулось в тело. Он выронил оружие и обхватил себя руками.

— Боже милостивый, нет!

Он почувствовал на своих плечах руки Кроули.

— Легче, легче. Тебе не обязательно пытаться пробить эту стену. Мы можем подождать здесь и успеть предупредить своих, когда начнется цитурм.

— Вы не поняли, мистер Кроули. Я прорвался.

— Прорвался?

— Да, я прорвался туда. — Уилл встряхнулся и отогнал охвативший его ужас. — Там, наверху, Риухито, и воинов у него видимо-невидимо. Это какие-то бегемоты в броне. И с каждой минутой прибывают новые. Это не Роркс Дрифт и не Литтл Биг Хорн. — Уилл поднял свой «Мак». — Это «Буря в пустыне», а мы — защищающийся Ирак.

18

Риухито окинул взором горделивые ряды своих воинов и понял, что победа будет за ними. Он превратил Ударников в Суперударников, заделав бреши в их броне и увеличив вдвое их размеры. Он увеличил им мозг и умудрился наделить их элементарными мыслительными способностями, позволяющими распознавать непреодолимые препятствия и действовать по обстановке. *Теперь они непобедимы.*

За двумя отрядами Суперударников следовали два отряда Шершней. Бывшие Москиты стали крупнее и получили более прочные экзоскелеты. Необходимость сделать их более умными требовала централизованной нервной системы, но дополнение в виде рогов и толстых черепных плас-

тин защищало добавочный мозг, который Риухито впихнул им в головы. Кроме того, он внес усовершенствование в конструкцию их наручей, снабдив их метательными устройствами, благодаря чему Шершни могли точно поражать цель и сеять смерть среди снайперов.

Риухито гордился простотой и изяществом конструкции. Четырехконечные хитиновые звездочки лежали на поверхности наручей плащмя, но, когда кто-нибудь из Шершней отгибал кисть вверх и назад, внутреннее давление поднимало и разворачивало верхнюю звездочку таким образом, чтобы один из наконечников оказывался между суставами двух средних пальцев Шершня. Если же воин выносил руку вперед и сопровождал это движение поворотом запястья, хитиновый сюрикен высвобождался и летел в направлении движения.

Благодаря особенностям своего устройства создания Риухито могли производить метательные снаряды непрерывно, поскольку хлорофилл позволял им черпать энергию непосредственно из солнечного света. Однако теперь питательных веществ им требовалось значительно больше, и, прежде чем приступить к работе над Парагонами, Риухито отправил Шершней добывать себе фураж. В результате они опустошили обширный участок на склоне холма, уничтожив всю растительную и животную жизнь, которую им удалось обнаружить за позициями Суперударников.

В конструкцию Парагонов Риухито внес самые незначительные изменения — сделал сплош-

ными их экзоскелеты и увеличил мышечную массу, чтобы они могли достаточно легко двигаться. Хитиновые пластины на спинах Парагонов он изменил таким образом, чтобы они, подобно надкрыльям жуков, могли расходиться в стороны и помогали воинам направлять в прыжке полет. Вместе с массой возросла боевая мощь Парагонов; Риухито хотел снабдить и их каким-нибудь метательным приспособлением, но потом решил, что это ни к чему. Самураи отказывались от огнестрельного оружия, потому что не видели чести в такой победе. Пусть и Парагоны останутся незапятнанными.

Риухито хлопнул в ладоши, созывая подкармливающих Шершней. Он усилил свое сияние, чтобы воины могли подзарядиться, а потом показал на лес и на лагерь за ним.

— Там ваши враги, дети мои. Вам выпала честь преуспеть там, где ваши собратья потерпели неудачу.

Уилл посмотрел на посветлевшее небо и с трудом проглотил подступивший к горлу комок.

— Они идут.

Кроули кивнул и встал:

— Возвращаемся на баррикады. Оттуда удобнее вести огонь.

Индеец нахмурился:

— Разве нам не следует остаться и прикрыть людей Бата в случае отступления?

— Ты всерьез думаешь, что они отступят?

Уилл покачал головой и побежал назад к баррикаде. Перед ней была устроена заградительная полоса шириной метров двадцать: заостренные колья, врытые в землю и обвитые колючей проволокой. Уиллу показалось странным, что колья, густо натканные к границам лагеря, ближе к центру попадались значительно реже. И за заслоном из мешков с песком в центре оборонительной линии не оказалось ни одного защитника, хотя за остальными четырьмя укрылись группы вооруженных людей. Очевидно, Кроули и Хэл надеялись направить атаку неприятеля в центр. Но, если удержать оборону не удастся, враг расколет лагерь пополам и уничтожит защитников.

Уилл посмотрел направо, потом налево. Справа, через два заслона от него, стоял Тед, окруженный суровыми, полными мрачной решимости рабочими. Тед крепко сжимал рукоятку «Мака» и указывал вниз, на темный лес и сияющий холм за лесом. Люди за его спиной держали в руках лопаты и другие орудия, словно поджидали штрейк-брехеров, пытающихся прорваться через рабочие пикеты. Уилла восхищала их храбрость, но после того, что открылось ему за холмом, он понимал: только чудо может спасти этих людей от неминуемой гибели.

Слева Уилл увидел Кроули. Он разговаривал с рабочими тихим, но уверенным голосом. Лица людей сначала немного вытянулись, потом посуровели, в глазах загорелась решимость. Кроули назвал им численность противника, и они при-

няли страшную цифру. Уилл улыбнулся, припомнив, как сам был горд, заслужив одобрение Кроули. *Этот человек — прирожденный вождь.*

Уилл оглядел людей, стоящих рядом с ним. В желтых пластмассовых касках, поношенных фланелевых рубашках и грязных джинсах они являли собой на редкость неприглядное зрелище. Поймав на себе их выжидательные взгляды, Уилл догадался, что они признали его своим командиром. Это открытие показалось ему тем более поразительным, что у себя дома, в Затмении, они запросто могли быть членами шайки, которая с радостью расправилась бы с ним только потому, что он — индеец.

— Нам придется нелегко, ребята. — Уилл невесело улыбнулся рабочим, и те нервно ухмыльнулись в ответ. — Я буду обрабатывать их огнем, а вы добивайте внизу. Можете использовать отбойные молотки, чтобы проламывать им головы и раскалывать спины. Вспарывайте их от пупка до черепа, спереди и сзади. У этих типов доспехи, что-то вроде панцирей — настоящая фантастика.

Один парень пренебрежительно отмахнулся от последнего замечания Уилла:

— Не нужно лгать нам, браток. Тед шепнул нам пару слов. Мы далеко от дома, и какая-то нечисть открыла здесь ворота преисподней.

— О'кей, удачи вам. — Ущелье внизу огласилось выстрелами, и Уилл пригнул голову. — Они идут, и они — не люди. Убивайте их, сколько сможете, потому что они не пощадят никого.

Гром выстрелов стал оглушающим. Уилл на-
пряг слух, пытаясь различить чьи-нибудь крики,
но ничего не услышал за слившейся в один гро-
мовой гул канонадой. Он попробовал сосредото-
читься и раздвинуть границы восприятия, чтобы
увидеть битву в долине, но страх рабочих и выст-
релы отвлекали его. Через некоторое время выст-
релы начали затихать, и на смену им пришел ог-
лушительный треск. Эхо подхватило его с севера
и с юга и многократно усилило. Скоро стало ясно,
что треск приближается к лагерю, и Уилл понял,
за кем осталась победа в долине.

Но даже Уилл — единственный здесь человек,
видевший армию Риухито во всем великолепии, —
оказался неподготовленным к зрелищу против-
ника, наступающего на лагерь. Деревья на опуш-
ке леса дрогнули, закачались и начали падать,
словно их сшибал гигантский паровой каток. Рух-
нуло последнее дерево, и вражеский авангард на
мгновение замер на краю поля.

Огромные тяжелые создания уставились на за-
щитников лагеря свинными глазками, полными не-
укротимой ненависти. Их мощные передние конеч-
ности оканчивались здоровенными кулачищами, по
которым текла кровь и сок растений. Броня неко-
торых тварей была пробита, открытые раны крово-
точили. Один за другим они поднимали морды к
небу и выпускали леденящий душу вой. Потом они
пригнулись и пошли вперед.

Их широкий фронт сузился к центру утыкан-
ного кольями поля, и Уилл открыл огонь. Писто-

лет-пулемет затрясся; Уилл крепче сжал рукоятку, пытаясь справиться с отдачей. Очередь пробила броню на плече одного из чудовищ и развернула его; идущий сзади воин толкнул раненого, и тот полетел на колья.

Четыре заостренных деревянных древка вонзились в броню монстра, но три из них с треском сломались под тяжестью его панциря. Тело по инерции проползло вперед, сбив еще несколько кольев. Существо, подстреленное Уиллом, погибло под ногами своих собратьев, но расчистило им дорогу.

Уилл выбросил пустую обойму и вогнал в рукоятку «Мака» новую. Когда он вскинул оружие, земля у него под ногами дрогнула. Тед прострелил колено еще одному чудовищу, оно рухнуло и пробило брешь в заслоне из кольев. Идущий за ним перепрыгнул товарища и бегом устремился вперед; за ним острым клином припустили остальные. Уилл попытался поймать цель, но тут от тряски свалились несколько мешков. *Нам конец!* Приготовившись принять смерть, Уилл прищурился и разрядил обойму в одного из надвигающихся монстров. Тот упал, и Уилл снова перезарядил оружие, нисколько не сомневаясь, что жить ему осталось не больше нескольких секунд. И вдруг углом глаза он уловил новое движение.

За последними рядами противника возникли огромные, стремительно набирающие скорость туши Призрачных Каменщиков. Плутониане галопом ворвались в гущу неприятельского войска, словно

карфагенские слоны, топчущие каре римлян. Уилл увидел, как один из вражеских «бегемотов» взлетел в воздух, словно клочок бумаги. Треск панцирных пластин, раскалывающихся под гигантскими лапами, заглушил звуки выстрелов. Едкий, насыщенный запах волной залил поле битвы.

Вета, белесая богиня смерти, ехала верхом на спине первого плутонианина. Прорвавшись сквозь отряды врага, она развернулась, чтобы встретить лицом атаку резервного войска. Уилл заметил мелькнувшую в воздухе пластинку-звездочку, которая рикошетом отскочила от костяного тела Веты. Одна из тварей, высоко подпрыгнув, бросилась на миранджейку, но та пронзила передней конечностью ей грудь и отбросила тело, еще не достигшее высшей точки прыжка.

Атака плутониан разметала вражеские ряды, словно торнадо — легкие фургончики, и в образовавшиеся бреши хлынули более мелкие твари. Уилл услышал свист и обернулся на булькающий звук. Один из рабочих лежал на земле с хитиновой звездочкой в горле.

— Ложись! Ложись! — заорал индеец и, сунув ствол пистолета в дыру, образовавшуюся в стене баррикады, выпустил длинную очередь по переднему ряду врагов.

Привалившись спиной к мешкам, чтобы перезарядить оружие, Уилл увидел, что еще двоих рабочих сразили звездочки. Теперь за их баррикадой осталось только четверо защитников. Но в

этот момент — на хвосте атаки плутониан — в бой включились японские киберниндзя.

— Йии-а! Вот и кавалерия подросла! — закричал Уилл и в следующее мгновение рассмеялся, как безумный, над собственными словами.

Автоматические винтовки изрыгали пламя, как пасти драконов. Киберниндзя продвигались вперед, прикрывая друг друга и направляя испепеляющий огонь в кипящую массу тел. Плотный огонь остановил наступление врага, и прилив начал сменяться отливом.

Уилл привстал на колени и снова сунул ствол «Мака» в просвет между мешками, но тут над ним навис один из «бегемотов» и занес кулак для сокрушительного удара. Уилл отшатнулся и стал падать назад, судорожно пытаясь оттолкнуться ногой, но он уже понимал, что ему не спастись.

Внезапно кто-то ухватил его за воротник и дернул назад. Отшвырнув Уилла нижней парой рук, Йидам шагнул вперед, уткнул дуло невероятно огромной винтовки чудовищу под подбородок и нажал на спуск. Вспышка пламени вырвалась из пасти и ноздрей чудовища. Из макушки «бегемота» брызнул фонтанчик крови, и зверь упал навзничь, придавив своей тушей двух воинов помельче.

Кроули помог Уиллу подняться и крикнул ему в ухо:

— Это те, кого ты видел, верно?

— Да, но там еще полно других. — Уилл дважды выстрелил по очередной твари, забравшейся

на мешки. Она упала, и один из его людей раз-
мозжил ей голову отбойным молотком, после чего
побежал за отрядом японцев.

— Откуда они берутся?

— Проходят через кольцо термитников.

Йидам присоединился к ним и вскинул на
плечо свою немыслимую винтовку. Винтовка —
она была длиннее Уилла — выплюнула двухфу-
товую вспышку пламени, и Йидама развернуло
отдачей на сто восемьдесят градусов. Еще один
«бегемот» подпрыгнул и упал замертво.

— Да что это за штука, черт побери? Противо-
танковая винтовка?

— Да, и не тебе ли радоваться, что Йидам ее
прихватил? — Кроули показал на холм. — Уилл
говорит, что там, наверху, межпространственные
врата. Нужно закрыть их, иначе мы и глазом морг-
нуть не успеем, как Риухито получит подкреп-
ление.

Йидам кивнул:

— Но Риухито это не понравится.

— Согласен. — Кроули обхватил Уилла сзади
за шею. — Пойдем.

— Но подождите... — Уилл оглянулся и че-
рез дымное марево увидел, как упал Тед. — Мы
нужны здесь.

Кроули потянул его назад, и поле боя исчезло
за серой дымкой.

— Нет времени, Уилл. Мы должны остановить
войска, которые проникают сюда, или погибнут
все. — Человек-тень чуть ли не тащил его на себе.

Они поднялись на холм, и Кроули рубящим движением ладони рассек дымку. — Посмотри по-лучше.

Уилл вскинул оружие и направил его на круг термитников. Он уже собирался объявить, что путь свободен, когда одна из тварей поменьше неожиданно появилась в круге и начала карабкаться к ним. Уилл выстрелил, и бестия завертелась на месте. Кроули прошил ее очередью, оставившей ровный ряд дырочек на груди. Тварь упала и больше не шевелилась.

Йидам поднял бровь:

— Они вылезают оттуда гораздо более бодрыми. Те, с кем мне довелось иметь дело, двигались как сонные мухи.

Кроули хмыкнул и опустился на колени перед ямой, которая смахивала на одиночный окоп, окруженный бруствером.

— Хлорофилл, помнишь? Они подкармливаются от Риухито, а в темноте батарейки у них садятся. Он сам придумал им такой метаболизм, что в темноте они впадают в спячку. Не исключено, что он до сих пор не отдает себе в этом отчета.

Кроули умолк и принялся разглядывать узор из восьми неглубоких лунок, выкопанных в земле. Лунки были расположены в два ряда — по четыре в каждом, — и в каждой из них лежала небольшая кучка голышей. Кроули ткнул пальцем в несколько камешков и оглянулся на термитники, потом пожал плечами, выковырял два

камешка из одной лунки и бросил их в углубление напротив.

Уилл присел рядом с ним на корточки.

— Овари?

— Почти угадал. Это управляющий механизм межпространственных врат. — Кроули вынул из лунки красный камешек и зашвырнул его подальше. На глазах Уилла камешек вновь появился в той же лунке. — Примитивно, но эффективно. Сейчас я заблокировал ворота, и другие твари сюда не попадут.

— Хорошо, — отдаленный звук выстрела поставил точку после этого слова. — Теперь мы можем вернуться и помочь нашим. — Он встал и загнал в «Мак» последнюю обойму. — У меня еще остался десяток пуль, чтобы угостить эту нечисть.

Кроули покачал головой:

— Мы не можем уйти.

— Почему?!

Йидам повесил винтовку на плечо.

— Мы должны ждать.

Спокойная решимость их тона подействовала, как ушат воды на огонь мщения, бушующий в душе Уилла.

— Мы должны подождать, чтобы убедиться, что никто не откроет ворота снова, правильно? — Кроули и Йидам кивнули, и Уилл закончил: — Значит, мы ждем его.

Над холмом воспарил солнечный диск и устремился на них.

— Кто вы такие? Как смее вы гневить бога? — Риухито ступил на землю и шагнул вперед. Солнечное сияние осветило вершину холма, словно галогенная лампа. — Ваши друзья погибли внизу, а я убью вас здесь.

Когда Риухито оказался в пределах досягаемости, Уилл набросился на него с кулаками. Принц небрежным движением парировал удар и отшвырнул Уилла в сторону, словно игрушку. Уилл почувствовал обжигающую боль в том месте, где его коснулась рука принца. Ударившись о землю, он перекатился через голову, встал на одно колено и прижал к себе обожженную руку.

Риухито рассмеялся.

— Я — бог, малыш. Тебе не дозволено касаться бога.

Йидам бросился вперед и схватил мощными верхними руками Риухито за запястья. Он оторвал принца от земли и широко развел руки в стороны, но Риухито не казался ни встревоженным, ни напуганным. Его сияние усилилось, и от одежды Йидама начал подниматься дымок. Ремень винтовки сгорел, но Йидам не ослабил хватки. Более того, он начал тузить Риухито нижней парой рук.

— Это невозможно! Я — бог! — взревел Риухито.

— Я тоже им стал, — процедил Йидам сквозь стиснутые зубы и, словно тараном, ударил головой в грудь принца.

Риухито громко всхлипнул, и его сияние слегка померкло, но потом снова набрало силу. Сол-

нечный свет сфокусировался в двойной луч и упал Йидаму на грудь. Зашипела обожженная плоть, и Йидам вскрикнул от боли. В следующее мгновение он отогнул большие пальцы и погрузил когти в запястья Риухито.

Кровь принца жидким огнем потекла по рукам Йидама. Уилл вдохнул горько-сладкий запах паленой шерсти, ринулся вперед и схватил за ствол упавшую винтовку Йидама. Не раздумывая, не глядя, доверившись духам, которые вели его прежде, он замахнулся винтовкой, словно огромной бейсбольной битой, и со всей силы врезал прикладом Риухито по затылку. Оружие исчезло во вспышке пламени, и Уилл почувствовал, что его кружит волчком в океане расплавленного золота.

В мгновение ока все погрузилось во тьму. Уилл не понимал, ослеп ли он, потерял ли сознание, или произошло что-то еще. Он чувствовал себя так, будто это его огрели по голове. Кожа на ладонях горела, пульсирующая боль проникла в сознание, сигнализируя о серьезных ожогах. Уилл попытался сделать шаг, но обнаружил, что сначала ему придется встать. Он моргнул и увидел тени, движущиеся в темно-сером мраке.

Уилл моргнул еще раз, и по его щекам побежали слезы. Он увидел, как Кроули оттаскивает неподвижное тело Риухито от Йидама. Уилл пополз к ним, поднял голову и посмотрел на тень Кроули.

— Он мертв?

— Думаю, ты проломил ему череп, но большая часть приклада сгорела, так что убить его тебе не удалось. — Кроули перекатил Риухито на спину и сложил руки юноши на груди. — Он довольно долго пробудет без сознания, а я знаю одно измерение с замедленным течением времени, где он не придет в себя, пока мы не решим, что с ним делать.

Уилл машинально кивнул. Он смотрел на Йидама. Лучи Риухито выжгли крест на груди буддистского божества. Кожа обуглилась и вздулась пузырями. Верхние руки и ладони Йидама были покрыты страшными ожогами. Уилл содрогнулся, представив себе, какую боль должен испытывать сейчас этот гигант.

— Что я могу сделать для вас?

Йидам заставил себя улыбнуться:

— Просить косметическое средство против загара уже поздно, я полагаю.

Кроули покачал головой:

— Мы погрузим тебя в ванну с соком алоэ и заставим выздороветь.

— Нет. Как выяснилось, я не настолько бог, чтобы остановить Риухито самостоятельно, и во мне слишком много от простого смертного, чтобы я оправился после этой попытки. — Йидам перевел взгляд на Уилла, потом снова на Кроули. — Передайте моей дочери, что я ее помнил. — Его спина выгнулась от боли, потом тело обмякло, и глаза остекленели.

Кроули протянул руку и закрыл Йидаму глаза.

— Пигмалиону придется заплатить и за это.
Уилл покачал головой:

— Его убил Риухито, не Пигмалион. Твой народ верит в «око за око», не так ли?

— Да, но мы так же придерживаемся мнения, что господин отвечает за действия своих вассалов. — Кроули поднял Риухито и перекинул его через плечо. — Конечно, я не стал бы проливать слез, если бы Риухито отдал здесь концы. Но я бы предпочел видеть его на нашей стороне. Я знаю нескольких людей кое-где, которые могли бы кое-чему научить принца. Йидам пришел оттуда.

Уилл медленно поднялся на ноги, осторожно вытянув перед собой обожженные руки.

— Я бы тоже хотел у них поучиться.

Кроули кивнул:

— Могу это устроить. Хочешь один урок прямо сейчас?

Уилл улыбнулся и пошел за ним следом к восьми лункам.

— Что я должен делать?

— Переложи один из этих голубых камешков из лунки два в лунку четыре. Хорошо. Когда я пройду через пространственные ворота, перекладывай камешки по кругу. Пусть Пигмалион потеет, выслеживая меня. — Кроули поудобнее пристроил на плече Риухито. Из лагеря донесся звук одиночного выстрела. — Потом возвращайся, собери уцелевших. Я скоро вернусь за вами.

Когда Кроули повернулся к термитникам, Уилл уловил какое-то движение за его спиной. Индеец

прыгнул и сбил Кроули с ног в тот самый миг, когда тварь, подстреленная ими раньше, выбросила обе руки вперед. Хитиновая звездочка, со свистом рассекая воздух, пролетела всего в нескольких дюймах над упавшим Кроули.

Человек-тень в кувырке сбросил принца и вскочил на ноги уже с «Маком» в руке. Очередь вспахала землю по прямой линии между ног твари, потом пошла вверх. Пули сорок пятого калибра распороли монстра от паха до горла и отбросили его на забрызганный кровью термитник.

Кроули вогнал новую обойму в дымящийся «Мак».

— Должно быть, световое представление Риухито оживило эту гадость для последнего броска.

— Оно сделало свое дело. — Уилл попытался перевернуться на бок, но боль в груди, в том месте, куда ударила хитиновая звездочка, остановила его. Он кашлянул и почувствовал, как боль, словно игла, припилила его к земле. Уилл кашлянул еще раз, и боль немного ослабла, но он ощутил во рту вкус крови, и по подбородку побежала теплая струйка.

Кроули опустился рядом с ним на колени:

— Держись, Уилл. Я избавлюсь от Риухито и сразу назад.

Уилл слабо оттолкнул его от себя:

— Уходи, пока я еще могу перекладывать камни.

Кроули мрачно кивнул и встал:

— Твой сын никогда ни в чем не будет нуждаться, знай это. Я даю тебе слово.

Индеец кивнул:

— Мой дед тебе доверяет, и я тоже. Человек, Который Умирает Далеко От Дома, верит Призраку, Который Ходит.

Кроули поднял Риухито и вошел в кольцо термитников. Уилл увидел голубоватую вспышку. Он вытянул левую руку и начал перебрасывать камешки из одной лунки в другую. Он мерил остаток своей жизни количеством камней, которые ему удавалось переложить между приступами кашля. Он умер не так быстро, как боялся, но и прожил не так долго, как надеялся. Но он умер счастливым, зная, что вместе с ним умирают все надежды врага отыскать Риухито.

Зло торговцев

ЗСТЫШКА ИНФЕКЦИИ

19

Очнуться после кошмара, полного боли и пламени, — ощущение не из приятных. А еще неприятнее открыть глаза и обнаружить, что лежишь в могильном склепе. Я чуял смерть рядом, чувствовал ее стойкий, словно аромат крепких духов, и затхлый запах, и мне казалось, будто она с большой неохотой выпускает меня из своих цепких костлявых рук. С извечным «ты еще будешь моим» смерть оставила меня, но и после ее ухода мне полегчало ненамного.

Если долго лежишь с закрытыми глазами, глаза приспособляются к темноте, но моему мозгу требовалось время, чтобы снова научиться видеть. Я не имел ни малейшего представления, ни где я нахожусь, ни сколько времени я здесь пробыл. Проведя рукой по подбородку, я не обнаружил щетины; казалось бы, это свидетельствовало о том, что я пролежал здесь недолго, но тут мои пальцы наткнулись на заросший участок, который тот, кто брил меня, пропустил.

Этот клочок ничего не говорил относительно продолжительности моего пребывания в пещере,

зато он сообщил мне другие ценные сведения. Во-первых, кто-то присматривал за мной во время моего выздоровления. Во-вторых — и это более важно, — этому кому-то небезразличен мой внешний вид. Последнее умозаключение вызвало у меня некоторое беспокойство. Дело в том, что среди моих знакомых не было людей, которых в подобной ситуации могло заботить что-то помимо моего выздоровления.

От щеки я провел ладонью к волосам и коснулся гирлянды из лавровых листьев, венчающей мою голову. В первое мгновение это меня удивило, потом вызвало улыбку. Я мог представить, как Кроули возлагает мне на голову этот венок, но он сделал бы это только после моего выздоровления. В следующее мгновение до меня дошло, что и венок, и короткий хитон, и сандалии составляют единый ансамбль. Это открытие дало мне ответ на некоторые вопросы, но вместе с тем породило и новые.

Кроули рассказывал мне о протоизмерении, в котором быстрая регенерация является частью законов природы. Я помнил последние мгновения перед погружением во тьму достаточно хорошо, чтобы понять: я отчаянно нуждался в целительных свойствах этого измерения.

Уже одно то, что я чувствовал ремешки сандалий вокруг своих икр и кожу подошв на ступнях, свидетельствовало о нормальной работе спинного мозга. Значит, сломанный позвоночник сросся, и перерезанные нервы соединились.

Я почесал подбородок левой рукой и улыбнулся, не почувствовав боли в суставе, искалеченном «арийцем». Все это вместе — и вернувшаяся к рукам подвижность, и возвращение к жизни, и мой наряд — говорило о том, что меня поместили в протоизмерение, известное по легендам как греческий Тартар. И позаботился об этом, ясное дело, Кроули, который лучше кого бы то ни было знал, насколько необходим я для борьбы с Пигмалионом.

С другой стороны, Кроули не стал бы беспокоиться о том, чтобы мой наряд соответствовал характеру места, где он меня оставил. Пещеру скорее всего выбрал он, потому что она обеспечивала мне относительную безопасность, но если бы никто не тревожил меня с тех пор, как Кроули принес меня сюда, на мне сейчас скорее всего была бы больничная пижама.

Я закрыл глаза и заставил себя дышать размеренно. Как учили меня приспешники Скрипичника, а потом лама Монг в тибетском монастыре, я простер свой разум в пространство и попытался разорвать ткань реальности. Я сосредоточил свое сознание на Институте Галактического Братства и квартире, где я некогда жил, потому что пещера и мое ложе напомнили мне ее строгую простоту. Направив туда всю свою энергию, я попытался вырваться на Землю.

Моя попытка окончилась полным провалом. У меня возникло такое ощущение, будто протоизмерение, в котором я находился, окаменело. Оболочка, защищающая и отделяющая его от других

протоизмерений, стала твердой, словно алмаз. Я не мог проникнуть сквозь нее, а здравый смысл и интуиция подсказывали мне, что выход для меня заблокировали намеренно.

Я знал, что Скрипичник не стал бы меня за- пирать, а Пигмалион — если бы ему удалось меня обнаружить — просто меня бы убил. Стало быть, в мою жизнь вмешался новый Темный Властелин — или другое создание, обладающее соответствующим могуществом и возможностями.

На миг мне захотелось снова погрузиться в свои кошмары. Возвращение к жизни уже не казалось таким уж приятным событием. Но, поразмыслив, я отказался от заманчивой перспективы проститься с жизнью. Выбрав смерть, я обрек бы миллионы людей на страшную участь, уготованную им Скрипичником и Пигмалионом, стремившимся к власти над Землей. Я уже давно решил, что не буду им помощником — ни активным, ни пассивным. Стало быть, мне еще рано умирать.

Я сел, не обращая внимания на болезненный протест ослабевших от длительного бездействия мышц живота. Гладкие, как стекло, стены наводили на мысль, что моя пещера образовалась благодаря яйцевидному пузырю газа, замерзшего в остывшей лаве. Заостренный конец пещеры у моего изголовья переходил в узкий тоннель, ведущий к солнечному свету, но такой извилистый, что в пещеру проникало лишь очень немного рассеянного света.

И в этом скудном освещении я разглядел стоящую напротив меня женщину.

Я повернулся к ней и свесил ноги со своего ложа. До земли они не достали, не хватило нескольких сантиметров. Я улыбнулся.

— Я предпочел бы более строгий наряд для встречи с Алмазной Императрицей.

Невысокая женщина превосходно скрыла свое удивление. Я ничего не почувствовал, лишь догадался о ее смятении, уловив легчайший трепет темной вуали, свисающей с полей ее шляпы. Темное платье без рукавов, доходившее ей до икр, длинные — по локоть — перчатки и высокие ботинки выглядели очень подходящим нарядом для появления у гроба. Бриллиантовое кольцо и браслеты на ногах и руках составляли разительный контраст с ее одеждой. Особенно притягивало взгляд кольцо — мерцающий искорками стоячий воротничок на фоне смуглой шеи.

Она заговорила, осторожно подбирая слова, и я тут же узнал этот голос, хотя дикция и выбор слов никак не вязались с особой, которой раньше принадлежало это тело.

— Твои дедуктивные способности безбожным образом недооценили. Как мне следует тебя называть? Койотом? Или какой-нибудь другой псевдоним нравится тебе больше?

— Этот меня вполне устраивает. — Я решил не вставать: так наши глаза находились на одном уровне. — Признаю, я был неправ, не сделав попытки установить с тобой контакт раньше, но до сих

пор я не представлял себе всей сложности и запутанности интриги, в которую меня втянули.

— У тебя просто не было времени. Борьба со Скрипичником не позволяет отвлекаться на посторонние предметы.

Я кивком выразил свою признательность:

— Верно, но, кроме того, это требует еще определенных навыков и способностей, что и побудило моего предшественника остановить выбор на мне, когда он подыскивал человека, который продолжил бы его крестовый поход за свободу Земли. Эти способности включают возможность воспринимать действительность в чужих измерениях и умение преодолевать барьеры между ними. Койот этими качествами не обладал — он был слеп во внеземных мирах. По этой причине он заключил с тобой союз и позволил тебе внедрить агента — Нэтч Ферал — в ядро своей группы. Он должен был получать от кого-то сведения о Темных Властелинах. Джитт знала только Пигмалиона, но она отрицала это — и до сих пор отрицает. Вступить в союз с Темным Властелином... Такой поступок трудно оправдать. Он видел в тебе меньшее из зол?

Даже ее смех звучал по-другому. Более низкий, грудной, он наводил на мысль о немыслимой древности и безграничном опыте.

— Полагаю, он видел во мне *последнее* из зол. — Она подошла ко мне и поправила лавровый венок у меня на голове. — Как тебе понравилась твоя одежда?

— Удобно, хотя я предпочел бы что-нибудь более практичное. — Я прищурился и попытался разглядеть лицо под вуалью, но, даже зная, что именно должен увидеть, не увидел ничего. — И почему же он решил, что ты — последнее из зол, с которым он может столкнуться?

Она снова засмеялась, запрокинув голову, и я на миг увидел ее подбородок.

— В отличие от Пигмалиона и Скрипичника, мой аспект не агрессивного свойства. Я не конструктор и не синтезатор. Я — спасатель имущества, собиратель трофеев. Эта одежда — тоже трофей. Я спасла ее от тварей, терзающих заключенного здесь Титана. — Она подняла руку и позвенела браслетом. — Если подумать, эти бриллианты тоже трофей, отнятый мною у угля. Я спасаю вещи и беру их себе.

Я протянул руку и осторожно стянул с нее шляпу.

— Ты спасла тело Нэтч.

— Я спасла саму Нэтч. Я почувствовала ее боль и послала кое-кого из своих людей быстро забрать ее тело, пока она не умерла. — Алмазная Императрица посмотрела на меня синими глазами Нэтч, но я не мог припомнить у Нэтч такого взгляда. — Я подумала, что тебе будет приятно увидеть знакомое лицо, когда ты очнешься.

Я нахмурился:

— Нэтч не умерла?

— Никоим образом. Она мне слишком верна — хотя и не подозревает об этом, — чтобы я позволи-

ла ей умереть. — Алмазная Императрица одарила меня улыбкой, которая показалась мне почти настоящей. — Я уже спасала ее раньше, хотя она и не знает об этом, потому что я сделала это руками Койота. Поскольку я тоже отношусь к формам жизни с углеродной основой, мне не составляет труда внедриться в ее тело, Я часто использовала ее, чтобы связаться с Койотом.

— И чтобы спасти Бата?

— Мой аспект — спасти имущество, а не облегчать страдания. — Она провела указательным пальцем по моей щеке и подбородку. — Койот согласился сотрудничать со мной, потому что ему было известно: я могу укрепить свое могущество только после того, как другой Темный Властелин что-то разрушит. Если бы Скрипичник захватил и опустошил Землю, обретенного им могущества было бы больше чем достаточно, чтобы меня уничтожить. Его успех означает крах моих замыслов. Так родился наш союз против общего врага.

Я улыбнулся:

— Итак, почему же ты здесь? Ты спасла меня, и теперь я — твой трофей?

Алмазная Императрица отвернулась кокетливо-застенчивым движением, которое смутило бы Нэтч до полусмерти.

— Нет, но я хочу спасти свой союз с Койотом.

— Понимаю. — Я уперся руками в поверхность моего ложа и откинулся назад. — Ты знала, что Койот тебе не доверяет. Он рассчитал так,

чтобы я, очнувшись, первым делом уничтожил группу твоих Жнецов.

Она метнула в меня смущенный взгляд через плечо.

— Он всегда жадничал, пытался лишить меня даже мизерной возможности вторжения на Землю. Но я собираю свою силу везде, где только могу. Твои действия причинили мне ущерб, но не очень значительный. Учиненное тобою насилие не идет ни в какое сравнение с погромом, который устроил Бат, когда искал тех, кто забрал тело Нэтч. Но тем не менее мастерство, проявленное тобой во время нападения на вас, привлекло мое внимание. Койот сделал хороший выбор.

Я устоял на ложбинку между ее лопатками.

— Ему было нужно оружие, которое можно использовать против Скрипичника. Ты хочешь того же?

— Я могла бы удовольствоваться и этим, но, кажется, я хочу большего, чем хотел от тебя твой предшественник. — Она опять повернулась ко мне, и я увидел огонь в глубине синих глаз. — Я бы сделала тебя своим супругом, полноправным и равным партнером. — Она сложила ладони вместе, потом протянула руки ко мне и открыла ладони. Я увидел витое алмазное ожерелье, вызванное ее магической силой.

Ожерелье поплыло ко мне, и меня захлестнуло желание оголить шею, чтобы оно коснулось кожи. Я чувствовал исходящую от ожерелья силу. Приняв его, я стал бы Темным Властелином, рав-

ным Императрице Алмазов. Мы оба знали, что Скрипичник растил и воспитывал меня, чтобы когда-нибудь сделать Темным Властелином, поэтому подчинить себе власть ожерелья мне не составило бы труда. Для этого требовалось лишь принять предложение Императрицы.

Я знал, что ни один Темный Властелин не устоит против нашего союза. Созданный творцом, обладающим аспектом синтезатора и обученным убивать, я мог бы переплавлять свои жертвы в грозных воинов и создать непобедимую армию. Моя Императрица спасала бы лучших из поверженных врагов, а я отливал бы их по новым формам. С каждой победой мы становились бы все сильнее, пока, наконец, на свете не осталось бы ни одного достаточно могущественного противника, который мог бы бросить нам вызов. Я уничтожил бы всю Вселенную, а она создала бы ее заново в том виде, который нас бы устраивал.

А если новая Вселенная нам наскучит, мы можем начать все сначала. Мы предельно сократили бы циклы жизни и смерти, и каждый из них приносил бы нам еще больше могущества и славы. И для того чтобы все это стало явью, мне нужно было только добровольно принять власть, которую предлагала Алмазная Императрица.

Внезапно меня пронзило кинжальной болью. Невидимый клинок вошел мне в живот и вспорол до груди. Я чувствовал его движение каждым ребром, словно тупая пила вгрызалась в мое тело. Я поднес руки к груди, но в тот же миг,

когда пальцы коснулись кожи, и руку, и грудь пронзили миллионы расплавленных игл.

— Нет! Нет! — всхлипнул я, задохнувшись от боли.

Не долетев до меня, ожерелье остановилось в воздухе и растаяло. И как только оно исчезло, исчезла боль у меня в груди.

Но душевная боль осталась. Я хотел уничтожить Скрипичника и Пигмалиона потому, что сознательно отвергал неприятие законов, по которым они жили. Чтобы сохранить свое могущество, они заставляли страдать миллионы беспомощных жертв. Уже во второй раз меня искушали их властью. В первый раз мне предложил ее Скрипичник, и мне стоило большого труда удержаться от соблазна. И сейчас я едва не поддался искушению, зачарованный грандиозными возможностями, которые открывал передо мной союз с Императрицей. Когда взираешь на мир с вершины могущества, страдания людей кажутся такими мелкими.

Но я всегда старался смотреть на мир не с вершины власти, а из пропасти беспомощности. Я видел отчаяние людей вроде Теда Фарбера. Я знал, какую страшную ненависть порождают бедствия и несчастья в душах «Арийских Воинов», приписывающих все свои беды проискам сионистов. Я видел, как страдает Синклер Мак-Нил от бессердечия собственного отца. Я знал этих людей; я мог считать их друзьями или врагами, но я не желал видеть их в качестве своих жертв.

Темных Властелинов в первую очередь отличает полное отсутствие совести. Люди для них то же самое, что пчелы для пчеловода, только с одной маленькой разницей: пчеловод делает все возможное, чтобы устроить своим пчелам жизнь получше, потому что получает от них мед, а Темные Властелины считают медово-сладкими чужие страдания и страх, поэтому создания в их ульях живут хуже, чем души грешников в преисподней.

Я поднял голову и встретил взгляд Алмазной Императрицы.

— Даже если бы я пожелал принять твой дар, то не смог бы этого сделать. Скрипичник встроил в меня механизм, который убьет меня, если я приму власть Темного Властелина против воли моего создателя. Случай с Пигмалионом был ему уроком, и он не повторит ошибки.

— Скрипичник никогда не позволит тебе стать моим супругом, пока он жив. — Императрица хищно облизнулась. — По-моему, решение напрашивается само собой.

— Согласен. — Я соскользнул со своего ложа и выпрямился. — Когда Скрипичник уничтожит Пигмалиона, он станет моей главной головной болью. А чтобы убить Темного Властелина, нужен другой Темный Властелин.

— Ты уже мыслишь, как один из нас. Скрипичник утверждает, что он тебя создал, но, по-моему, ты получился бы таким же и без него. — Она снова подошла ближе и прижала ладони к моей груди. — Ты признаешь мой союз с Койо-

том? Когда вы со Скрипичником расправитесь с Пигмалионом, я помогу тебе уничтожить Скрипичника.

— Согласен.

Она подняла бровь, и на лице появилось весьма нетипичное для Нэтч выражение.

— У тебя уже есть план?

— Так, вырисовывается одна идейка. — Я улыбнулся. — Но сейчас мне необходимо вернуться на Землю. Я уже попытался отсюда выбраться, но ничего не вышло. Такое ощущение, будто это протоизмерение затвердело.

Алмазная Императрица кивнула:

— Так оно и есть. Природа этого протоизмерения родственна моему аспекту. Потратив какую-то часть своей силы, я могу возвести вокруг этого мира почти непроницаемую стену. Любой Темный Властелин может проделать то же самое, если его аспект совместим с природой измерения. Пигмалион, например, заперся в своем измерении, когда с его питомцем случилось несчастье.

Я нахмурился.

— Несчастье? С Риухито?

— Да. И Пигмалион залег в свою берлогу. Но я убеждена, ты все равно найдешь способ его уничтожить. Можешь покинуть этот мир. А на прощание я хочу сделать тебе подарок. — Тело Нэтч привалилось ко мне и начало оседать, но я успел его подхватить, прежде чем оно сползло на пол пещеры.

В моем мозгу прозвучал кристально ясный голос.

Береги ее, Койот. Вы оба очень ценны для меня. Когда я тебе понадобится, скажи ей, и я буду знать. Вместе мы станем непобедимы.

20.

Пытаясь выбраться из измерения Титана в первый раз, я избрал местом назначения штаб-квартиру Галактического Братства не раздумывая. Но и по зрелом размышлении я решил войти в родное измерение в Японии, потому что, насколько я помнил, мы решили использовать японскую базу для переправки людей и оборудования в измерение, которое окажется подходящим плацдармом для наступления на Пигмалиона.

Я материализовался на территории комплекса Галбро во внутреннем дворе с межпространственными воротами. Казалось бы, мое возвращение на Землю, да еще с Нэтч Ферал, должно было произвести настоящий фурор, но меня попросту никто не заметил. Я стоял с бесчувственным телом Нэтч на руках, и никто не обращал на меня внимания. А на земле аккуратными рядами лежали окровавленные трупы. Из пространственных врат вышли двое с носилками и понесли раненого в здание. В воротах возникли еще двое.

— Кроули! — крикнул я и начал пробираться к нему. Он повернул голову, и я едва узнал его.

Знакомое лицо превратилось в маску гнева. Одной рукой придерживая безвольную руку спутника на своем плече, а другой крепко вцепившись в его пояс, Кроули приподнял раненого над бортиком у выхода из ворот.

Его лицо немного просветлело, когда Кроули меня узнал, но он покачал головой.

— Подожди минутку, — и повел раненого к зданию. Даже лежащие повсюду тела не поразили меня так, как окровавленный Бат, бредущий, тяжело опираясь на Кроули. Только сейчас я по-настоящему осознал, какая ужасная катастрофа постигла нас.

Два санитары забрали Бата у Кроули; еще один санитар взял у меня тело Нэтч. Он, несомненно, предполагал, что она жертва того же бедствия, от которого пострадали и остальные. Санитар, несомненно, заметил мой странный наряд, но я не уловил от него даже проблеска удивления — он излучал только сильную усталость и сосредоточенность.

Я подошел к Кроули:

— Что произошло?

Казалось, измотанный человек, стоящий перед мной, не испытывает вообще никаких чувств.

— Мы победили.

Я оглянулся на ряды тел и покачал головой.

— Мы предполагали, что будет опасно, но такого...

— Этим парням досталось по полной программе. — Кроули опустился на колени перед одним

из трупов и отвернул серое одеяло. — Отец Мики. Сломана шея. Быстрая смерть.

У меня внутри все похолодело.

— Мики уже знает?

— Как можно объяснить смерть пятилетнему ребенку?

— Раджани подружилась с мальчиком, может быть...

Кроули посмотрел на меня пустыми глазами.

— У меня даже не было времени сказать ей, что ее отец погиб.

Я застыл.

— Мне показалось, ты сказал, что мы победили.

— Мы победили. Пошли.

Я пошел следом за Кроули к межпространственным вратам, встроенным в основание фонтана. Когда они действовали, вода в фонтане сияла опалесцирующим сиянием. У того, кто перешагивал бортик и оказывался в бассейне фонтана, возникала полная иллюзия, что он бредет по воде. Когда я начал погружаться, меня сначала обдало холодом, потом накрыло колючим одеялом и завертело так, что я совершенно потерял ориентацию.

В конце концов я всплыл в кольце высоких термитников и заторопился за Кроули. С другой стороны холма поднимались санитары с носилками.

— Кроули, подожди!

Человек-тень даже не повернулся. Я догнал его и схватил за руку. Он попытался вырваться, но я крепче сжал пальцы и развернул его лицом к себе.

— Что, черт побери, здесь происходит?!

Кроули открыл рот, уже готовый наорать на меня, но внезапно осекся и обуздал гнев.

— Прости, я... — Он с шумом выдохнул, потом повернулся и обвел рукой вид, открывающийся с вершины холма. — Великолепно, не правда ли?

Я кивнул. Это измерение больше всего напоминало африканскую саванну, граничащую с тропическим лесом. Если бы не голубые растения, вообще было бы трудно поверить, что мы покинули Землю.

— Прекрасный мир. .

— Рабочие думали, что это Борнео. — Кроули покачал головой и сжал кулаки. — Мы с тобой, Бат, Хэл, Йидам — мы знаем, что происходит. Мы сознательно идем на риск. А они просто приехали подзаработать. И мы обманом втянули их в свою войну с Темными Властелинами.

— Они и так были втянуты в эту войну, Кроули. — Я прищурился. — Какая разница, где бы они погибли — здесь или у себя дома? Черт побери, большинство этих людей жили как Тед Фарбер когда-то — ни целей, ни стремлений, ни надежд. Чем такая жизнь лучше смерти?

Кроули вскинул голову:

— Но они жили.

— Согласен, но их смерть, возможно, спасла жизнь другим. — Ветер из долины донес до нас болотный запах гниющих растений. — Насколько скверно обстоят у нас дела? Удастся спасти хоть что-нибудь?

— Боюсь, это вопрос не ко мне. Взгляни сам.

Мы начали спускаться по склону, взяв курс на расчищенный участок, где, судя по всему, еще недавно был лагерь. Джунгли между вершиной холма и территорией лагеря прорезала широкая полоса. Подлесок был начисто вытоптан, деревья повалены, словно над ними узким фронтом пронесся ураган необычайной силы. Я заметил на стволах следы от пуль и страшные шрамы, оставленные такими длинными и мощными когтями, что у меня по спине пробежал холодок.

Мы шли по просеке, обходя размякшие островки зеленоватой слизи, напоминающей открытую гниющую рану. Не требовалось особого ума, чтобы сообразить, что эти куски слизи и были источником гнилостного запаха. Возле одного я задержался и увидел сплюсненную пулю, вылезшую на поверхность, подобно тому, как выступает из тающего льда гравий.

— Надеюсь, эти твари стоили того, чтобы тратить на них патроны?

Кроули нетерпеливо кивнул и посторонился, уступая дорогу двум санитарам с носилками.

— Их создал Риухито. И, помимо всего прочего, наделил их способностью получать энергию из света. Риухито вживил в клетки их кожи хлорофилл, чтобы они подзаряжались, нежась в лучах его сияния. Мы обратили внимание, что в его отсутствие они несколько вяловаты. Но все равно они были ужасны.

Я встал и вытер руки о подол своего хитона.

— Вы еще выносите отсюда раненых, а эти твари уже почти разложились. Что, в этом измерении есть зоны с разной скоростью течения времени?

— Нет. — Кроули повернулся и пошел дальше. — В этом измерении есть бактерия, которая разрушает хлорофилл. Риухито об этом не знал. Эта бактерия не могла убить его тварей, но она их ослабляла. Вероятно, мы выжили — вернее, те немногие из нас, кто выжил, — только благодаря этой удаче.

Перепрыгивая с камня на камень, мы перешли ручей и начали подниматься по склону ущелья к лагерю. По пути я увидел участок, где растительность была полностью вытоптана. Площадку пересекала извилистая траншея с мелкими ответвлениями, разбегающимися во всех направлениях. У нижнего края участка земля была покрыта полуметровым слоем вспенившейся зеленой жижи.

— Здесь стояли ребята Бата. — Кроули покачал головой. — Когда я нашел Бата, он бродил по джунглям, разыскивая врагов. У него кончились патроны, сломался штык, и тогда он пошел на них с голыми руками. Он показал мне места, где убил троих, и сказал, что не помнит, где лежат остальные.

Из пенной массы выступали три толстых поваленных дерева. Я прошел по этому импровизированному мостику и начал взбираться по самой крутой части склона. В темной глинистой почве остались отпечатки огромных копыт. Я вгляделся в них повнимательнее и обнаружил, что места-

ми на них накладываются следы когтистых лап меньшего размера. Время от времени попадались более вытянутые и тонкие следы. Судя по размерам и относительной глубине отпечатков, эпитей «ужасные» по отношению к гниющим здесь тварям был чересчур слабым.

Когда мы вышли на открытое место, перед моими глазами предстала картина, при виде которой мне стало понятно состояние Кроули. Война всегда несет смерть и опустошение, но об этом обычно мало кто помнит. Чаще вспоминают о людском героизме перед лицом надвигающегося хаоса. Невинным жертвам возводят памятники, героев чествуют на торжественных церемониях, но тем, кто не прошел через ад войны, трудно понять, во что она обходится людям. Ужас, страдания, горечь утраты и отчаяние десятков, сотен, тысяч жертв настолько не поддаются описанию, что передать все это не по силам даже самым талантливым создателям мемориалов.

Гниющая масса цвета прокисшего горохового супа покрывала территорию лагеря сплошным слоем. В этой тошнотворной жиже плавали островками крупные и мелкие останки воинов Риухито. Между ними бродили люди и с громкими хлюпающими звуками вытаскивали из вязкой массы других людей. Беглый осмотр позволял установить, жив или мертв спасенный, и в зависимости от результатов осмотра человека либо укладывали на носилки и немедленно эвакуировали, либо укладывали в ряд с другими мертвецами.

От вони я едва не задохнулся; на глаза навернулись слезы. Глядя на поле боя, я совершенно отчетливо представил себе, как происходило сражение. Сначала войска Риухито наступали, потом наступление было остановлено, и врага начали медленно теснить назад, но защитники при этом несли огромные потери. Заостренные колья, торчащие из слизи, и груды опрокинутых мешков с песком отмечали позиции защитников лагеря. А между кольями и фортификациями, в самой гуще слизи, лежали четыре огромные мертвые туши.

Мне довелось однажды побывать на Плутонии, и поэтому я сразу узнал обитателей этого измерения. В тот раз они показались мне грозными и невероятно сильными, но сейчас неподвижные тела, лежащие на боку в лужах крови, смешанной с зеленой пеной, выглядели жалко.

Я не сомневался, что они внесли в нашу победу главную лепту. Составляя предварительную смету работ, мы решили, что нам понадобится как минимум полдюжины плутониан. Исходя из этой цифры, наши потери в худшем случае составляли 66 % убитыми, но, посмотрев на груды человеческих тел, я понял, что для таких хрупких созданий, как я, эта оценка явно занижена.

— У вас уже есть сведения о потерях?

Кроули коротко кивнул:

— Плутониане: ранеными — 100 %, убитыми — 66 %. Миранджейки: ранеными — 100 % потерь, но, к счастью, ранение незначительное. Вета отпра-

вилась в Плутонию выхаживать раненых плутониан. Она надеется, что они выживут. Люди: ранеными — 99,5 %, убитыми — 70 %. Остальным требуется медицинская помощь. Войска Совета внутренней безопасности отделались легче. Смертные случаи главным образом среди наших рабочих. — Человек-тень широко развел руками. — Я единственный, кто не пострадал.

— Уж тебе-то лучше других должно быть известно, как глупо испытывать чувство вины за то, что уцелел.

— Да, черт побери, мне это известно! — Кроули скрестил руки на груди. — Я знаю, что выжил благодаря тренированности и опыту. Но не только. Я выжил потому, что Йидам и Уилл Рэйвен разделались с теми, кто мог меня убить. Я обязан им жизнью, а они мертвы. И, учитывая все произошедшее, я не могу даже утешать себя мыслью, что их жертва была не напрасна.

Я нахмурился:

— Но мы ведь можем набрать еще людей, разве нет? Нельзя бросать дело на полпути.

— Если ты хочешь притащить сюда еще людей, на меня можешь не рассчитывать.

Я обернулся на голос и увидел ковыляющего к нам Хэла. Правая рука у него висела на перевязи, брюки и левый рукав были забрызганы пеной. Даже лоб пересекала грязно-зеленая полоса. Он посмотрел на Кроули и спросил:

— Ты еще не рассказал ему?

Человек-тень покачал головой:

— О чем ты мне не рассказал?

— Поскольку тебя в тот момент не было рядом, я решил сам отправиться к Пигмалиону и убить его. Я знаю, что убийства — твой профиль, но я, как тебе известно, тоже неплохо стреляю. Я попытался проникнуть в его измерение, но не смог. Я не совсем понял, в чем там дело, но, насколько я могу судить, он умудрился заковать свое измерение в броню.

Я кивнул:

— Мне дали понять, что Темные Властелины способны проделать такой фокус с измерениями, свойства которых родственны их аспекту.

Кроули смерил меня взглядом.

— Интересные сведения.

Он ждал, что я назову источник информации, но я медленно покачал головой.

— Тут что-то не так.

Хэл разразился неприязненным смехом.

— Что может быть не так у человека с таким потрясающим здравомыслием?

— Довольно, джентльмены! — Я перевел взгляд с Кроули на Хэла и обратно. — Насколько я могу судить по вашему поведению, вы оба почему-то считаете, что случившееся здесь — моя вина. Вы оба измучены, и лишь по этой причине я стараюсь не обращать внимания на ваши выпады.

Я на секунду умолк и вобрал в себя боль и смерть, наполняющие этот мир. Отчаяние, страх и отчетливо различимый гнев пропитали здешнюю атмосферу, как вода — губку. Я чувствовал

скорбь, исходящую от живых, и ужас умирающих. Я уловил горечь Хэла, уверенного, что все пошло прахом и надо было найти какой-то другой путь.

— Меня здесь не было, это правда. Но вы предполагаете, что, если бы я мог, я не отправился бы сюда вместе с вами? Вы думаете, я не оплакиваю этих людей? Да, я не знал их, я не с ними разговаривал, они не доверились мне, как доверились вам. Но что же вы думаете — я нарочно поцеловался с ручной гранатой, чтобы остаться в стороне от этой битвы?

— Прости, Койот, — с раскаянием в голосе сказал Хэл. — Я просто... Один из погибших не должен был бы здесь находиться. Я поддался на его уговоры.

Кроули кивнул:

— Уилл Рэйвен. Нам чертовски повезло, что он здесь оказался. Если б не он, нам никогда бы не захватить Риухито.

— Но он погиб, Кроули. — Хэл понуро опустил голову. — У него остался сын. О мальчике заботится дед Уилла.

— Хэл, ты принял правильное решение. Тебе, кстати, тоже не следовало бы здесь находиться. — Я глянул на Кроули. — Что ты имел в виду, говоря, что вы «захватили» Риухито?

— Уилл проломил ему череп, пока Йидам держал принца. А я... Мне надо было бы просто убить Риухито, но я не хотел его смерти и никак не мог найти другого решения. Уилл нашел, а потом погиб. Но перед смертью он лишил Пигмалиона воз-

возможности выследить меня, когда я переносил Риухито.

— Императорский внук жив? Где он?

Кроули замялся:

— В одном очень надежном месте. Это маленький мирок, о котором никто, кроме меня, не знает. Я думаю, принц не умрет, хотя у него скорее всего проломлен череп.

— Хорошо. Теперь Пигмалион остался без помощника. — Я сделал вид, что не придаю значения уклончивости Кроули. Он был прав, мне совершенно ни к чему знать название мира, куда он спрятал Риухито. У меня не было способностей к телепатии, поэтому извлечь эту информацию из его мозга я не мог. Впрочем, судя по тому, что мне никогда не удавалось уловить эмоций Кроули, даже одаренный телепат не сумел бы проникнуть в его мысли.

Скрыв от меня название измерения, Кроули здорово облегчил мне бремя ответственности и подстраховался на случай моего предательства. Я — творение Темного Властелина. Кроули было трудно доверять мне, и я его понимал. Ведь и я не рассказал ему о своем разговоре с Алмазной Императрицей, чтобы его не заставили выдать тайну. А ведь я доверял Кроули. Он мог позаботиться не только о себе, но и о судьбе всей Земли.

— Трудно было скрыться от Пигмалиона?

Кроули покачал головой.

— Насколько я могу судить, погони вообще не было.

— Хэл, ты видел здесь каких-нибудь созданий Пигмалиона? Кого-нибудь, похожего на Мики?

— Нет, никого. Судя по тому, как легко Мики справляется с Батом, вряд ли мы остались бы в живых, если бы Пигмалион послал войско отомстить за поражение Риухито.

Кроули зашагал дальше.

— Кажется, я понимаю, к чему ты клонишь, Койот. Вероятно, Пигмалион не сделал попытки вернуть Риухито, потому что меня было слишком трудно выследить. А без Риухито он бессилен перед Скрипичником, поэтому и запечатал свое измерение.

— Точно. Мы были так поглощены Риухито, что не подумали об очевидных вещах. Скрипичник утверждал, что Пигмалион хочет его уничтожить. С точки зрения Скрипичника, это не подлежит сомнению, но ведь его точка зрения не единственно возможная, не так ли?

Разговаривая, мы медленно брели на север, в глубь огражденной территории. Чем дальше мы углублялись, тем меньше свидетельств недавнего сражения попадалось нам на пути. Наконец, мы достигли места, где лагерь выглядел совершенно обычно, только людей не хватало. Если бы не вонь разлагающихся растений, можно было бы позабыть, что здесь произошло.

Хэл поскреб щетину на подбородке.

— Нам нужно все обдумать заново. Пигмалион был учеником Скрипичника, но он восстал и, восстав, достиг статуса Темного Властелина.

Я кивнул:

— Верно, и сейчас со Скрипичником они почти на равных. Главное отличие между ними заключается в том, что Пигмалион, у которого гораздо меньше могущества, может проникать в некоторые протоизмерения, куда Скрипичнику путь заказан. Одно из них — штаб-квартира Пигмалиона. Полагаю, и Земля тоже.

Кроули подтвердил мои догадки.

— С Землей дело вообще обстоит довольно не просто; некоторые Темные Властелины имеют туда ограниченный доступ и не слишком вмешиваются в жизнь человечества. Скрипичник, например, способен спроецировать на Землю значительное количество психической энергии, но не в состоянии переместиться туда физически из-за энтропического барьера вокруг Земли. Единственный шанс для него проникнуть на нашу планету — межпространственный туннель.

Я повернулся к Кроули:

— А что насчет туннеля, который использовал Пигмалион?

Он пожал плечами:

— Этот туннель расположен уже внутри барьера, — внезапно он замер. — Выходит, что Пигмалион попал в Галбро из какого-то протоизмерения, которое очень близко к Земле...

— Или вообще из другой точки Земли, — кивнул Хэл. — Пигмалион может попасть на Землю, когда пожелает. Ведь он там родился.

Мы миновали лагерь и вошли в тропический лес. Солнце стояло почти в зените, и голубые и фиолетовые блики создавали впечатление, что мы бредем по подводному царству.

— Если Земля такой лакомый кусочек, а Пигмалион свободно может там появляться, почему же он выбрал для своей мастерской другое пространство?

Кроули хрипло рассмеялся:

— Ты видел, что он сделал с Мики. Мальчик развился за очень короткий срок. Когда в ответвлении туннеля я наткнулся на других воинов Пигмалиона, созданных по образу Мики, они тоже были совершенно взрослыми. В этом измерении он может быстро вырастить целую армию, которая с легкостью завоюет ему другие миры.

Я перешагнул небесно-голубой ствол упавшего дерева.

— Сколько солдат нужно, чтобы захватить Землю?

Человек-тень пожал плечами:

— Миллиард?

Хэл прикрыл глаза.

— Но энтропический барьер не пропустит миллиард воинов, правильно?

— Если он попытается перебросить их всех сразу — да. — Я улыбнулся. — Но если у него есть межпространственный туннель, то барьер ему не помеха.

— Но появление большого количества таких воинов, как Мики, вряд ли пройдет незамеченным.

Значит, он должен сосредоточить их в какой-нибудь пустынной местности, по крайней мере до тех пор, пока его войско не станет достаточно большим, чтобы можно было не опасаться нападения. — Кроули задумчиво покивал. — Отсюда следует, что у него должна быть надежная база с очень хорошим снабжением.

— Точно. — Я подмигнул ему, зная, что мы с ним думаем об одном и том же.

Хэл покачал головой:

— Вы двое, очевидно, разобрались в правилах игры, но я чего-то недопонимаю.

— Хэл, все очень просто. — Мы проломились через кустарник и вышли на открытое место. Перед нами был холм — словно постамент для ветряков. Лопасты лениво вращались под легким ветром. Я показал Хэлу на них. — Вот тебе подсказка.

Хэл прищурился, потом неуверенно кивнул.

— Энергия?

— Правильно. Теперь битва за Риухито предстает в ином свете, верно?

— Риухито разыгрывает из себя бога Солнца, и его спектакля было достаточно, чтобы подкармливать энергией целую армию... — Хэл хлопнул себя по лбу. — Ну конечно! Скрипичнику нужен был Риухито, потому что принц мог обеспечить ему больше энергии, чем вся Застывшая Тень, а значит, можно было бы без труда привести в действие межпространственный туннель, который

Скрипичник встроил в магнитную подвеску в Фениксе.

Я хлопнул его по плечу:

— Все верно. Пигмалион понимал, что должен помешать Скрипичнику проникнуть на Землю. Для этого он уничтожил батарею, которую собирался использовать Скрипичник. Пигмалион мог бы просто взорвать магнитную подвеску, но, вероятно, решил, что когда-нибудь она может пригодиться ему самому для переброски войск. Он прибыл на Землю, похитил Риухито и бросил какую-то туманную угрозу насчет того, что еще вернется с принцем и поработит мир. Поэтому все мы решили, что его угроза связана с Риухито. Мы заиклились на принце и потратили массу времени и сил на разработку планов, которые позволили бы нам нейтрализовать или физически убрать Риухито. — Я криво усмехнулся. — Если Пигмалион хотя бы наполовину так умен, как мы себе представляем, он уже встроил в мозг Риухито какой-нибудь предохранитель, вроде того, что вживил в меня Скрипичник. И теперь принц, как и я, не может стать Темным Властелином против воли своего господина.

— Ладно, теперь Риухито у нас, так что его можно вынести за скобки. — Кроули потерябил кончик своей эспаньолки. — Это возвращает нас к прежнему уравнению, но с новым параметром. Мы знаем, что Пигмалион намеревается покорить Землю с помощью армии солдат, созданных по тому же образцу, что и Мики. Но нам неизвестно,

где находится его плацдарм. Если ему нужно любое пустынное место, куда он может перебросить войска, его можно искать до бесконечности.

— Не думаю, Деймон. Мне кажется, он допустил одну ошибку. — Я торжествующе улыбнулся. — Пигмалион украл Мики из Флагстаффа. Джитт Рэйвел нашли где-то в Аризоне.

— В Кингмене, по-моему, — уточнил Хэл. — Она никогда об этом ничего не рассказывала, но я помню, что Койот или Марит... Кто-то из них как-то раз упомянул это название.

Кроули склонил голову набок и прищурился.

— Так ты полагаешь, что он орудует где-то в северной Аризоне?

— Там, или на пустошах Калифорнии, или в пустыне Невады, или на севере Юты. Там полно свободного места.

Хэл опустил на колено и сорвал лазурную травинку.

— Проще отыскать иголку в стоге сена.

— Вовсе нет, — возразил я. — У нас есть Джитт, и она когда-то жила в ушке этой самой иголки. Ей надо просто внушить, что она *хочет* привести нас туда, откуда в свое время сбежала.

21

Мы с Кроули возвращались на Землю круглым путем — через измерения, соседствующие с Бирюзой. Кроули вкратце рассказал мне о путе-

шествии Йидама и Уилла и объяснил, почему они выбрали в качестве строительной площадки именно Бирюзу. Как обычно, я нашел его доводы совершенно логичными и согласился, что они сделали правильный выбор.

Кроули поднял бесплотную руку, предупреждая, что надо двигаться осторожно. Мы приблизились к измерению, в котором Пигмалион устроил свою мастерскую. Неподвижный серовато-багровый туман плотным занавесом окружал измерение. Я почувствовал под ногами что-то твердое, и в лицо мне повеял ветерок.

Мы начали протискиваться вперед, и ветер усилился. Потом туман неожиданно кончился, и мы оказались на краю ярко освещенной бездны. У меня было такое ощущение, будто я протиснулся через оболочку гигантского теннисного мяча, и теперь стою на его внутренней поверхности и смотрю на миниатюрное солнце, сверкающее в сердцевине.

Кроули плюнул на огненный шар, висящий перед нами. Плевок, не пролетев и метра, с громким шипением превратился в облачко пара.

— Да, ковравую дорожку нам здесь не постелили. — Я заслонил глаза от слепящего света, которым пылала сфера, окружающая протоизмерение. — Не слишком ли расточительное представление для того, кто нуждается в энергии?

Человек-тень пожал плечами:

— Горячий слой очень тонок, но и его вполне хватит, чтобы поджарить любого, кто попытается пробраться внутрь.

— Сфера кажется довольно маленькой.

— Внутри она крупнее, чем снаружи. По-моему, Пигмалион считает, что это утверждение справедливо и в отношении него самого. — Кроули упер руки в бока. — Похоже, мания величия свойственна всем Темным Властелинам без исключения.

— Пока это помогает им недооценивать нас, я не возражаю. — Я показал на сверкающий шар. — Чтобы пробить эту защиту, потребуется море энергии. Получается, что единственный способ проникнуть туда — это межпространственный туннель?

— Насколько я понимаю, да, — кивнул Кроули. — Пигмалиону приходится тратить немало сил, чтобы поддерживать эту защиту. И хотя мы не можем нанести ему удар, он тоже лишен свободы маневра, поскольку привязан к своему миру.

— Итак, мы знаем, где встретимся с ним, но поле боя выбирает он.

— Верно, и он знает этот мир, как свои пять пальцев, что дает ему чертовски сильное преимущество. Одно хорошо — Пигмалион, по всей видимости, в ближайшее время не начнет переправлять войска на Землю, потому что в момент пересылки он будет незащищен. Ведь ему понадобится огромное количество энергии, чтобы установить связь с другим измерением, если его собственное измерение одето в такую броню. Чтобы поддерживать защиту и одновременно переправ-

лять солдат, потребуется такое количество энергии, что даже он таким не располагает.

Я кивнул:

— Значит, ты полагаешь, что он снимет защиту на это время, и доступ в его измерение будет открыт?

— Да, но тебе не хуже меня известно, что сунуться сюда в это время было бы самоубийством.

— Потому что при нем будет войско, готовое к переправке и горящее нетерпением растерзать противника? — Я отвернулся от горячей сферы и отправился назад, в туман. — Придется нанести ему упреждающий удар до того, как он нападет на Землю. И сделать это мы должны здесь, в его измерении, потому что нам не обойтись без Скрипичника, а пускать его на Землю нельзя.

Кроули похлопал меня по спине.

— Вот и я так думаю. Давай махнем в Феникс и поглядим, не удастся ли нам найти такое место, где битва двух Темных Властелинов не вызовет у нас никаких возражений.

Мы прибыли в Феникс поздно вечером и материализовались в моих апартаментах на верхнем этаже цитадели «Лорики». Я попросил Кроули позвать Джитт, а сам пошел принять душ и переодеться. Из одежды я выбрал джинсы, рубашку цвета морской волны и мягкие кожаные туфли наподобие мокасинов. Я специально одевался неторопливо — мне нужно было хоть немного времени, чтобы собраться с мыслями.

Как ни странно, жесткость воротничка и манжет, царапающих кожу, помогла мне сосредоточиться. В рубашке я чувствовал себя неуютно, но она хотя бы напомнила мне, кто я такой и что собой представляю. Хитон, хотя и удобный, не был *моим*. Я не являлся греческим героем, вернувшимся из подземного царства. Я был прислугой Темного Властелина и имел все основания сомневаться, что кто-нибудь захочет сделать меня героем своей книжки.

Я отдавал себе отчет в том, что, создав меня, Скрипичник выковал действительно грозное оружие. Мой предшественник это понял, потому и сделал своим преемником. Безусловно, не последнюю роль в его выборе сыграла уверенность в том, что я способен убить своего бывшего хозяина. Вероятно, он не исключал возможности, что мне по силам дать отпор и другим Темным Властелинам. Если рассматривать как зацепку тот факт, что он заставил меня уничтожить базу Жнецов, такой вывод напрашивается сам собой. Он хотел спровоцировать конфликт между мной и Алмазной Императрицей и надеялся, что я ее одолею.

Но все сложилось не так, как он себе представлял. Пигмалион затмил Скрипичника в качестве претендента на роль главной угрозы человечеству. Чтобы ликвидировать эту угрозу, необходимо было заключить союз с моим бывшим господином. Я полагал, что Койот одобрил бы этот союз и даже мою сделку с Императрицей.

Но я не знал, как бы он отнесся к моему намерению втянуть Джитт в эту операцию. За все время, что я был знаком с Джитт — довольно недолгое время, надо признаться, — она была живым автоматом, роскошной куклой. Она делала все, чтобы скрыть свою красоту, одежду носила невзрачную, держалась скованно, действовала только по чужим указаниям, но все равно утаить свои выдающиеся качества и способности у нее не получалось.

Мне вдруг подумалось, что я лишь однажды видел, как она проявила какие-то эмоции — после того, как я разговаривал с призраком моего предшественника. *Уж не были ли Джитт и Койот любовниками?* — мелькнула у меня дикая мысль. Впрочем, между ними могла быть связь и иного рода. Естественно, Джитт должна была испытывать благодарность к Койоту, который помог ей спастись от Пигмалиона. Мне было известно, что с ней — единственной из всей группы — он поделился своими планами относительно моей особы. А значит, он должен был сказать ей причину, почему ему это понадобилось.

Но, даже допустив вероятность существования каких-то уз между ними, я все равно не мог ответить на вопрос: как бы Койот отнесся к моей идее заставить Джитт вывести нас на логово Пигмалиона, из которого ей удалось бежать? Она будет сопротивляться — она просто не может не сопротивляться, если хочет сохранить хоть какое-то душевное равновесие. Джитт построила свою новую

жизнь на фундаменте амнезии, а я собирался заставить ее разрушить этот фундамент. Я намеревался пожертвовать благом одного человека ради благополучия многих, но при этом не испытывал уверенности, что мой план сработает, и жертва не будет напрасной.

Еще мне пришло в голову, что, поступая так, я становлюсь ничем не лучше Темного Властелина, распоряжающегося чужими жизнями. Единственная разница между мной и теми, с кем я боролся, состояла в том, что я собирался убедить Джитт: я попытаюсь склонить ее к добровольному сотрудничеству, я должен попытаться, иначе все теряет смысл.

Я вышел из гардеробной и направился по коридору к большой гостиной. Белые чехлы на диване и креслах гармонировали с белым ковровым покрытием под мрамор. Журнальный столик из тикового дерева прижимал к полу небольшой коврик перед кушеткой. Северная стена гостиной представляла собой огромное окно, откуда открывался вид на Скво-Пик и Верблюжий Горб. Обе горы вздымались над черным океаном Застывшей Тени, словно далекие острова. Белые шторы были раздвинуты, позволяя всласть полюбоваться величественным видом.

В дальнем конце комнаты было устроено нечто вроде пресс-центра, но сейчас экраны мониторов были темны. У маленького бара стоял Синклер Мак-Нил и смешивал два коктейля. Он едва обратил на меня внимание, потому что был цели-

ком поглощен Раджани, дочерью Йидама. Выражение ее лица яснее всяких слов сказало мне, что ей сообщили о смерти отца, и она в глубоком горе. Я ощутил это горе, которое усугублялось мыслью о том, что им с отцом так и не удалось по-настоящему сблизиться.

Мак-Нил принес Раджани бокал, сел рядом на диван и обнял ее за плечи. Раджани приникла к нему. За ними, у окна, стоял Кроули и смотрел на горы. Рядом с ним я увидел Джитт. Когда я вошел в комнату, она повернулась ко мне:

— Рада видеть тебя, Койот.

Я замер при виде улыбки, мелькнувшей на ее лице. В первое мгновение я явственно ощутил облегчение, которое тут же сменилось внутренним оцепенением, словно у ребенка, застигнутого у буфета с банкой варенья. Но через мгновение ее оцепенение прошло. Джитт пересекла комнату, подошла к мягкому креслу и села. Ее движения были плавными и естественными, в них не чувствовалось никакой скованности, и я вдруг задал себе вопрос: не контролирует ли ее, как и Нэтч, Алмазная Императрица? Но оливковый комбинезон Джитт — хотя он и не выглядел таким невзрачным, как те вещи, что я привык на ней видеть, — неподходящий наряд для бриллиантовых украшений, поэтому я оставил мысль о вмешательстве посторонних сил.

Я склонил голову, отвечая на приветствие Джитт:

— Я тоже рад, что вернулся. Раджани, мне трудно выразить, как я горюю о твоём отце.

Раджани кивнула:

— Он всегда преклонялся перед героями, жертвующими собой во имя других. Я знаю, что если рассказанное мистером Кроули, — правда, то отец умер.

— Конечно, это правда, Раджани. — Синклер крепче прижал ее к себе.

— Да, это правда, — эхом повторил я. — Джитт, Деймон сказал тебе, о чем я хотел с тобой поговорить?

Белокурая красавица кивнула и скрестила свои длинные ноги.

— Он сказал, что я располагаю какими-то важными сведениями. И предупредил, что разговор может оказаться неприятным.

— Так оно, вероятно, и будет. Боюсь, мои вопросы причинят тебе боль. Но я хочу, чтобы ты знала — я отношусь к тебе с уважением и никогда не стал бы просить об этом, если бы имелся другой выход.

Синклер нахмурился:

— Но, может быть, другой выход есть, Койот. Джитт стала настоящей душой операции. Пока тебя не было, она взяла на себя руководство и доказала, что умеет находить неожиданные и верные решения. Может быть, она сумеет что-то придумать, чтобы избавить себя от допроса третьей степени. Скажи, в чем проблема, а там видно будет.

Я кивнул:

— Достаточно честная постановка вопроса. Джитт, нам необходимо знать, где находится место, в котором держал тебя Пигмалион до побега. Тебе придется привести нас туда.

Она вскинула голову, и лицо ее вновь превратилось в бесчувственную маску, которую я привык видеть. В мое отсутствие она вылезла из своей раковины, взвалив на себя ответственность за операцию. Будучи нашим координатором, она привыкла заниматься организаторской деятельностью и была правой рукой Синклера, когда я вернулся в Феникс в начале лета. Теперь, столкнувшись с перспективой возвращения в тюрьму, где у нее отняли саму себя, Джитт, словно устрица, опять закрыла створки своей раковины.

Она медленно сложила руки на груди и, казалось, вжалась в кресло.

— У меня не сохранилось никаких воспоминаний о том, что было со мной до того, как меня нашел Койот.

Она еще не кончила говорить, а я уже знал, что она лжет.

— Тогда начни с того момента, Джитт, когда Койот тебя спас, и двигайся назад во времени, секунда за секундой.

Кроули отвернулся от окна и погладил эспаньолку.

— Я могу помочь, если хотите.

Джитт яростно затрясла головой.

— Нет, — твердо заявила она. — Я не хочу, чтобы кто-то вторгался в мое сознание. — Эта

мысль привела ее в ужас, и на меня волной обрушилась исходящая от нее враждебность. Раджани вздрогнула и жалобно ойкнула. Джитт сразу взяла себя в руки. — Прости, Раджани.

Я подошел к Джитт и сел перед ней на корточки.

— Никто не собирается вторгаться в твое сознание, Джитт. Мы знаем, вернее, подозреваем, что у Пигмалиона есть база на Земле, где-то в этом районе. Все указывает на это. Тебя нашли неподалеку отсюда — раз, он устроил в Фениксе свалку для жертв своих неудачных экспериментов — два, он забрал Мики из Флагстаффа — три.

— Почему бы вам не расспросить Мики? — В ее вопросе чувствовалась отчаянная попытка отвлечь от себя внимание, но я воспринял его, как признак того, что ее броня дала трещину.

— Это невозможно, потому что мы не знаем, был ли он когда-нибудь на этой базе.

Кроули мрачно кивнул:

— Кроме того, Мики — всего лишь ребенок. Его представления о географии и расстояниях так исказят информацию, что из нее невозможно будет извлечь что-то полезное.

— А что, если меня похитили, когда мне было столько же лет, сколько сейчас Мики?

— Это не имеет значения. Вы сбежали уже в сознательном возрасте. — Кроули устроился на подлокотнике дивана рядом с Синклером. — Ваши воспоминания очень ценны для нас. Вам нечего бояться.

— Нет есть чего. — Раджани поставила свой бокал на журнальный столик. — У Джитт есть все основания бояться.

Я посмотрел на Раджани и нахмурился:

— Темный Властелин вот-вот захватит планету. Что может быть страшнее угрозы, которая нависла над всеми нами?

— Узнать, кто ты на самом деле. — Дочь Йи-дама покачала головой. — Судя по тому, что мне рассказывали, Койот, ты должен был бы понимать это лучше, чем кто-либо другой. Вообрази, что ты очнулся однажды, не имея представления, кто ты такой. Ты ничего не знаешь о себе, кроме того, что, придя в себя, ты вырвался из кошмара. Ты не узнаешь лица в зеркале, тела, которое моешь под душем, голоса, который слышишь, когда говоришь. Ты заключен в тюрьму, созданную кем-то другим. А хуже всего то, что другие постоянно дают тебе понять, что охотно поменялись бы с тобой местами.

— Я это понимаю, Раджани. Я тоже очнулся после кошмара, не имея ни малейшего понятия, кто я такой. Мне пришлось узнать о себе очень неприятные вещи, но я научился жить с ними. Я не бежал от своего прошлого.

Тихий шепот Джитт мгновенно заставил меня умолкнуть.

— Потому что ты с самого начала знал о ценности своих навыков и способностей. У меня нет такого утешения. Ты построен на прочном фундаменте. У меня нет такого фундамента.

— Откуда ты знаешь, если даже не пыталась выяснить это?

— Я пыталась. — Она вцепилась в подлокотники кресла. — С самого начала я знала о себе вещи, которые пугали меня. Койоту пришлось кормить меня и одевать, потому что я ничего не умела делать сама. Я была совершенно беспомощной. Койот говорил, что я просто не привыкла к своему новому телу, но я понимала: он лжет, чтобы я не пугалась и не расстраивалась. Я ничего не умела, потому что была ничем.

Синклер вскинул брови:

— Я видел, как ты работаешь на компьютере, и не знаю никого, кто мог бы сравниться с тобой. А я знаком с лучшими специалистами. Твое мастерство не просто талант. Ты прошла прекрасную подготовку и у тебя большой опыт. Ты не могла быть ничем.

— Да? — с вызовом спросила Джитт, повернув к нему голову. — Поначалу я цеплялась за свои компьютерные таланты в тщетной надежде, что они помогут мне разгадать свою настоящую личность. Я предположила, что девушка, обладающая таким мастерством, была ценным специалистом, и, следовательно, ее исчезновение не могло остаться незамеченным. Воспользовавшись своими навыками, я прочесала все архивы — все. И ничего не нашла. Никто из компьютерных гениев бесследно не исчезал. Некоторые пропадали, но потом всегда публиковалось объяснение.

Кроули прищурил глаза:

— У вас было маловато параметров для поиска.

— Это верно. Я начала с другого конца и попыталась определить, как долго нужно проработать с компьютерами, чтобы достичь моего уровня мастерства. Даже если предположить, что у меня врожденный талант, по моим прикидкам, я провела за компьютером не меньше двадцати лет. Изменения, которые внес в меня Пигмалион, не позволяют точно определить мой возраст, но я исходила из того, что мне около тридцати, плюс минус пять лет. Это означает...

Я кивнул. Это означало многое, но прежде всего то, что она была знакома с компьютерами с раннего возраста. Хотя большинство детей начинают работать с компьютерным оборудованием еще в школе, те, кто получает сильную подготовку, как правило, дети богатых родителей. Но и таких единицы, потому что детям из богатых семей доступны многие развлечения и занятия, и они редко посвящают все свое время одному-единственному увлечению.

Нарушил молчание Кроули:

— Это означает, что вы были чип-чайлдом*. Возможно.

Джитт с обреченным видом кивнула:

— Это означает, что я появилась на свет с врожденным дефектом, вызванным либо генетической болезнью, либо лекарственными препаратами, которые принимали мои родители, не задумываясь о возможных побочных эффектах. Это означает, что у моих родителей были достаточно высокие

* ребенком-микросхемой.

нравственные принципы, не позволившие им пойти на аборт, и достаточно большие деньги, поскольку они могли позволить себе сделать меня мешочницей.

Выражение «мешочница» резануло мне слух. Официально в ходу был другой термин — СЭР, то есть «специально экипированный ребенок», ребенок, снабженный целым комплексом управляемых компьютером приспособлений, которые позволяли маленькому инвалиду обрести самостоятельность. Ребенок мог посылать компьютеру команды движениями век или при помощи простейшей клавиатуры, и машины выполняли за него действия, которые он не мог выполнить сам. Пренебрежительное прозвище «мешочник» родилось благодаря тому, что детей с тяжелыми физическими недостатками подвешивали внутри управляемого компьютером аппарата в нейлоновом мешке, похожем на гамак.

— Ты не знаешь этого наверняка. — Я покачал головой. — Возможно, твои предположения неверны.

— Но их многое подтверждает, Койот. — Джитт посмотрела на меня затравленным взглядом. — Мики — ребенок с врожденными дефектами. Пигмалион превратил его в красавца. Разрозненные сведения о других похищенных детях с физическими недостатками позволяют предположить некий *modus operandi**. Он переделал себя, а теперь, похоже, занялся переделкой других.

* образ действий (лат.).

Кроули деликатным покашливанием привлек к себе внимание.

— Но ваши догадки о своем происхождении не нашли документального подтверждения? Вам ведь не удалось обнаружить сведений о пропавшем чип-чайлде подходящего возраста?

— Не удалось.

Раджани поежилась:

— И это заставляет тебя думать, будто ты была для семьи лишь обузой — обузой, от которой они с радостью избавились, когда тебя похитили?

Джитт молча кивнула.

— Ты делаешь большую ошибку, Джитт, — сказал я ласково. — Отсутствие доказательств ничего не доказывает. Да, возможно, ты родилась в какой-нибудь богатой семье здесь, в Фениксе или во Флагстаффе. Возможно, родители сделали тебя чип-чайлдом, а когда ты исчезла, не стали поднимать шума. Но недостаток доказательств свидетельствует о том, что ты скорее всего не права. Несуществующий чип-чайлд скорее не оставит свидетельств своего существования, нежели ребенок, брошенный бессердечными родителями на произвол судьбы.

— Но если я вернусь туда, если попытаюсь вспомнить, то могу получить подтверждение самым страшным своим подозрениям.

— Что это изменит? — Я встал и прошелся по комнате. — Пять месяцев назад я был убийцей и служил Скрипичнику. Убивать людей по приказу было моей работой, моим призванием. Когда

Койот отнял у меня память, я стал тем, кого ты видишь. Вот тебе и ответ. — Я повернулся и ткнул пальцем в Джитт. — Кем ты была, не имеет никакого значения. Важно, кем ты стала. Не важно, искали тебя или нет, когда тебя похитил Пигмалион. Ты нужна нам. Мы ценим не только твои знания и твое мастерство — мы ценим личность, которой ты стала, которую ты из себя сделала. Ты — человек с ярко выраженной индивидуальностью, и что бы ты о себе ни узнала, для нас это ничего не изменит.

Джитт лукаво усмехнулась и, заметив мое недоумение, объяснила:

— Я видела, как движутся твои губы, но слышала слова другого Койота. Ты прав, я не должна бежать от прошлого. Я попытаюсь вспомнить то, что тебе нужно. — Она переменила позу и убрала прядь волос за ухо. — Раджани, не согласишься ли ты мне помочь?

Инопланетянка кивнула:

— Я ценю твое доверие. Можешь располагать мной, как тебе угодно.

Джитт подалась вперед, потом встала.

— Наверное, будет лучше, если мы будем работать в моей комнате. Там мне удобнее. У меня есть доступ ко всем базам данных, которые мне понадобятся, чтобы сопоставить свои воспоминания с объектами реального мира.

Я кивнул.

— Если тебе что-то понадобится, дай мне знать.

Она сунула руку в карман комбинезона, достала сложенный листок бумаги и вручила его мне.

— Может быть, тебе удастся разобраться с этим, пока мы будем искать логово Пигмалиона на Земле.

— Что это?

— Список. Список файлов, не связанных с нашей работой. Но к ним запрашивала доступ Вета по нашей сети. — Джитт улыбнулась мне вымученной улыбкой, и они с Раджани направились к выходу.

Когда дверь за ними закрылась, я развернул листок. Список файлов был распечатан в два столбца, словно список гостей, приглашенных на прием:

Иуда Искарriot

Брут

Джо Валахи

Юлий и Этель Розенберг

Тихо Кейн

Бенедикт Арнольд

Адольф Гитлер

Ким Филби

Аарон Берр

Александр Хейг

Я снова сложил листок и сунул его в карман. Синклер бросил на меня озадаченный взгляд.

— Что это?

— Как сказала Джитт, это список. Его можно озаглавить «Предатели среди нас». Одно из имен в списке — мое. — Я сложил руки на груди. — Не нравится мне это.

— Что бы это значило? — спросил Син.

— Это значит, что мне придется потолковать с Ветой. — Я почувствовал, как мир сжимается во-

круг меня. — Это значит, что мне надо выяснить, собирает ли она сведения, чтобы раскусить меня, или пытается послать мне сообщение.

22

Вета появилась в цитадели «Лорики» через четыре с небольшим часа после того, как Джитт отдала мне список. Кроули и Синклер ушли к себе поспать, а я использовал оставшееся время для того, чтобы лучше подготовиться к разговору с Ветой. Я вызвал все перечисленные файлы на свой компьютер и, внимательно изучив их, убедился в правильности своей догадки, которая возникла у меня, едва я пробежал глазами список имен. Все лица, перечисленные в нем, предали либо своего господина, учителя, либо союзника.

Я ничуть не удивился, обнаружив в списке свое имя, поскольку Джитт предупредила, что его составила Вета. Я знал, что Скрипичник считает меня предателем. С другой стороны, я никогда не улавливал особенно сильной неприязни или злобы со стороны Веты. На самом деле до сих пор она вообще ничем ни разу не выразила своего плохого отношения ко мне, если не считать этого перечня с моим именем.

Я отправил Вете через компьютерную сеть послание, в котором выразил желание поговорить с ней. Через пятнадцать минут она прибыла на

отдельном лифте, связывающим мои апартаменты с номером «люкс», который «Лорика» держала для высокопоставленных гостей — представителей других компаний. Сначала мне показалось, что Вета ничуть не изменилась с нашей последней встречи, но потом я заметил складку на хитине одного сегмента передней конечности. Кроули сказал, что Вета была ранена, и я решил, что это шрам.

Больше всего меня удивило, что Вета принесла с собой скрэббл*. Она положила доску на журнальный столик в гостиной и склонила голову, приветствуя меня.

— Рада видеть тебя в добром здравии, Койот. Твое выздоровление доставило удовольствие нашему господину.

— Твоему господину.

Ничего не ответив, Вета расположилась на полу и жестом пригласила меня занять место напротив, на диване, словно она была здесь хозяйкой. Я сел и выжидательно посмотрел на нее. Не обращая на меня внимания, Вета открыла коробку, разложила доску на столе и аккуратно перевернула все фишки с буквами лицевой стороной вверх, после чего поднесла пальцевидный отросток к жвалам, словно призывая меня к молчанию. Потом она выбрала из коробки несколько букв и выложила их на доску.

* Игра в слова, похожая на наш «Эрудит».

Фраза, которую она составила, выглядела так:

СКРП НЕ ВЫНОСИТ ИГР

Я опустил веки, показывая, что понял ее.

— Твой ход, Койот. — Вета смотрела на меня, и все ее восемь глаз были полны мрачного ожидания. — Ты видел руины лагеря?

Я кивнул:

— Да. Выживут ли те два плутонианина, которых ты отвезла домой?

— Выживут. — Вета быстро двигала передними конечностями, переставляя буквы и добавляя новые к тем, что уже лежали на доске.

СК МОЖЕТ ПЕРЕХВАТИТЬ НАШ РАЗГОВОР НО ИГРУ НЕ УДОСТОИТ ВНИМАНИЕМ

— Шансы спасти что-нибудь ничтожны, — сказал я, выкладывая свою фразу:

ТЫ МОЖЕШЬ ПРОИЗНОСИТЬ СЛОВА ПО БУКВАМ ОН НЕ ПОЙМЕТ

— Согласна. — ПЕРЕВОДЧИК У СК НЕ ВАЖНО С ЯЗЫКОМ. — Ты проигрываешь пятьдесят очков.

— Игра еще не кончена. Пигмалион заключил свое протоизмерение в защитную оболочку, но мы сейчас продумываем один способ, который

поможет нам вскрыть эту скорлупу. — Я быстро выложил новую фразу:

ИМЕНА ФАЙЛОВ ПОСЛ ДЛЯ МЕНЯ
СК ПРЕДАТЕЛИ

Знаю имена скрипичников

— Ты заработала еще двадцать очков. Здорово придумано насчет испанского.

Я ПРЕДАТЕЛЬ ВОПР З

— А ты — тридцать семь.

СК НЕ СПУСКАЕТ ГЛАЗ НЕ ВЕРИТ
Я ЗНАЮ ОН МНЕ НЕ ДОВЕРЯЕТ

Я выуживал буквы из кучки на столе и чувствовал, как во мне растет возбуждение. Хотя я никогда не воображал, что раса миранджеек согласилась на синтез добровольно, неприязнь Веты к Скрипичнику меня удивила. Мне казалось, что он не сделал бы ее своим эмиссаром, если бы предполагал хоть малейшую возможность предательства. Но опять-таки, напомнил я себе, невероятное высокомерие Скрипичника подводило его уже дважды.

НЕ ВЕРЬ СК

Дождавшись моего кивка, Вета смела последнее слово и заменила его другим.

НЕ ВЕРЬ МНЕ

Я убрал часть ее букв, добавил другие и улыбнулся.

Я ВЕРЮ ТЕБЕ

НЕТ НЕ ВЕРЬ СК И МНЕ

Вета подняла на меня глаза, и я прочел в них горячую мольбу.

ОБЕЩАЙ

ЛАДНО ПОЧЕМУ ТЫ ГОВОРИШЬ

БЫТЬ СОБОЙ ХОРОШО НЕ ХОЧУ ЧТОБЫ ТЫ
ЧАСТЬ СК

Я помедлил.

— По-моему, партия окончена. Как определяем победителя? Две победы из трех?

— Да.

Хотя я лишь недавно обрел свою нынешнюю личность, перспектива слиться с другими созданиями нисколько меня не привлекала. Стать частью Скрипичника — такой участи я не пожелал бы никому. Уж лучше покончить с собой.

Вета сделала первый ход.

СК ПРЕДАСТ ТЕБЯ

— Ого! Тебе очки за двойное слово.

КАК
Я ТОЖЕ ДАННЫХ НЕТ

Я покачал головой.

ТЫ НЕ ПРЕДАШЬ МЕНЯ

Бета молниеносно выбросила лапу, сжала мне горло и тут же отпустила. Пока я откашливался, Бета набрала новое послание.

Я НЕ ХОЧУ МАРИОНЕТКА СК НЕ ВЕРЬ МНЕ

— Тут много очков. — Я потер шею и кашлянул.

ПОНЯЛ

ХОРОШО ТЫ НЕ ДОЛЖЕН СТАТЬ КАК Я

Бета покачала головой:

— Надеюсь, новый план сработает. Нельзя допустить, чтобы Пигмалион победил.

— Согласен. — Я быстро выложил буквы в ряд.

ПИГ ПЕРВЫЙ СК ЗА НИМ

— О, ты выиграл! — Бета кивнула мне. — Я устала. Сыграем решающую партию в следующий раз, хорошо?

— С превеликим удовольствием.

ГРАЦИИАС ТЫ НЕ БУДЬ КАК Я ПОЖЕЛАЙ УДАЧИ

С воспоминаниями Джитт нам здорово повезло. У нее оказалась превосходная память на детали. Помогло и удачное стечение обстоятельств: она совершила побег в тот год, когда в Аризоне выпало невероятно большое количество осадков. Такого буйства цветов и растений, которое наблюдалось в том году, не увидишь в пустыне десятилетиями.

С помощью Раджани Джитт удалось определить виды растений, а потом сопоставить свои воспоминания с учебником по ботанике. Благодаря невиданной влажности в том году было сделано уникальное количество фотографий и видеозаписей. Джитт просмотрела их все, начиная с архивных роликов телевизионной станции в Кингмене и кончая компьютерными компакт-дисками университета Северной Аризоны, записанными студентами-ботаниками. В результате ей удалось точно установить районы, через которые проходил ее путь.

Джитт пошла дальше и сузила круг поисков до нескольких наиболее вероятных мест, где ее могли держать в заточении. В конце концов она с робкой улыбкой выложила передо мной поэтажный план какого-то здания, заметив:

— Я уверена, что место определила правильно. Когда я его увидела, мне отчаянно захотелось закричать, что это не то.

Мы — Синклер, Раджани, Джитт, Кроули и я — собрались в комнате для совещаний. Я склонился над чертежом, изображающим поместье Пуллиама. Его построили после выборов 1996 года для бывшего вице-президента, пожелавшего обрести уединенное пристанище после унижительного поражения на президентских выборах. Он прожил там два года затворником, а потом переехал во Францию и продал поместье холдинговой компании «Прекрасная Леди».

— Эксперт-консультант, который последним осматривал это поместье, сопровождал план своими заметками о поместье. Он упоминает, что система безопасности там достаточно надежна, чтобы обеспечить защиту бывшему вице-президенту. — Джитт пробежала глазами записи. — Последние счета за коммунальные услуги показывают, что расход электроэнергии значительно снизился с тех пор, как первый владелец покинул поместье. Возможно, там установлен независимый источник питания, или часть систем просто отключена.

Кроули несколько секунд разглядывал план, потом кивнул.

— Похоже, это оно. Поместье достаточно большое, изолированное. Теплицы можно с легкостью переоборудовать в лабораторию. Участок находится на небольшом плато, значит, все вокруг отлично просматривается, и охранять поместье неслож-

но. Места на небольшую армию для нанесения ограниченного удара там хватит. Оттуда недалеко и до Флагстаффа, и до Лас-Вегаса, так что первый удар Пигмалион, вероятно, собирается нанести по одному из этих городов.

Я глянул на часы.

— Сейчао девять утра. Хэл, Бат и остальные раненные должны вернуться сегодня во второй половине дня. Нам понадобится три с половиной часа на дорогу туда и обратно. — Я посмотрел на Кроули. — Как насчет небольшой рекогносцировки?

Кроули кивнул:

— Туда и сразу обратно. Если там устроен плацдарм, мы с первого взгляда это поймем. Если нет, возможно, нам удастся отыскать какую-нибудь зацепку.

Джитт бросила на меня многозначительный взгляд.

— Если мы отправимся туда в пять вечера, то будет уже темно.

— Мы? — Я внимательно посмотрел на нее, пытаюсь разобраться в ее чувствах, но лицо Джитт снова превратилось в непроницаемую маску. — Я не предполагал, что ты захочешь туда вернуться. Мы с Кроули управились бы вдвоем.

— Я знаю, но разумнее будет, если я пойду с вами. Ведь я сразу смогу сказать, то ли это место.

— Но не исключено, что это путешествие окажется для вас пагубным, мисс Рейвел. — Кроули покачал головой. — Не лучше ли вам оставить все как есть?

Майкл Стивенс

Джитт храбро встретила его вопрошающий взгляд.

— Нет, и по двум причинам. Во-первых, мне действительно необходимо посмотреть своему прошлому в лицо. Если я не отважусь на это, то так и останусь оранжерейным цветком. Пусть я не хочу ничего знать о себе, пусть боюсь неприятных открытий, но пока мне не известно, кто я такая, я не смогу жить нормальной жизнью.

Я кивнул:

— А вторая причина? Ты, часом, не задумала ли взорвать этот гадюшник, к чертовой матери?

— Нет. Просто мне пришла в голову одна мысль, которая ускользнула от вас, джентльмены. — Джитт уперла кулачки в бока, и я сразу понял, что без нее мы из Феникса не уедем. — Если я сбежала оттуда, то очень даже может быть, что там томятся другие жертвы этого мерзавца. Пусть мне не известно, кем я была, но я твердо знаю: та женщина, которой я стала, не может бросить этих несчастных на произвол судьбы. А поскольку я прошла через то душевное состояние, в котором они, вероятно, пребывают сейчас, я понадоблюсь вам, чтобы вытащить их оттуда.

23

Я взглянул на строения поместья Пуллиама в старлайтовскую подзорную трубу, которую протянул мне Кроули. Оптическое стекло окраши-

вало четкие контуры зданий зеленоватой каемкой, отчего консервативный стиль архитектуры еще больше бросался в глаза. Центральное здание, двухэтажный дом в стиле «ранчо» с внушительной пристройкой с северной стороны, заслоняло теплицы, которые мы видели на плане поместья. Среди надворных построек были крытый бассейн, гостевой домик и отделенный от дома гараж, достаточно большой, чтобы там могли уместиться по меньшей мере три машины. Над гаражом был надстроен второй этаж с квартирой для шофера. Между гаражом и домом стояли в ряд собачьи вольеры.

— Я ничего не вижу. Ни огонька, ни движения — ничего.

— Я тоже. — Кроули взял у меня подозрную трубу и протянул ее Джитт, но Джитт покачала головой. — Полагаю, мы можем начать.

Мы молча поднялись. Невысокий холм скрывал наш «лендровер» от наблюдателей из поместья — если таковые там имелись. Путь нам освещал только узкий серп луны, поэтому приходилось двигаться осторожно, чтобы не оступиться и не привлечь шумом внимание людей в поместье. Мы очень надеялись, что все пройдет гладко, и нам удастся проникнуть внутрь и выбраться обратно незамеченными.

Несмотря на наши намерения произвести рекогносцировку по возможности тихо и бескровно, мы были вооружены до зубов. Я взял с собой два

кольта — по одному на каждом бедре — и «вилди-вульф» в кобуре под мышкой. Это оружие служило мне верой и правдой с тех самых пор, как я вступил в отряд Койота, а после инцидента с «арийцами» я чувствовал себя без него почти что голым. Кроме того, я нес в руках автомат МР-7 с глушителем — на случай, если понадобится в спешке полить кого-нибудь очередью.

Черный армейский комбинезон помогал мне слиться с темнотой. В его тугие карманы я напихал обоймы для автоматических пистолетов, а в плоские патронные сумки, прилаженные на животе, — магазины к МР-7. На ремне у меня за спиной висела солдатская фляга. Под комбинезон я надел стандартный жилет из кевлара с утолщенной противоударной прокладкой посередине. Это приспособление тоже не гарантировало мне неуязвимости, но все же слегка расширяло границу между мгновенной смертью и серьезным ранением.

Джитт надела такой же комбинезон и убрала длинные светлые волосы под черную кепку. Она отказалась взять пистолеты и предпочла им карабин. Хотя он стрелял теми же винтовочными патронами, что и его старшая сестра М16-А2, складной приклад и укороченный ствол делали его идеальным оружием для ближнего боя. Джитт взяла с собой достаточно запасных обойм, чтобы довести до конца небольшую войну, и я надеялся, что она не втянет нас в заварушку, для которой не хватит нашего арсенала.

Кроули предпочел армейскому комбинезону толстый черный свитер и черные джинсы. Из оружия он взял только свой любимый «Мак-10» с запасными обоймами. В футляре на правом бедре у него висела серебряная дубинка не вполне понятного назначения; на мой вопрос он ответил только, что это его старый добрый друг, и не стал вдаваться в подробности.

Кроули повел нас вниз по склону холма и дальше через полосу кактусов и каменных глыб, которая отделяла нас от поместья. Джитт шла за ним, я замыкал шествие. От Джитт исходили волны тревоги и беспокойства. В машине, пока мы добирались до места, она вела себя очень тихо и покорно выслушивала бесчисленные наставления, которые мы с Кроули давали ей по мере того, как припоминали всевозможные критические ситуации из своей практики. Когда мы свернули с Девяносто третьего шоссе на север, Джитт занервничала, и ни у кого из нас не осталось сомнений в правильности выбора объекта для ночной вылазки.

На полпути к цели мы остановились в тени неглубокого оврага и сделали по глотку воды. Кроули жестами призвал нас соблюдать молчание и осторожность. Я легонько сжал плечо Джитт, чтобы немного ободрить ее и успокоить. Она улыбнулась в ответ, но дрожащая нижняя губа выдавала ее волнение. Кроули растворился в темноте, и мы последовали за ним.

Попасть на вершину невысокой плоской горы можно было единственным способом — по на-

сыпной дороге, льнувшей к склону горы, словно плющ. Хотя дорога шла по краю обрыва, ее не ограждали ни бордюры, ни посаженные вдоль обочин деревья, которые могли бы предупредить автомобильную аварию. Зато по обеим сторонам в изобилии попадались каменные глыбы, за которыми мы могли укрыться в случае, если из поместья или в поместье поедет машина. Благодаря ночной тишине и полной темноте, которая бывает только вдали от цивилизации, никому не удалось бы застигнуть нас врасплох.

Пройдя половину пути, мы обнаружили первое приспособление, обеспечивающее пассивную защиту от неожиданных вторжений в поместье. Посередине дороги торчали толстые бетонные плиты, установленные таким образом, что водитель вынужден был свернуть в сторону, чтобы обогнуть препятствие. Если бы кто-нибудь попытался прорваться в поместье с разгону, ему пришлось бы либо сбросить скорость, либо в буквальном смысле слова слететь с дороги и рухнуть к подножию горы. На небольшой скорости барьеры можно было объехать, но машина оказалась бы под прицельным огнем охранников, которые, по всей видимости, несли дежурство дальше, наверху.

Кроули опустился на колени в тени первого барьера и достал из сумки на левом боку небольшой баллончик. Нажав кнопку пульверизатора, он распылил перед собой немного жидкости из баллончика. Невидимое облачко поплыло в тем-

ноту, потом вдруг на миг превратилось в ослепительное багрово-синее пятно.

Кроули раньше уже объяснял мне, что химическое вещество в баллончике флюоресцирует в ультрафиолетовом излучении. Осторожно распылив его в воздух, можно было определить, где пересекают дорогу лучи специальных ультрафиолетовых лазеров, связанных с сигнализационным устройством. Кроули засек несколько лазеров, которые могли осложнить нам путь, но остановить нас они были не в состоянии.

Осторожно миновав их, мы преодолели последний участок дороги и подошли к воротам. Здесь путь незванным гостям преграждали цепь и висячий замок. Кроули показал мне на провода, подведенные к изгороди, достал щуп с двумя зубцами и маленьким индикатором и сунул зубцы между двумя прутьями изгороди. Он дважды повторил эту операцию, явно озадаченный результатом. В последний раз он коснулся зубцами уже самого провода.

Пожав плечами, Кроули провел ребром ладони по шее, давая мне понять, что провода обесточены. Он встал, подошел к висячему замку и достал отмычки. Джитт придерживала цепь, пока он возился с замком. Наконец, он снял его и приоткрыл створки ворот ровно настолько, чтобы мы могли проскользнуть между ними. Когда мы прошли, Кроули закрыл ворота и повесил замок назад, но запирает ворота не стал.

Осмотрев поместье с близкого расстояния, мы увидели детали, неразличимые в подзорную трубу. Двор зарос длинной сухой травой, пробившейся даже между бетонными плитами, из которых была выложена подъездная дорожка к гаражу и к вертолетной площадке за крытым бассейном. Одна из дверей в бассейн была приоткрыта, и на полу валялось несколько шариков перекати-поля.

Одним словом, поместье выглядело довольно заброшенным, но было ясно, что его покинули не очень давно. Все окна были целы, да и лазерная сигнализационная система на дороге в поместье до сих пор работала — видно, хозяин пожелал оградить покинутые владения от случайных вторжений. Я надеялся, что Пигмалион оставил это убежище только после того, как потерял Риухито. В этом случае можно было надеяться, что мы найдем здесь что-нибудь полезное.

Мы втроем осторожно двинулись в сторону главного здания, а когда подошли ближе, меня вдруг охватила тревога. Это было довольно странно, потому что я отчетливо чувствовал, что в поместье пусто, и нам ничто не угрожает. Вдобавок ощущение беспокойства нарастало и спадало, словно в мозгу включилась эмоциональная сирена. Я подошел к дому вплотную, и тревога захлестнула меня мощной волной.

Джитт привалилась к стене дома, и я опустился рядом с ней на колени. Она слабо улыбнулась мне, но я видел, что ее улыбка словно бы мигает в

такт моей внутренней сирене. Я кивнул Джитт в знак того, что чувствую то же самое. Кроули вошел с отмычками у входной двери. Я услышал щелчок, и он проскользнул в дом. Я хотел было последовать за ним, но моя решимость разбилась вдребезги с очередным завыванием сирены, и я не смог сдвинуться с места.

Неожиданно эмоциональная сирена умолкла. Кроули появился на пороге и махнул нам рукой. Я помог Джитт подняться, и мы вошли в дом. Кроули закрыл за нами дверь и повел нас в небольшую раздевалку. Он повернул вделанный в стену крючок для пальто, и одна из панелей отошла в сторону.

На первый взгляд казалось, что перед нами обычная система сигнализации. Маленькие яркие огоньки на грубой схеме очерчивали различные участки поместья. У дома, бассейна и участка изгороди пульсировали сердитые красные точки. Остальная территория была отмечена зелеными огоньками. Все выглядело почти нормально.

Ненормальность заключалась в том, что составные части сигнализационной панели не были механическими или электронными. Эту панель не столько собрали, сколько вырастили. Красными и зелеными огоньками мерцали создания, похожие на червей. Влажные полоски слизи обозначали коммуникации между детекторами и этой панелью. На полу под экраном я разглядел нескольких маленьких тварей, похожих на мини-

атюрных мечехвостов. У одной из них в панцире была дырочка, из которой сочилась вязкая зеленая жидкость.

— Все верно, — тихо прошептал Кроули. — Это поместье оборудовал Темный Властелин. Система сигнализации передает сообщение о вторжении в другое измерение. Но сигнал довольно слабый, и я готов спорить, что он не пробьется через защитную оболочку измерения Пигмалиона.

Я показал на красные огоньки вокруг бассейна и возле изгороди.

— Ты же нейтрализовал сигнализацию главного здания. Почему же здесь ничего не светится?

Кроули легонько щелкнул отмычкой по одному из мечехвостов. Его хрупкая скорлупка треснула и рассыпалась в пыль.

— Похоже, часть системы довольно давно вышла из строя, и внешние объекты, за которые она отвечает, не высвечиваются на карте.

— Раз изгородь была обесточена до нашего появления, можно предположить, что кто-то недавно здесь побывал. — Джитт сняла с предохранителя свой М-177. — И, может быть, этот кто-то все еще здесь.

Я кивнул:

— Действуем согласно первоначальному плану. Начнем с верхнего этажа, потом спустимся вниз.

Я повел своих спутников в глубь дома. Изучая поэтажный план здания, мы определили два наиболее вероятных помещения, где Пигмалион

мог оборудовать кабинет. Первое — кабинет бывшего вице-президента. Согласно схеме там были встроенные полки и встроенный сейф, потайной бар и вторая дверь, выходящая к бассейну. Но я не думал, что эти удобства имели какое-то значение для Пигмалиона. Скорее, он мог руководствоваться желанием обосноваться в комнате, которая некогда принадлежала второму по значению человеку на Земле.

Я крался по дому, проникаясь все большим удивлением и отвращением к тому образу Пигмалиона, который складывался у меня в голове. От первоначального стиля оформления интерьера, который мы видели на многочисленных журнальных обложках, практически ничего не осталось. Теперь в облике дома было гораздо больше европейского. Мебель, лестница, перила и двери в основном были из темных твердых пород древесины. Создавалось впечатление, будто хозяин рассчитывал с помощью их основательности и почтенного возраста придать себе солидности, которую не мог обрести другим способом.

Разглядывая обстановку, я сразу понял, что передо мной — любовно отреставрированный антиквариат. Меня восхитило мастерство реставратора, и, продвигаясь по дому, я убеждался, что он постепенно совершенствовал свое искусство. В конце концов у меня сложилось впечатление, что и сам дом — произведение искусства или ретроспективная выставка работ художника — от первых поделок до великолепных шедевров.

Впрочем, я никогда не сомневался в таланте Пигмалиона. Достаточно было оглянуться на Джитт, чтобы испытать благоговейный трепет перед его мастерством.

Двойная дверь, ведущая в кабинет, оказалась открытой. Я заглянул в щелку и проскользнул внутрь, держа наготове МР-7, но мишени, достойной стрельбы, там не нашлось. Тогда я открыл дверь пошире и подал знак своим спутникам, что путь свободен.

Кроули сразу же подошел к огромному портрету на южной стене и снял его, открыв сейф. Джитт вошла в комнату и остановилась в центре. Она осмотрела сводчатый потолок и начала медленно поворачиваться, словно бы в изумлении. Она сделала полный оборот и начала второй, а потом вдруг задрожала и закрыла глаза.

Я направился к массивному письменному столу, стоявшему в простенке между окнами западной стены, и упал в кресло.

— Это точно Пигмалион. Кресло такое высокое, что я едва не ссадил себе колени о крышку стола, — прошептал я.

Кроули ухмыльнулся:

— Сейф что надо. Открыть его можно только взрывчаткой.

Джитт ничего не сказала и молча подошла к книжным полкам, встроенным в стену рядом с дверью. Она вытянула руку и наполовину вытащила одну книгу из ровного ряда. Это не возымело никакого действия, поэтому Джитт потяну-

лась к полке пониже и вытащила уже две или три книги. Когда ничего не произошло и на этот раз, она перешла к третьей и стала лихорадочно вытаскивать книги одну за другой.

Внезапно комната наполнилась грохотом. Джитт отскочила назад: полка медленно поползла на нее. Выдвинувшись, полка сместилась вправо и заблокировала дверь. Я увидел серый прямоугольник в полу на том месте, где стояла полка. От прямоугольника поднимался столб света, и в этом свете лицо Джитт казалось высеченным из гранита.

Кроули подскочил к Джитт и опустился на колени возле дыры в полу. Я обошел стол с другой стороны и попытался протиснуться между Джитт и книжной полкой, но замер как вкопанный, когда мой взгляд упал на одну из вытащенных книг.

— Койот, у нас есть шанс напасть на богатую жилу. — Кроули посмотрел на меня. — Пока я вижу только лестничную шахту, но она уходит очень глубоко вниз, и можно смело предположить, что вся эта гора — полая.

— Может быть, — пробормотал я, вытаскивая книгу, которая приковала мое внимание. Взяв ее в руки, я убедился, что мое первое впечатление было неверным: я держал не книгу, а папку в кожаном переплете. В темноте я не мог разобрать, синяя ли у нее обложка, но даже в тусклом свете прекрасно был виден вытисненный золотом логотип «Билдмора». Глядя на него, я отчетливо

вспомнил последнее видение, вспыхнувшее у меня перед глазами, перед тем как разорвалась граната.

Я вернулся к столу и положил папку в мутную лужицу лунного света, пробивавшегося через тонкие занавески.

— Не знаю, что там внизу, Деймон, но, похоже, плацдарм Пигмалиона мы нашли.

Страница за страницей пролистывал я предложение, пропуская стандартную рекламную часть, которую видел в папке, присланной мне Дарием Мак-Нилом, и внимательно изучая диаграммы на обороте.

Замысел был блестящим. Они собирались возвести сооружение размером с хороший авианосец, притом таким образом, чтобы видна была только надстройка. В нижней же части должен был разместиться целый завод по производству, ремонту и обслуживанию всего, что нужно для полномасштабной военной кампании. Энергию для этого завода должны были вырабатывать семь геотермальных генераторов.

Я захлопнул папку.

— Вот он, плацдарм. «Билдмор» любезно обустроивает его для Пигмалиона. Син говорил что-то насчет секретного проекта в Неваде, привлечшего основную часть ресурсов «Билдмора». Судя по дате, составлено это предложение два года назад, и по их оценке работы можно завершить за тридцать месяцев.

Кроули выпрямился.

— Мы нашли то, что искали. А прочие сведения придется вытряхнуть из «Билдмора».

Перед моим мысленным взором снова вспыхнула граната с золотым символом.

— Я возьмусь за это дело с большим удовольствием. Пошли отсюда.

— Нет! — Джитт завертела головой, глядя попеременно то на меня, то на Кроули. — Мы должны спуститься и посмотреть, что там.

— Джитт, мы получили то, что хотели. Нам пора уходить.

— Нет! Мы... Я должна узнать, что там, внизу. — Джитт спустилась на несколько ступенек. — Мне нужно, чтобы вы пошли со мной. Я никогда ни о чем не просила вас раньше, но сейчас вы мне нужны.

Я кивнул, не в силах устоять перед мольбой в ее голосе.

— Ладно. Посмотреть действительно не помешает.

За окнами дома неожиданно вспыхнул радужный свет и на мгновение озарил библиотеку. Мы трое инстинктивно пригнулись, но ничего не услышали и не почувствовали.

— Что это было, черт подери? — воскликнул я.

Кроули повел плечами:

— Насколько мне известно, такой фейерверк можно наблюдать только в одном случае — когда кто-нибудь проходит в межпространственные врата. Судя по направлению, они или в бассейне, или на вертолетной площадке. Теперь мы знаем, почему часть сигнализации выведена из строя.

Глаза Джитт превратились в синие щелочки:

— Так мы не одни?

Кроуди покачал головой:

— Не одни. Похоже, кто-то из внеземных созданий недавно обнаружил это место и потихонечку здесь хозяйничает.

Я проверил обойму в МР-7.

— Боюсь, это тот самый случай, когда враг моего врага мне вовсе не друг.

Зло торжествует

24

Я протиснулся мимо Джитт и ступенька за ступенькой начал спускаться по лестнице, чувствуя, что меня колотит дрожь. В резком свете ламп, установленных у основания лестницы, красные каменные стены казались розовыми, словно кожа младенца. Левой рукой я прикрывал глаза, а в правой сжимал МР-7. Я держал под прицелом черный квадрат внизу и был готов разнести в клочья все, что появится из коридора, ведущего в глубь горы.

Спустившись пониже, я осознал, что бьющая меня дрожь порождена не только нервным напряжением. Воздух вокруг становился все холоднее. Правда, пар изо рта не шел, но это меня не удивляло. В сухом воздухе пустыни туман образуется только при очень низких температурах. Но и без того мне казалось, что я попал в холодильник. Я припомнил ледяные пещеры в потух-

ших кратерах Северной Аризоны и задумался, не естественного ли происхождения эта каверна. Эту мысль подтверждало и то обстоятельство, что стены ничем не были украшены. Трудно было представить, что Пигмалион смог обойтись без дополнения в виде злобно скалящихся горгулий или обманчиво простых резных украшений. Какими бы одиозными ни казались предпочтения Пигмалиона в смысле материала для работы, все-таки у него была душа художника. И если он оставил эти стены голыми специально, то у него могла быть только одна цель: добиться ошеломляющего контраста между этим колодцем и тем, что он создал в сердце горы.

Как вскоре выяснилось, мои рассуждения оказались верными, хотя это был тот случай, когда сознание своей правоты не приносит радости.

Спустившись до основания лестницы, я вошел в коридор, показавшийся мне довольно тесным и маленьким, хотя какой-нибудь статуе Пигмалиона здесь было бы вполне просторно. Коридор уходил по дуге влево, и за поворотом маячил слабый серебристо-белый свет. Только благодаря ему да еще лампе у основания лестницы темнота в коридоре не была кромепшой.

Я повернулся к своим спутникам. Кроули коснулся Джитт и легонько сжал ей плечо. Даже сделав скидку на ее светлую кожу и мертвенный свет в коридоре, я поразился призрачной бледности Джитт. Она привалилась спиной к стене, закрыла глаза и запрокинула лицо к потолку.

— Что с тобой, Джитт? — прошептал я.

Она едва заметно покачала головой и судорожно сглотнула.

— Лестница... Я знаю это место. Я бывала здесь раньше.

Кроули ласково взял ее в лицо в ладони.

— Ты убежала отсюда как жертва, а вернулась избавительницей. Ты выжила и *будешь* жить.

— Спасибо вам. — Я увидел, как по шее Джитт катится капелька пота. Джитт открыла глаза и кивнула: — Иди вперед, Койот.

Слова Кроули ободрили и меня. И я, и Джитт, мы оба были творениями Темных Властелинов. Мы оба бежали от своих бывших хозяев, и из жертв превратились в избавителей. Мы оба дали клятву заставить своих хозяев заплатить за все, что сделали с нами и другими, и, возможно, мы начнем взимать плату прямо за поворотом.

Может быть, я продвигался по коридору не так осторожно, как того требовало благоразумие, но мне казалось, что меня лучше любой брони защищает правота моего дела. Это звучит довольно нелепо; так мог бы выразиться религиозный фанатик, описывающий свой поход на логово порока, но в каком-то смысле я и был новообращенным, проникшим в стан врага своей веры. На краткий миг я почувствовал себя мифическим героем, отправившимся на ратный подвиг, и обитель Зла, с которым я шел сразиться, была совсем рядом, в конце коридора.

Не торжествуй

В конце концов разница между мифом и историей ужасов — всего лишь вопрос точки зрения.

Коридор переходил в огромную пещеру со сталактитами и сталагмитами, похожими на окаменевшие зубы в челюстях ископаемого животного. В глубоких сводах под потолком пряталась тьма, отдаленные тени намекали на другие залы и коридоры, уводящие в глубь горы. Пол поражал своей гладкостью: так выглядит замерзшая на ветру поверхность озера или миниатюрные волнистые холмики, которые тысячелетиями полировала бегущая вода.

Открывшееся нам зрелище показалось мне удивительно уместным и естественным, за одним маленьким исключением: подобное образование никак не могло возникнуть в сердце горы в пустыне юго-запада.

Лед. На лестнице и в коридоре было так холодно потому, что каждый квадратный фут пещеры покрывала блестящая, сверкающая ледяная оболочка в дюйм толщиной. Огромные, в человеческий рост, сосульки с тонкими, как острие иглы, наконечниками дополняли обширную коллекцию сталактитов на потолке. Их застывшие двойники выглядели, словно саженцы сталагмитов, которые вот-вот поднимутся и расцветут, подобно своим каменным собратьям.

Весь зал был заполнен сидящими, стоящими и полулежащими фигурами, смутно напоминающими человеческие. Сквозь ледяное одеяние, окутывающее каждую фигуру, просвечивала кожа

приглушенного телесно-розового оттенка. Ледяные грани придавали этому застывшему народцу вид скульптур какого-нибудь кубиста, терпеливо ждущих, когда этот стиль снова войдет в моду.

Я подобрался к ближайшей фигуре и стукнул прикладом по ледяной оболочке, покрывавшей голову. Лед треснул, а после второго удара большой кусок оболочки отвалился и разбился вдребезги. Мне удалось очистить ото льда всю правую половину женского лица — осталось лишь несколько кусочков, упрямо цепляющихся за пряди черных волос. Стянув перчатку, я коснулся женщины, но, как и следовало ожидать, окоченевшее тело на ощупь было совершенно безжизненным.

Джитт упала рядом со мной на колени и тоже дотронулась до женщины, потом подняла на меня полные ужаса глаза и закрыла лицо руками. Ее плечи заходили ходуном от рыданий. Я присел рядом и обнял ее, но у меня сложилось впечатление, что она не почувствовала моих объятий и не услышала бы меня, если бы я заговорил.

Кроули склонился над Джитт и покачал головой:

— Несомненно, Пигмалион специально поддерживает здесь низкую температуру. Это замедляет метаболизм его созданий, и таким образом он консервирует их красоту. — Он показал на бриллиантовую сережку в ухе замерзшей женщины. — Не могу поверить, что он был бы так расточителен, если бы хотел их убить.

Я еще раз оглядел ледяную пещеру.

— Если это правда — а, похоже, так оно и есть, — то как он сюда доставляет лед?

Кроули понизил голос до шепота:

— Это высокогорье. Здесь бывают суровые зимы с грозами и буранами. Должно быть, отсюда есть выход на поверхность, и в это отверстие попадает достаточно снега и дождевой воды, чтобы произвести такое количество льда.

— Но что?.. — Вопрос замер у меня на губах — эхо принесло в пещеру чужие голоса. Я увлек Джитт в тень, и Кроули пристроился рядом. По его знаку я пробрался обратно, к низкой стене оледеневших сталагмитов, и, спрятавшись за ними, оглядел зал.

Я увидел двух созданий, почти ничем не отличавшихся от людей. Если не считать сероватого оттенка кожи и заостренных ушей, они выглядели в высшей степени непримечательно. Правда, их наряд придавал им вид персонажей, сбежавших из какого-нибудь второразрядного фильма про пиратов. Для полноты картины одному из них не хватало только повязки на глазу и попу-
гая на плече.

Их появление не слишком меня взволновало, потому что я их узнал. Двоих их сородичей я как-то повстречал в другом районе Аризоны. Этих созданий называли драолингами. Они обитали в соседнем протоизмерении, и немногочисленные храбрецы из их числа отваживались на вылазки в ближайшее протоизмерение, где играли маленькие злые шутки с представителями рода челове-

ческого. Кроули считал, что драолинги стояли за истреблением участников экспедиции Доннера*, а возможно, и таинственная личность Зодиак**, убийца из Калифорнии, тоже был выдуман ими.

Но даже зная об их склонности к отвратительным и жутким забавам, я не встревожился, увидев этих тварей. Я знал, что их легко прикончить и с охотой был готов избавить от них мир.

Всерьез меня беспокоило создание, стоящее между ними. Его поза была вполне обычной, но что-то в ней резало глаз. Казалось, эта массивная неповоротливая зверюга должна чувствовать себя более непринужденно, опираясь на четыре конечности, а не на две. Ее ссутуленные плечи и словно бы надломленный хребет едва не сбили несколько сталактитов, когда тварь неуклюже двинулась вперед на коротких мохнатых ногах. Все ее тело было покрыто пестрым узором, и только в том месте, где массивная грудь слегка сужалась, переходя в мощную шею, оставалось светлое пятно. Над плоским черепом торчали остроконечные уши, на морде выделялись выпирающие челюсти и большие глаза, в которых застыло едва ли не

* Наиболее известная экспедиция эмигрантов под руководством братьев Якоба и Джорджа Доннеров, целью которых было отыскать кратчайший путь в Калифорнию через горы Сьерра-Невады. Экспедиция состоялась в 1946–1947 гг. Из восьмидесяти девяти участников экспедиции в живых осталось сорок семь человек.

** Автор серии убийств в Сан-Франциско в 1969 г. Оставлял криптограммы, разгадка которых, по его утверждению, должна была раскрыть личность убийцы.

невинное выражение. Нос существу заменяли две треугольные щели. Из открытой пасти торчали острые акульи зубы.

Чудовище занесло здоровенный кулак и с размаху опустило его на застывшее во льду тело. Грохот удара прокатился по всей пещере. Лед в средней части тела хрустнул, и труп переломился пополам. Два драолинга немедленно ринулись на верхнюю часть тела, словно гиены, увидавшие падаль. Пятнистый монстр схватил за щиколотки нижнюю половину и рванул ноги трупа в разные стороны. Он разорвал труп словно птичью тушку и вгрызся в замороженное бедро.

Одному из драолингов удалось отодрать от туловища руку, и второй кувырком отлетел назад с остальной частью тела. Первый запустил зубы в свою добычу и, жуя, проворчал:

— Как холодная закуска оно ничего, но я предпочитаю еду посвежее.

Второй отломил руку трупа у локтя и стянул мороженую плоть, словно перчатку.

— Согласен. Сейчас подкрепимся немного, а потом подберем что-нибудь еще. Дома разморозим и приготовим как следует.

Чудовище только рыгнуло и выплюнуло берцовую кость.

Я был потрясен и никак не мог избавиться от ощущения нереальности происходящего. Притаившись в темноте искусственной ледяной пещеры, я слушал взвизгов существ, обсуждавших гастрономические достоинства человечины, слов-

но люди были выращенным на убой скотом. Любоვნю вылепленные Пигмалионом образцы физического совершенства превратились в жратву для драолингов.

Этот мимолетный взгляд на внеземную мораль вполне объяснял позицию таких созданий, как Скрипичник и Алмазная Императрица. Они были не только Темными Властелинами — они являлись существами из чужих миров; они не могли воспринимать нас так, как воспринимаем себя мы. Подобно хищникам, которым никогда не приходит в голову задумываться о чувствах своей добычи, они не признавали за нами никаких прав, не испытывали к нам ни малейшего уважения. В свете этого открытия поступок Пигмалиона становился еще более ужасным и омерзительным, ибо он добровольно отказался от своей принадлежности к человечеству ради могущества Темного Властелина.

Эти мысли вихрем пронеслись у меня в голове и на какое-то мгновение отвлекли меня от действий. Джитт тем временем не предавалась праздным размышлениям. Краем глаза я увидел, как она выступила на открытое пространство между нашим убежищем и пирующими тварями. Ярость, хлещущая из нее, казалось, могла бы расплавить и лед, и камень под ним, но держалась она с твердостью скалы. Джитт прижала М-177 к правому боку и взвела курок. Эхо многократно усилило щелчок, и он прозвучал, как выстрел.

Драолинги с довольными ухмылками подняли на нее глаза.

— Что это у нас здесь? — прошамкал один из них набитым ртом.

Джитт нажала на спусковой крючок с механической четкостью, как будто она и карабин составляли одно целое. Первые три выстрела с грохотом и звоном сбили ледяной футляр со сталагмита. Пули угодили говорившему в грудь, и большая часть недожеванного мяса вывалилась на пол. Пули, пройдя насквозь, разорвали драолингу спину, и фонтан алой крови оросил пятнистую шкуру монстра.

Джитт слегка сместила ствол вправо и выпустила следующую серию пуль. Годы тренировок включили в моем мозгу механизм, который с компьютерной четкостью проанализировал ее атаку. Поскольку Джитт стояла всего в двадцати пяти метрах от мишени, пятидесятишестиграновые разрывные пули, поразившие второго драолинга, летели со скоростью, значительно большей, чем три тысячи двести футов в секунду. На такой скорости они в одно мгновение превратили в крошку все твердое, что встретили на своем пути. Одна впилась драолингу в запястье и оторвала кисть. Другая угодила в ребра и разорвалась на бесчисленные металлические осколки, искромсавшие все внутренние органы и грудную клетку. Последняя ударила драолинга в челюсть, превратив плотоядную ухмылку в черный провал. Голова люби-

теля покушать с хрустом запрокинулась, и тело отлетело в тень.

Джитт прицелилась в пятнистое чудовище. В тот же миг во мне поднялся непонятный протест, который заставил меня крикнуть:

— Нет! Не надо!

Каким-то образом я узнал это существо и понял, что стрелять в него бессмысленно.

Может быть, Джитт не услышала меня, а может, предпочла пропустить мои слова мимо ушей. Как бы то ни было, ее палец на спусковом крючке карабина напрягся, и пули прочертили сплошную зигзагообразную линию от правого бедра до левого плеча монстра. Существо пошатнулось и плюхнулось на ягодицы, но ни одна пуля не пробила его шкуру.

Завывая от боли и ярости, существо перекатилось вперед и, вонзив черные когти в лед, развернулось к Джитт. Не удостоив его даже взглядом, Джитт высвободила пустую обойму, с щелчком загнала в магазин новую и снова прицелилась.

Не отдавая себе отчета, почему действую таким образом, я рыбкой перемахнул через стену сталагмитов. Я понимал, что мне никоим образом не удастся приземлиться на лед и удержаться на ногах, поэтому даже не стал пытаться. Приземлившись на бедро, я заскользил к Джитт и выбросил вперед правую ногу. Удар сбил ее с ног и отбросил в сторону. Я изогнулся, встал на левое колено и выхватил автоматический пистолет.

Монстр бросился вперед, набирая скорость. Сосульки, свисающие с потолка, вздыбливали шерсть на его спине и каскадом ледышек падали на пол. Ледяные чешуйки, выдранные ее когтями из пола, взвивались в воздух, словно снег, вылетающий изпод копыт лошади, несущейся галопом по снежному полю. Огромные легкие работали, как кузнечные мехи, и клубы пара от этого живого локомотива летели прямо на меня.

Когда кислый, затхлый запах из пасти чудовища ударил мне в ноздри, какая-то часть моего сознания отметила, что меня должно было бы парализовать страхом. Но другая часть знала, что поддаться страху — значит погибнуть. Даже когда чудовище занесло надо мной лапу с черными граблями когтей, я не сомневался, что одолею его. Я поднял «вилди-вульф» и нажал на спуск.

Пуля вошла в правую ноздрю чудовища, и из его затылка хлынул иссиня-черный фонтан крови. Тварь почти мгновенно остановилась, и огромная лапа превратила в ледяную пыль большой сталактит. Этот удар развернул монстра ко мне. Распластавшись на полу, я почувствовал, как его ступня прошла в дюйме от моей спины, а потом услышал грохот падения. Чудовище рухнуло на пол, дернулось и затихло.

Перекатившись на спину, я увидел, что Кроули помогает Джитт встать. Она помотала головой и несколько раз моргнула, но других признаков потрясения от пережитого не проявила. Кроули посмотрел на меня и улыбнулся.

— Знаешь ли, это было чертовски самонадеянно с твоей стороны.

Я нахмурился и убрал «вульф» в кобуру.

— Чепуха. У этой зверюги ноздря размером с пиццу. И слепой бы попал.

— Я знаю. Твое нахальство заключается в другом. — Зеленые глаза Кроули лукаво блеснули. — В том, что ты сделал *один* выстрел.

Джитт с комичной озадаченностью оглядела свой карабин.

— Почему твоя пуля убила ее, а мои отскочили? — Она на мгновение замаялась, потом уточнила: — Вернее, откуда ты знал, что моя стрельба окажется бесполезной?

Я поднялся без посторонней помощи и скрестил руки на груди.

— Я уже встречал драолингов, и Кроули внушил мне, что они послужили прообразом персонажей некоторых земных легенд. И не только они — еще много созданий из других измерений.

Кроули подмигнул Джитт.

— Большинство героических легенд основаны на реальных схватках с существами из других измерений.

— Откуда-то из моего подсознания всплыло описание огромного неповоротливого чудовища, которое пожирает людей. — Я пожал плечами. — Наверное, холод, лед и, возможно, твое имя сыграли здесь не последнюю роль, вызвав нужную ассоциацию.

Джитт нахмурилась:

— Джитт — датский вариант имени Юдифь...
А, поняла. Грендель.

Я кивнул:

— Толстая шкура гренделя неуязвима для обычного оружия. Я предположил, что носовые перегородки у него не такие крепкие.

— А почему не глаз?

— Веки.

Джитт мрачно кивнула:

— Спасибо, что спас мне жизнь.

Я указал на двух мертвых драолингов:

— А тебе спасибо, что выполнила за меня часть работы.

— Кстати говоря, что мы будем делать с этим? — Кроули обвел рукой пещеру и нахмурился. — Очевидно, Пигмалион не слишком хорошо присматривает за своим хозяйством. Если мне удастся отыскать управляющий механизм межпространственных врат, которыми пользовались драолинги и грендель, я смогу вывести их из строя.

Джитт посмотрела на меня, потом на Кроули:

— Я знаю, шансы ничтожны, но вы разрешите мне поискать других пленников? Может, кто-нибудь из них жив.

— Конечно. Кроули, ты займись межпространственными вратами, а мы с Джитт все здесь осмотрим. — Я пнул ногой тело гренделя. — Ты, случайно, не знаешь измерение, которое дает жизнь этим тварям?

Кроули кивнул:

— Знаю и стараюсь избегать его, но ты хорошо придумал.

— Ладно. Когда закончим, оттащим эту падаль в родное измерение.

Джитт нахмурилась:

— Но ведь его сородичи разозлятся?

— Может быть, — улынулся я. — Но это послужит им напоминанием, что на Земле еще жив Беовульф. Я хочу, чтобы они не забывали о нем. Пусть поймут, что последствия такой забывчивости могут оказаться роковыми.

25

Поиски выживших пленников оказались бесплодными, и Джитт заметно помрачнела. Она молча, с угрюмым видом выслушала простые наставления Кроули, касающиеся межпространственных переходов, потом помогла нам перетащить тело гренделя в его измерение. Там Кроули при помощи телекинеза повесил труп монстра на дерево, и мы удалились.

Межпространственные врата в поместье Пуллиама Кроули настроил на случайно выбранный режим.

— Для того чтобы врата такого типа могли функционировать, должна существовать связь между ними и вратами на другом конце. Я нарушил эту связь, и теперь их можно открыть, только послав специальный код из других врат. По-

сколько я выбрал код случайным образом, вряд ли кому-то удастся его подобрать, чтобы перенстроить врата на нужный режим.

— Значит, никто больше не сможет войти через них?

— Да. Мне вот что показалось странным: до недавнего времени этих врат в поместье не было. Вероятно, они появились только после того, как Пигмалион покинул свое убежище. — Кроули переплел пальцы и выгнул их мостиком обратной стороной наружу, хрустнув суставами. — Драолинги не обладают большим спектром умений, но создавать импровизированные приспособления, заменяющие межпространственные врата, они мастера. У их поделок очень ограниченные возможности, но для целей драолингов они вполне подходят.

Мы вернулись на Землю и возникли из ниоткуда в моем кабинете в штаб-квартире «Лорики».

— Ты хочешь сказать, что они пользовались своими вратами, а не вратами Пигмалиона?

Кроули расстегнул ремень и положил оружие на стол.

— Я не нашел никаких признаков других врат. Возможно, Пигмалион просто не знает, как их создавать.

Джитт покачала головой:

— Не может быть. Он же Темный Властелин.

— Правильно, но всего несколько лет назад он был обычным человеком. Возможно, его никогда не учили создавать врата. — Кроули махнул ру-

кой в сторону окна, за которым горели красные предупреждающие огни маглева. — Неро Лоринг построил межпространственные врата, не зная, что это такое. Но он никогда не сумел бы сделать этого, если бы агент Скрипичника не подсунул ему чертежи. Знаниями о технике создания врат располагают очень немногие, и даже у большинства посвященных они слишком поверхностны. Как правило, их врата — просто кроличьи норы, шунты в соседнее измерение. Полноценные врата с возможностью ввода координат — большая редкость.

Я метнул на него подозрительный взгляд.

— Но мне почему-то все время встречались врата именно этой редчайшей разновидности. В том числе и твои.

Кроули широко улыбнулся:

— Твой опыт нетипичен, потому что ты путешествовал со мной, а я знаю почти все такие врата. А что до того устройства, которым владею я — кстати, оно очень маленькое и рассчитано на одного-двух человек, — так я заполучил его самым распространенным среди Темных Властелинов способом: я его украл. — Он развел руками. — Да, ты видел множество действующих врат, но есть сотни других, которые попросту бездействуют. У них нет механизмов управления, поэтому они не могут наладить связь ни с какими другими вратами. Если у кого-то есть работающие врата, этот кто-то может выйти на бездействующие и установить с ними связь. Несомненно, так и собирался посту-

пить Пигмалион. Он хотел связать врата, построенные Неро Лорингом в Фениксе, и бездействующие врата, которые нашел где-то еще.

— И чуть не преуспел в этом, черт бы его побрал!

— Да уж. Фокус тут вот в чем: Скрипичник не нашел действующих врат, которые были бы достаточно большими и мощными, чтобы перенести его тушу. Не удалось ему и пересадить органы управления и источник энергии от других врат на свои, бездействующие. Вот он и застрял в своем измерении и будет торчать там, пока мы его не вытащим.

Джитт нахмурилась:

— Мы сняли управляющее устройство с межпространственных врат, встроенных в маглев. Но получается, они все-таки могут работать?

Кроули кивнул:

— Конечно, если к ним подсоединить достаточно мощный источник энергии. Но, как нам известно, потребность в таком количестве энергии удовлетворить нелегко.

— И хорошо, потому что иначе здесь отбоя бы не было от Темных Властелинов. — Я посмотрел на часы. — Уже полночь. — Нажав на значок на поверхности стола, я вывел на экран список сообщений и быстро пробежал его глазами. — Оказывается, все наши уже прилетели из Японии. Бат почти совсем оправился, Хэл дома, с детьми. Дороти тоже у него, а Мики и Нэтч здесь, в штабквартире. Вета, Син и Раджани тоже в здании «Лорики».

— Койот, необходимо узнать, где «Билдмор» ведет строительство для Пигмалиона. — Джитт направилась к двери. — Я прямо сейчас и займусь этим.

— Не надо, Джитт, мы попросим Синклера. У него еще сохранились контакты с «Билдмором».

Она остановилась и сняла с головы кепку. Поток золотистых волос упал ей на плечи и закрыл половину лица.

— Слишком велика опасность, что люди Сина либо ничего не знают, либо доложат о его вопросах Мак-Нилу-старшему. И не потому, что Дарий боится, будто мы пронюхаем что-то о его секретном проекте — я не удивлюсь, если он и сам не знает подробностей, — а потому, что мистер Мак-Нил хочет быть в курсе интересов своего сына, хочет его подчинить. Кроме того, он наверняка слышал, что ты вернулся, и догадается, чем вызваны эти расспросы.

Точный анализ Джитт удивил меня не своей четкостью, потому что она все всегда делала четко. Меня поразило, как верно она оценила характер Дария Мак-Нила. Еще недавно она ограничилась бы перечислением примеров, показывающих, что Дариус пытается вмешиваться в жизнь сына и оказывать на него давление, и не сделала бы заключения о желании этого человека подчинить себе Синклера. Сейчас она без всяких примеров определила его побуждения и вполне убедительно доказала свою правоту.

— Согласен. А как ты раздобудешь нужные сведения?

Она уверенно улыбнулась:

— Даже если Мак-Нилу-старшему заплатили вперед, он не станет расплачиваться наличными за необходимые для проекта материалы и оборудование. Он и его люди наверняка пользуются кредитами. У него есть кредитные карточки. Некоторые из них наверняка звонят родственникам сюда, в Феникс. Я влезу в базу данных телефонной компании и банка, выпускающего кредитные карточки, и таким образом определю, где рабочие мистера Мак-Нила тратят свои деньги. Записи о километраже в фирмах, дающих напрокат автомобили, позволят мне выяснить приблизительное расстояние от этого места до интересующего нас объекта. Файлы службы доставки, возможно, дадут точные координаты. Когда я определю местоположение участка, можно будет влезть в базу графических данных LANDSAT, посмотреть фотографии и сравнить их с последними данными военных фотосъемок. Я могу даже подключиться к компьютерам министерства космических исследований Украины и связаться с одним из старых спутников-шпионов, пролетающих над этой территорией. В какой бы тайне ни велось строительство этого сооружения, на фотографиях оно должно оставить след. И я его отыщу.

Джитт говорила, а я слушал ее оживленный, уверенный голос и не верил своим ушам. Трудно было представить себе, что эта женщина совсем

недавно изъяснялась только короткими, четкими, механическими фразами. Прежде она использовала компьютер и свое мастерство, чтобы создать себе безопасную гавань. Она делала то, о чем мы ее просили, потому что это давало ей возможность обрести убежище, и хорошей работой Джитт пыталась отблагодарить людей, которые помогли ей отгородиться от внешнего мира.

Теперь она изменилась, и изменилась радикально. Она восприняла задачу определить местонахождение базы как вызов и рвалась взяться за нее с нетерпением тигрицы, учуявшей добычу. Джитт хотела найти эту базу, потому что это место было связано с Пигмалионом. Я не вполне понимал, хочет ли она отомстить за мертвых, которых мы нашли в поместье Пуллиама, или рассчитаться с Пигмалионом за себя, но это не имело значения. Главное, что она теперь не просто выполняла данное ей поручение, а сама определила себе задание и сгорала от нетерпения поскорее приступить к работе.

Я кивнул Джитт, всем своим видом показывая уважение.

— Не сомневаюсь, что твоя стратегия сработает. Ты права, дело срочное. Приступай.

Она кивнула и вышла. Когда дверь за ней закрылась, я повернулся к Кроули:

— Нам придется еще раз сходить на разведку. Надо осмотреть это сооружение получше.

Кроули кивнул:

— Согласен. Поскольку нам известно, что оно где-то в Неваде, мы можем отправиться туда заблаговременно и подготовить позиции. Когда Джитт определит точное местоположение, мы будем тут как тут. Думаю, нам не составит труда определить, годится ли оно для переброски войск из измерения Пигмалиона.

Я нахмурился. Мне никак не давало покоя нападение на Бирюзу.

— Насчет Бирюзы. Ты сказал, что Пигмалион переправил войска Риухито по туннелю к межпространственным вратам, и через них они вошли в Бирюзу. Как ты думаешь, он использует ту же схему со своей базой? То есть изолирует ли он себя тем же способом?

Кроули погладил бородку.

— Интересный момент. Вот еще один вопрос, который требует выяснения. Если он выберет ту же схему, я готов спорить, что его врата находятся внутри той же энтропийной сферы, что и его основная база. Это означает, что наш план по доставке Скрипичника еще может сработать.

— При условии, что на другом конце не окажется измерения, непригодного для жизни. — Я вздохнул. — Если Пигмалион перехитрит нас и использует в качестве плацдарма враждебное протоизмерение, он победит.

— Да, такая стратегия достойна Темного Властелина, но настолько ли изощрен Пигмалион? Ведь он еще не так давно был человеком.

Я улыбнулся:

— Я тоже человек, и я об этом подумал.

— Да, но тебя учили вести войну и сеять смерть — естественно, что ты должен думать о подобных вещах. — Кроули мгновение разглядывал меня, потом мрачно улыбнулся. — И все же твое предположение нельзя сбрасывать со счетов. Придется нам проникнуть на базу и проверить, не удастся ли выяснить, что находится по ту сторону врат.

— Согласен.

Кроули подтянул перчатку на левой руке.

— Это значит, что нам придется взять с собой Мики.

Я хотел поинтересоваться, не свихнулся ли он, но будничным тоном Кроули заставил меня подумать, прежде чем открыть рот. Мики провел целую вечность в измерении Пигмалиона. Он узнает его, как Джитт узнала свою тюрьму в поместье Пуллиама. Кроули был прав, но что-то во мне восставало против мысли о том, что придется привести пятилетнего ребенка в то место, где ему пришлось столько вынести.

— А видеозапись не подойдет? Зачем Мики туда отправляться?

— Койот, он может узнать запах или ветерок, обдувающий лицо. Мы не сумеем записать их на видео. — Кроули сделал глубокий вдох и медленно выдохнул воздух. — Я знаю, что для Мики это будет тяжело, но он хороший мальчик. Он сделает то, о чем мы его попросим.

Я мысленно вернулся в тот день, когда задал вопрос, нельзя ли снова научить Мики убивать. Я вспомнил возмущение Хэла и безразличие Бата, которое так удивило меня. Мики был великолепным бойцом, поэтому вряд ли ему угрожала бы серьезная опасность во время нашего путешествия. Но даже если бы у меня была полная уверенность, что он вернется без единой царапины, я все равно не хотел бы брать его с нами. У меня было такое чувство, будто я мог исправить нанесенный ему ущерб только одним способом — устроить так, чтобы он никогда больше не страдал.

Но при всем моем благородстве я погубил его отца, позволив Теду Фарберу принять участие в реализации моего замысла.

— Деймон, он сирота.

— Но он единственный, кто может сказать, то это место или же нет. Риухито выведен из строя и для нас бесполезен. Мы введем его в бой лишь в самом крайнем случае. — Кроули пожевал нижнюю губу. — Кроме того, я не уверен, что Мики знает о смерти отца.

— Никто не сказал ему?!

— А кто бы это мог сделать? Только Раджани, а она еще сама не пришла в себя после смерти Йидама. Больше никто не возьмет на себя эту инициативу, а некоторым, вроде Бата, было специально дано распоряжение молчать. — Кроули помолчал. — Но он должен узнать.

— И ты считаешь, что эта работа как раз для меня? — Я передернулся. — Я никогда не знал

своих родителей, Кроули. Я рос в штаб-квартире Галбро, и единственными человеческими существами, с которыми я общался, были мои наставники и тренеры. Ни одного из них я не мог бы назвать другом, потому что никого не знал для этого достаточно близко. С самого моего рождения, даже раньше, Скрипичник начал делать из меня убийцу, расчетливого и хладнокровного. Как я могу сказать Мики о смерти его отца, если даже не представляю себе, как на него повлияет это известие?

— Скрипичник хотел сделать тебя бесчувственной машиной, но ему это не удалось. Бесчувственность требует отсутствия увлеченности, отсутствия гордости за свою работу. Охотника без чувств не бывает. Они есть у тебя, Койот, и ты можешь добраться до них. Уже добрался, когда возненавидел своего бывшего господина до такой степени, что взбунтовался против него, когда осознал долг перед своим предшественником. Ты возглавил крестовый поход Койота против Темных Властелинов и ведешь его с исступленной верностью человечеству. Ты сможешь найти в себе силы и все объяснить Мики. Я думаю, тебе просто необходимо это сделать, чтобы окончательно вернуть себе последний кусок души, который еще принадлежит Скрипичнику.

От слов Кроули что-то заняло у меня внутри. Я знал, что он прав. Я чувствовал эту брешь, о которой он говорил, и отчаянно хотел заполнить ее, но не мог. Но сейчас я понял, что, если расска-

жу Мики о его отце, это залечит мою рану и каверна в моей душе закроется. Я не имел понятия, каким образом это получится, просто знал, что так оно будет.

Я поднял на него глаза:

— Каким образом тебе удастся так ясно видеть, что творится в наших сердцах, если ты так близок к другим?

— Вероятно, так антиматерия знает материю, а тень — свет. — Кроули слегка пожал плечами. — Это ведь не имеет значения, правда? — Я покачал головой, и он улыбнулся. — Думаю, не имеет, — тихо сказал он, направляясь к двери. — Я пришлю к тебе Мики. Ни пуха ни пера вам обоим.

Мики пришел в белой футболке, украшенной портретом Хейди Стиллетто, пышногрудой певицы из рок-группы «Колокол Преисподней». Дива позировала в профиль, давая зрителям возможность хорошенько рассмотреть татуировку в виде трезубца на правой щеке. Довершали наряд Мики спортивные шорты, и, как я подозревал, обе детали туалета он получил от Бата или выбрал их, подражая ему. Короткие рукава футболки и шорты почти не скрывали татуировку, которой было покрыто тело Мики, благодаря чему он выглядел как человек-зебра; только вместо привычных полос — причудливые завитушки. Он пригладил волосы пятерней, но они все равно торчали во все стороны. Вероятно, Кроули поднял его с постели.

Не меньше, чем недостаток одежды и разукрашенная кожа, привлекало внимание по-детски невинное выражение лица Мики, выражение радостного предвкушения. Наблюдая за ним, за тем, как он идет от двери по кабинету, как вспрыгивает на диван, я понял: он гордится тем, что находится в моем обществе. Мальчик светился этой гордостью, словно солнышко в ясном небе над Застывшей Тенью. Он не имел понятия, зачем его позвали сюда. Он просто был счастлив, а мне предстояло это счастье разрушить.

— Добрый вечер, Мики. Надеюсь, ты простишь мне, что я тебя разбудил.

Он энергично кивнул, сначала вскинув голову, потом склонив ее почти до груди, и улыбнулся.

— Все нормально. Мне нравится не спать. Когда сплю, у меня бывают плохие сны.

— Я понимаю. — Я улыбнулся мальчику. — У меня тоже бывают иногда. Главное помнить — это только сон, и он не может причинить тебе вреда.

Мики подтвердил мое заявление таким же энергичным кивком.

Как начать? Как сказать ему об этом? Я прекратил вышагивать по комнате и остановился перед ним, заложив руки за спину.

— Мики, я хотел поговорить с тобой, потому что у меня есть для тебя известие. Боюсь, это плохое известие — нет, ты не сделал ничего дурного, просто оно может причинить тебе боль, ранить тебя изнутри. Тебе будет очень грустно. Так бы-

вает, когда внутри больно. Ты можешь поплакать, если захочешь.

На мгновение его лицо исказилось, но потом Мики сжал губы и покачал головой:

— Папа говорил, чтобы я был храбрым и не плакал. Он сказал, что это расстроит Дороти.

— Понимаю. Но ты можешь поплакать здесь, и мы ничего не скажем об этом Дороти, чтобы ее не расстраивать. — Я почувствовал, как решимость Мики быть храбрым столкнулась с нарастающим страхом. Он подавил страх и приготовился слушать меня. Словно мужественный маленький солдатик, он преисполнился решимости выполнить наказ отца. — Мики, твой отец не вернется к нам.

Боль молнией пронзила душу ребенка и сразу же сменилась чувством вины. Он открыл рот и собрался разреветься, но в последний миг сдержался. Я чувствовал, как его раздирают эмоции. Сосредоточившись, я распознал их и поспешил защитить Мики от его самых худших страхов.

— Нет, Мики, ты ни в чем не виноват. Твой отец больше всего хотел бы сейчас оказаться здесь. Он очень любит тебя, и будь это в его власти, он немедленно вернулся бы к тебе. Беда в том, что он не может этого сделать.

— Почему?

Дрожащий голос Мики подтвердил, что его сомнения в себе не исчезли. Я сел на корточки и положил руку ему на колено.

— Мики, твой отец узнал, что, когда тебя отобрали у него, с тобой плохо обращались, тебе делали больно.

— Теперь я лучше.

— Да, Мики, теперь ты гораздо лучше. Ты стал физически здоровым человеком, и твой отец был очень этому рад: Он помнил, каким ты был, и гордился тем, что ты сумел совсем один пройти через муки исцеления. Он гордился тобой, потому что ты оказался храбрым и мужественным; он радовался твоему выздоровлению, но в то же время ему было грустно.

— Почему?

— Почему? — Я замялся, прислушиваясь к слабым отголоскам, начинавшим набирать силу в моей душе. Во мне поднималась ярость на Пигмалиона, который таким бесчеловечным образом манипулировал мальчиком. Он исцелил тело Мики и форсировал его физическое развитие, потом модифицировал организм, но в интеллектуальном смысле Мики остался ребенком. Пигмалион воспользовался невинностью Мики, чтобы сделать из него машину-убийцу. Выполняя его задания, мальчик не терзался угрызениями совести, потому что недостаточно созрел для того, чтобы ясно различать, где добро, а где зло.

Неожиданно я понял две вещи. Во-первых, я осознал, что Скрипичник точно так же манипулировал мною. Только Скрипичник действовал исподволь, был терпеливее и осторожнее, поэтому я просто не понимал, что мое существование не-

нормально. Я тоже играл, вживаясь в разные роли и стреляя по мишеням. Я избежал нравственных мук, потому что подходил к себе с другими мерками; я исполнял повеления своего господина, потому что в мое сознание внедрили убеждение: это правильно, так и должно быть. Мики делал то же, но по другим причинам. Пигмалион просто пользовался его неискушенностью. Скрипичник долго и планомерно формировал меня; Пигмалион шел к своей цели кратчайшим путем.

Второе открытие, сделанное мной в этот момент, касалось того душевного изъяна, на который указал мне Кроули. Я понял, чего мне не доставало. Я не умел сострадать. Я никогда не знал сострадания, да и не нуждался в нем до тех пор, пока Койот не изменил кардинально мою жизнь. Но и после перевоплощения я так и не научился состраданию. Все мои добрые поступки объяснялись желанием усилить свое влияние на людей. Когда — как же давно это было! — я заставил Рока Пелла дать деньги семье, которая приютила меня после побега от Жнецов, мною двигало желание подчинить его своей воле, а не проявить доброту. Щедрое жалованье, которое я назначил рабочим на время нашей операции, тоже служило этой же цели.

Койот, мой предшественник, всегда говорил тем, кому помогал: «Заплатите следующему». Благодаря этому люди, которые были ему чем-то обязаны, рассматривали помощь другим как совершенно естественный поступок. Он и сам, помогая другим,

действовал бескорыстно. В конце концов он совершил высший акт сострадания, когда умер, чтобы дать мне возможность нанести поражение Скрипичнику, а теперь и Пигмалиону. Он погиб, чтобы я мог подарить жизнь многим, многим другим.

— Мики, хотя Пигмалион избавил тебя от болезней, он украл у тебя детство. Может быть, ты пока не понимаешь этого, но он отнял у тебя то, чего никто не в состоянии тебе возместить. Поэтому твой отец был разгневан и опечален. Он решил бороться с Пигмалионом, чтобы Пигмалион больше никому не мог причинить зла. Твой отец вступил в трудную и долгую борьбу вместе с другими, кто хотел остановить Пигмалиона. Он помог спасти жизнь многим людям, но сам убежаться не смог. И все же он нанес ущерб нашему врагу. Благодаря ему Пигмалион теперь не так силен, как раньше.

С мужского лица на меня смотрели глаза маленького мальчика.

— Он не остановил Пигмалиона?

— Нет. Твоего отца ранили, сильно ранили. — На лице Мики отразилось замешательство. — Создания Пигмалиона играют грубо.

Мальчик-мужчина выбросил вперед правую руку и в мгновение ока убрал ее.

— Я тоже могу играть грубо.

Я подавил в себе ту часть личности, которая желала привлечь Мики в полноправные союзники, и покачал головой.

— Я знаю, но сейчас не время для грубой игры, Мики. Твой отец не хотел бы этого, не хочу и я. С другой стороны, мне действительно нужна твоя помощь.

Мики выжидательно посмотрел на меня. Его глаза блеснули.

— Мы с мистером Кроули собираемся отправиться в поездку. Мы хотим найти место, где держал тебя Пигмалион.

— Плохое место.

— Да, плохое место.

Мики кивнул:

— Это очень далеко.

— Я знаю, но мы думаем, что нам известен короткий путь. Мне нужно, чтобы ты сказал мне, оно это или нет, хорошо?

— Да.

Я улыбнулся ему:

— Мики, некоторые люди могут не понять, почему мы разыскиваем Пигмалиона. Они могут попытаться помешать нам.

— Они будут играть грубо?

— Да. — Я посмотрел на него, увидел машину-убийцу, в которую он снова мог превратиться, и вздрогнул. — Ты можешь защищаться, но постарайся не причинять никому вреда. Не ломай их, понимаешь?

Мики торжественно кивнул:

— Папа сказал, что я уже большой мальчик и должен вести себя как большие.

— Правильно, — подтвердил я убежденным тоном. Мики явно не имел представления, что

большие мальчишки играют с оружием и играют грубо. Глядя на его наивную улыбку, я не испытывал никакого желания просветить его на этот счет. Пигмалион украл юность у его тела, и я не собирался старить его душу.

Я не знал, было ли это состраданием, но не сомневался, что ни один Темный Властелин не упустил бы возможности усугубить страдания Мики. Я предположил, что, действуя против обычая Темных Властелинов, не могу сделать слишком уж большой ошибки.

Я почувствовал, что пустота в моем сердце заполнилась, и улыбнулся Мики.

— Итак, давай соберем кое-какие пожитки и — в путь.

— В плохое место.

— Правильно. Сначала совсем ненадолго, потом, очень скоро, еще раз...

Мики прищурился:

— Мы будем делать кому-то хорошее?

Мысль о том, чтобы сделать хорошее Темному Властелину, потрясла меня до глубины души.

— Мы постараемся, Мики. *Если и нет, то мы убьем Темного Властелина, а это, по моим заповедям, хорошо само по себе.*

26

Мы с Кроули оба хорошо понимали, что присутствие Мики сильно затруднит нам проникновение на засекреченный строительный объект.

Как известно, у пятилетних детей очень рассеянное внимание. Будь мы с Кроули вдвоем, мы бы просто выдали себя за рабочих и вошли бы на территорию стройки вместе с остальными. Но Мики, хотя внешне мог бы сойти за взрослого рабочего, несомненно, привлек бы к себе внимание своим чересчур детским поведением.

План, который мы выработали, был смелым до дерзости. Воспользовавшись связями Сина, мы вышли на людей, которые выписывали пропуска и сопроводительные документы, и получили для меня удостоверение на имя Саймона Майклза (для меня) из ревизионно-финансового отдела компании. Син уверял, что руководители проекта считают РФО корпоративным аналогом государственной финансовой инспекции и скорее согласятся сделать полноценный массаж прокаженному, нежели останутся в моем присутствии дольше необходимого.

Для Мики и Кроули мы заказали документы иного рода. Мики должен был играть Мики, молодого человека с задержкой в развитии, сознание которого осталось на уровне пятилетнего ребенка. Кроули превратился в Дамейна Коллинза, председателя крупного попечительского фонда, основанного семьей отца мальчика. Их обоих снабдили пропусками для гостей, а Мики на лацкан синего пиджака прикрепили табличку с надписью «Привет, я — Мики!». Хейди Стилетто мы заменили мышью из мультика с гораздо более добродушной внешностью. Эта замена доставила

Мики удовольствие и помогла ему привыкнуть к новой роли.

К тому времени как мы получили наши удостоверения, немного поспали и сменили одежду, Джитт вычислила месторасположение строительного участка. По ее данным получалось, что строительство ведется немного южнее и восточнее Череп-горы в Невадской пустыне. Это место находилось на территории старого полигона министерства энергетики, которое проводило там подземные ядерные испытания. Я сомневался, что «Билдмор» возводил свое сооружение внутри одной из воронок, оставшейся после взрыва, но местоположение объекта отбивало охоту у случайных людей приближаться к нему.

До Лас-Вегаса мы добрались на «Перегрине», принадлежавшем «Лорике», а там взяли напрокат «рэндж-ровер» и отправились на север по Девяносто пятой автостраде. Через сорок миль мы свернули и еще пятнадцать миль тряслись по извилистым горным дорогам, пока не добрались до городишки с громким названием Меркурий. «Ровер» справился с дорогой прекрасно, но я знал, что еще несколько месяцев назад нам бы здорово досталось во время этой поездки, поскольку дорожное покрытие явно обновили совсем недавно.

Меркурий можно назвать городком-призраком. Большую часть зданий здесь построили еще в позапрошлом столетии, когда серебряные рудники обеспечивали процветание поселения. Потом рудники иссякли, и городок начал вымирать, но пос-

ле Великой Депрессии возродился снова в качестве зимней гавани для тех, кто ненавидит разгребать лопатой снег. К старым домам добавились более современные, но их состояние было немногим лучше, чем у тех, что были построены в девятнадцатом веке.

Ядерные испытания в середине прошлого столетия едва не сгубили городок окончательно. Здесь остались жить только упрямцы или безрассудные смельчаки. Однако с началом строительства в городишко вернулось что-то от бывшего благополучия. Меркурий снова переживал бум. Несколько зданий щеголяли свежей краской и спешно намалеванными вывесками, объясняющими строительным рабочим, где находятся салуны и бордели. Эти свежеекрашенные дома придавали всему городку вид наполовину цветного фильма, где остальные декорации, призванные создать впечатление ветхости и дряхлости, были выполнены в унылых тонах грязи и необожженного кирпича.

Мы прибыли в Меркурий в полночь и потому увидели его на фоне холма, окруженного сиянием искусственной зари, полыхающей на севере. Я направил «ровер» туда, осторожно лавируя в толпе людей, бредущих в обоих направлениях по главной улице Меркурия. Еще через двадцать миль горная дорога делала крутой поворот, и нашим глазам впервые открылся вид на новую базу Пигмалиона.

Несмотря на то что я видел чертежи, грандиозность сооружения меня поразила. Открывшая-

ся перед нами панорама напомнила ферму механических муравьев. В земле были проделаны огромные дыры; из-за тяжести оборудования, которое должны были там установить, их оставили открытыми. Ряды огромных прожекторов — они могли осветить дюжину Ригли Филдс — превратили ночь в день. Само здание было уже возведено, и нижние два этажа были уже полностью завершены и закрыты от любопытных глаз бетонными стенами. На остальных этажах кое-где уже настилали полы.

Кроули посмотрел на меня и покачал головой.

— Невероятно. Здесь можно разместить пару дивизий, и никто ничего не узнает.

Я вынужден был согласиться. Стальные брусья, очерчивающие контуры надстройки, казались крошечными по сравнению с подземной частью сооружения. Когда строительство завершится, надземная часть постройки будет выглядеть, как небольшой офис-особняк богача, желающего пожить вдали от цивилизации. Я не сомневался, что после того, как дыра будет заделана и пустынный ландшафт приобретет первозданный вид, никто не станет задаваться вопросом: а что здесь, собственно говоря, такое?

Я показал на высоковольтную линию, протянутую откуда-то с юга.

— Похоже, геотермальные генераторы еще не подключены. Ее провели от Гуверовской гидроэлектростанции.

— Согласен, хотя это еще не означает, что генераторы не действуют. Возможно, они просто пока не используются, потому что Мак-Нил наживается на счетах, которые выставляет Пигмалиону за энергию.

— Интересная мысль.

Мы спустились с холма и притормозили: нам преградил путь первый контрольный пункт. Мужчина в клетчатой фланелевой рубашке зевнул и скосил на меня глаза, сравнивая мою физиономию с фотографией на пропуске. Он молча махнул рукой вперед, и я направил машину по прямой и очень ровной дороге ко второму контрольному пункту. Он находился сразу за временной автомобильной стоянкой, где, как я сообразил, рабочие оставляли свои машины, когда приезжали на участок.

Вооруженный охранник в синей с золотом униформе «Билдмора» махнул мне рукой, приказывая остановиться и открыть окно. Я подчинился и с улыбкой протянул ему свое удостоверение.

— Добрый вечер, мистер Кван. Спокойная ночь?

Охранник взглянул в мое удостоверение, потом на мое лицо.

— Да, сэр, все тихо. — Он посмотрел на Кроули и Мики. — Мне нужны и их пропуска.

— Конечно, как глупо с моей стороны! — Я вручил ему карточки, которые он просил, и лукаво сказал Кроули: — Как видите, Дамейн, у нас в охране очень бдительный персонал. Они стоят каждого цента, который *мы* им платим.

Как ни был тонок мой намек, Кван его понял и на мгновение подобрался. Он вернул мне карточки:

— Все как будто в порядке. Вы можете поставить машину... — начал объяснять он, повернувшись к стоянке, но я посмотрел вперед, на здание, и он проследил мой взгляд. — ...там, рядом с трейлером руководителя проекта. Во время этой смены здесь всем заправляет мистер Престон, и, я уверен, он захочет поговорить с вами.

— Благодарю, мистер Кван, я ценю вашу помощь.

Я услышал в ответ: «Всегда к вашим услугам», но его глаза говорили, что он надеется исчезнуть из моей памяти в ту же секунду, как скроется из виду.

Я поставил машину за «фордом», рядом с трейлером, и мы все втроем выбрались из нее. Мики и Кроули остались возле «ровера», а я быстро взбежал по ступенькам, легонько постучал, сразу же потянул на себя дверь и вошел в узкое помещение мозгового центра проекта.

Человек в белой рубашке с закатанными по локоть рукавами отвернулся от окна и посмотрел на меня.

— Билл Престон. А вы?..

— Майклз из РФО. Мне нужны три каски, чтобы отвести их на экскурсию по строительной площадке.

Престон нахмурился:

— Меня никто не предупреждал о вашем приезде.

Я непринужденно улыбнулся ему с таким видом, словно хотел сказать: «Если б вы знали, вы бы здорово посмеялись».

— Это очень скромный и совсем небольшой визит. Я ничего не говорил вам, а вы ничего не слышали, но этот молодой человек, вполне возможно, незаконнорожденный сын некоего бывшего вице-президента и тележурналистки.

Строительный босс снова выглянул в окно.

— Рост вроде тот, но он выглядит чересчурмышленым. Можно подумать, вице-президенту больше нечего делать, кроме как развлекаться с тележурналистками.

— Вы ведь в самом деле так думаете, не правда ли? — Я понизил голос до заговорщического шепота. — Вы знаете, вице-президент всегда пропагандировал ценность семьи, поэтому его собственная семья приняла единственно правильное решение. Они учредили крупный попечительский фонд на имя ребенка и убрали дитя с глаз долой. Дамейн Коллинз — его опекун. Мальчик пошел в отца — тело мужчины и ум пятилетнего ребенка.

— Яблоко от яблони недалеко падает, — фыркнул Престон.

— Похоже на то. — Я вдруг задумался, как это Сину удалось не получить в наследство чуточку своего папеньки, но быстро отогнал эту не слишком приятную мысль. — Мне хотелось бы устроить им небольшой осмотр. Ребенку нравятся мигающие огоньки и всякая техника, поэтому я всюду буду водить его с собой.

— Вам нужен гид?

Я нахмурился, изображая сомнение, потом хитро улыбнулся:

— Мы ведь не хотим отрывать вас от высокопроизводительного труда, верно?

— Да, да, конечно. — Он показал было на полку с касками, потом встал, обошел стол и лично вытащил для меня три штуки. Пока он доставал каски, я бросил взгляд на светокопию чертежа у него на столе и увидел на западной стороне большое синее пятно с надписью «Прекрасная Леди».

Престон увидел, куда я смотрю, и нервно улыбнулся.

— Эта часть проекта закончена раньше срока. Без перерасходов.

— Чудесно. Не беспокойтесь, мистер Престон, я здесь не для того, чтобы проверять вас. На этот раз. — Я кивнул ему и взял белые пластмассовые каски. — Благодарю вас за сотрудничество.

— Если я могу что-нибудь еще для вас сделать... — Он запнулся, увидев, что из-под каски, прижавшей мою куртку к груди, выпирает кобура с пистолетом. Жалкое подобие улыбки исчезло, и его лицо приняло озабоченное выражение. — Ребята на участке могут занервничать, если увидят оружие.

Я вздернул бровь.

— Оружие нервирует их больше, чем человек из РФО?

— Э... Нет, вероятно, нет.

— Я ценю вашу заботу, мистер Престон. Вы, возможно, не поверите, но некоторые люди в «Билд-море» почему-то не любят людей из РФО. А мне нравится чувствовать себя в безопасности.

— Я понимаю вас, сэр. То есть то, что касается безопасности.

— Не сомневаюсь в этом. Продолжайте в том же духе, мистер Престон.

Я закрыл за собой дверь трейлера и спустился по металлическим ступенькам. Бросив по каске своим спутникам, я надел свою и направился к центру базы. Когда мы отошли от трейлера на безопасное расстояние, я сказал Кроули:

— В проекте принимает участие «Прекрасная Леди». Похоже, у них на каждом этаже по участку размером с городской квартал, примерно под вертолетной площадкой. Хотелось бы думать, что мы ищем именно это, но я не могу представить себе, чтобы Пигмалион был настолько глуп. Дважды использовать одно и то же название для группы, которая ведет его дела здесь, на Земле, — идиотизм чистой воды!

— Ты забываешь, друг мой, о поразительном высокомерии Темных Властелинов. Возьми немислимую личность вроде Никласа Ханта, дай ему неограниченную власть, и он начнет увлекаться маленькими шутками, понятными лишь ему одному. То, что он считает умным ходом, на самом деле — избитый трюк. Он совершает в высшей степени дурацкие ошибки, потому что хочет,

чтобы кто-нибудь разобрался в истинном положении вещей и оценил его остроумие.

— Вроде режиссеров, которые играют эпизодические роли в собственных фильмах, — предположил я.

— Или писателей, которые описывают себя в книгах, или, что еще хуже, заставляют своих персонажей изрекать и отстаивать взгляды писателя на данный предмет. Нарциссизм, который выдается за творческие способности. На самом деле это просто дешевый трюк, утоляющий их жажду возвысить свое эго. — Кроули пожал плечами. — Пигмалион считает себя Художником и хочет заставить всех плясать под свою дудку. Символы много для него значат, вот он и цепляется за название своих компаний.

Мы поднялись на четвертый этаж. Рабочие не обращали на нас особого внимания, и нам оставалось только отвлекать внимание Мики от сварщиков, за работой которых он непременно хотел понаблюдать. Мы справились с этой задачей без особых проблем и добрались до участка, где работы вела «Прекрасная Леди». Как мы и ожидали, перед входом на территорию «Леди» стояли два охранника в форме «Билдмор». У них был расстроенный вид, и я немного встревожился, но, поскольку они не окликнули нас и не схватились за винтовки, я решил, что нас пока еще не раскусили.

Мы проникли на участок «Леди», и Кроули выразительно кашлянул.

— Мы явно уже не в Канзасе, Тото. Посмотри-ка на это.

То, что я увидел, произвело на меня сильное впечатление. Вся секция состояла из шахты, идущей от поверхности до самого дна сооружения. Шахта была квадратной, а в ее центре размещался цилиндр приблизительно пятнадцати метров в обхвате, который связывал все уровни между собой. По внешней границе каждого этажа шел заградительный барьер из черного матового стекла. Он отмечал границу участка и предохранял рабочих от случайного падения. Барьер представлял собой сплошное кольцо, разорванное в северной и южной точках.

От этих двух разрывов вели наверх пандусы трех с половиной метров в ширину. Примерно на семь метров они поднимались под углом в тридцать градусов, потом выравнивались на высоте трех метров над уровнем этажа. Пандусы были присоединены к диску, метров шести в диаметре, сделанному из того же материала, которым были покрыты стены и пол внутри цилиндра. Две опоры прочно удерживали диск в центре, но между диском и цилиндром оставалась достаточно широкая щель, и тому, кто поднимался на диск, нужно было соблюдать осторожность, чтобы не ухнуть вниз с немыслимой высоты.

Наверху, перпендикулярно пандусам, возвышался голубой кристалл. Я не видел никакого шва между диском и кристаллом, но понимал, что едва ли они сделаны из одного материала. Не за-

метил я и какого-либо каркаса внутри кристаллической структуры, но каким-то образом она выросла в полый прямоугольник с закругленными снаружи и внутри углами. Все сооружение имело около семи метров в ширину и трех с половиной — в высоту и, казалось, было сделано из цельного кристалла с естественными гранями. По крайней мере я не заметил никаких следов обработки.

Я повернулся к Кроули, собираясь спросить его, что это такое, но он уже обходил цилиндр с восточной стороны, направляясь к панели управления. Я никогда еще не видел в Америке устройства с таким большим количеством кнопок — причем ни на одной из них не было значка, указывающего, для чего она предназначена. Вглядевшись в панель повнимательнее, я понял, что где-то уже видел нечто похожее, и неожиданно вспомнил управляющее устройство межпространственных врат, которыми воспользовался в Плутонии.

— Это действительно то, о чем я подумал? — спросил я Кроули.

Кроули нахмурился:

— Тот, кто их сделал, хотел создать такое впечатление, но на самом деле эта штука не работает.

Каждая кнопка на трехметровой решетке мерцала одним из цветов спектра. Я понял, что за фиолетовой полосой идет невидимая, ультрафиолетовая, а за ней — кнопка, отключающая устройство. Выбор сочетаний цветов программировал межпространственные врата на связь с другими

вратами. Если эти далекие врата были настроены на прием, можно было в одно мгновение переместиться в другую точку пространства.

Кроули нажал несколько кнопок и набрал новый цветной узор. Я посмотрел на врата и убедился, что ничего не изменилось. Кроули немного подождал, потом вернул первоначальную комбинацию узора.

— Энергия к этой штуке подведена, но связь с любыми вратами по выбору не устанавливается. Я набрал код врат в логове Пигмалиона. На панели должен был высветиться новый рисунок; я бы его дополнил и открыл бы те врата, но, как видишь, — ничего.

Я показал на кристаллический прямоугольник.

— Так это межпространственные врата или нет?

Он пожал плечами:

— Думаю, да. По-видимому, они все же могут работать, только я не представляю себе, каким образом. В любом случае, если я прав, в этом кристалле закодировано место назначения и его нельзя изменить. — Он протянул руку к правой стороне консоли и кивнул: — Переключатель энергии в положении «включено»

Мики насупился:

— Они ведут в плохое место?

— Может, выясним? — предложил я и расстегнул кобуру своего «крайта». Кроули вынул «беретту», которую выбрал для этой экспедиции. Мы с самого начала знали, что попытаемся пройти в любые пространственные врата, которые нам уда-

стся отыскать, и предпочли бы взять с собой оружие помощнее. К несчастью, путь, выбранный нами для проникновения на базу, исключал такую возможность, и нам пришлось обойтись пистолетами с бронебойными пулями, покрытыми тефлоном. Едва ли их можно было бы назвать утонченным оружием, но, если наши дела пойдут скверно, нам будет не до утонченности.

Я первым поднялся по пандусу и встал у одного края кристаллического прямоугольника. Кроули занял место у второго, а Мики встал между нами.

— На счет три, джентльмены, — сказал я. — Раз... два... три.

Обычно, проходя через межпространственные врата, теряешь ориентацию. Перед глазами у меня замелькали цветные пятна — на той стороне сиял яркий солнечный свет. Вместе со светом на нас обрушилась жара, и мне без труда удалось бы поверить, что мы просто сменили ночь на день в пустыне Аризоны, если бы воздух не пах по-другому и не был бы еще суше. Хотя никто из нас не испытал неприятных ощущений, обычно сопровождающих переход, я знал, что мы далеко от Земли.

Когда мои глаза адаптировались к дневному свету, я обнаружил, что стою на платформе башни, созданной из того же голубого кристалла, что и врата на базе в Неваде. Я посмотрел вниз и увидел, что диск у меня под ногами покрыт черным шероховатым материалом, как и диск на

другой стороне. Я не мог бы с полной уверенностью сказать, существуют ли диск и кристаллический прямоугольник в двух мирах одновременно, или я вижу в этом мире их двойников.

Снаружи, за башней, до самого горизонта раскинулся город из черного обсидиана, построенный посреди безбрежной пустыни. Дальние здания казались игрушечными карточными домиками, сложенными из каменных плит, но центр города был настоящим произведением искусства. Казалось, каждое здание здесь не столько строили, сколько ваяли, и у меня не вызывало сомнений, что вид на город с воздуха был бы просто ошеломляющим, как ацтекский каменный календарь или рисунки на плато Наска.

Впрочем, прекрасное видение не слишком долго удерживало мое внимание. Мики, стоявший справа от меня, энергично кивнул, без слов подтверждая, что мы прибыли в плохое место. Я посмотрел на призрачную фигуру Кроули, стоявшего за Мики. Он тоже понял, что означал кивок мальчика. Мы добрались до места нашего назначения, и теперь нам надо было возвращаться, если это возможно.

К несчастью, к северу от нас стояли еще трое мужчин и тоже любовались видом на город. Двое из них были одеты в строгие костюмы с белыми рубашками и носили короткую стрижку, как принято у молодых руководящих работников. На третьем, долговязом и неуклюжем, была форма охранника «Билдмора», которая только подчеркивала его

узкие плечи и недостаток мускулатуры. Жесткий воротничок болтался вокруг тощей жилистой шеи.

— Конечно, пока это только испытательный полигон в Саудовской Аравии, потому что они вложили свои нефтедоллары в строительство в Неваде, но, подождите, вот подцепим Гавайи... — гудел охранник. Его спутники заметили нас первыми, и он повернулся проследить направление их взглядов. — О, здравствуйте, — начал он, потом голос у него вдруг сел, а рука потянулась к пистолету на правом бедре. — Я вас узнал. Вы — Тихо Кейн.

27

— А вы — Ватсон Додд. — Я напустил на лицо свирепое выражение. — Эй вы там! — и не обращая внимания на пистолет Додда, широкими шагами подошел к нему вплотную.

Кажется, прошла целая жизнь с тех пор, как я познакомился с Доддом и его женой. Нас познакомила Марит Фиск, доверенная помощница Койота. Мы с ней были любовниками, и разрыв между нами произошел в высшей степени неприятно. Додд в то время работал в «Билдморе», в отделе управления, а обрывок разговора, который мне удалось только что подслушать, показывал, что теперь он занялся маркетингом. Когда Синклер ушел из «Билдмора», Додд занял его место руководителя отделом безопасности, потому что Дариус хотел видеть на этом посту марионетку,

полностью послушную его воле. Теперь я понял, почему у охранников были такие кислые физиономии.

Я понимал, что блеф, который я задумал, может не сработать, и тогда мне останется только убить Додда и двоих его спутников. Мне совсем этого не хотелось — не столько потому, что жена Додда два месяца назад была беременна, сколько из-за Мики. Видимо, я все же немного научился состраданию.

Я с трудом удержался от улыбки, подумав, что для спасения Додда мне нужно как можно убедительнее изображать свирепость. Я понизил голос и заговорил злым шепотом:

— Какого дьявола вы здесь делаете, Додд?

Ватсон растерянно заморгал и поправил темные очки на переносице своего длинного носа.

— Я... я отвечаю здесь за охрану; по-моему, это я должен задавать вопросы.

Я впился в него таким жестким взглядом, что, вероятно, мог бы пробуравить дырки у него в голове.

— И это вы называете охраной? Да если бы вы делали свою работу, как бы я здесь очутился, по-вашему? Когда я узнал, кто отвечает за охрану объекта, мне и в голову не могло прийти, что порученная мне проверка принесет такие результаты. Как выяснилось, проникнуть сюда — пара пустяков. Вы разочаровали меня, Додд, а султан будет просто разгневан.

— Что? Какой султан?

Я покачал головой:

— Ладно, я сейчас кое-что скажу вам, но вы немедленно забудете мои слова. Вы ничего не слышали. Единственная причина, по которой я это делаю, — память о Мерит. Понятно?

Он кивнул, сгорая от желания приобщиться к тайне.

— Я слышал, как вы говорили этим двоим, что это Саудовская Аравия. Любой, у кого не наблюдается размягчения мозгов, поймет, что это не может быть Саудовской Аравией. Это Бруней. Султан нанял меня проверить, как обеспечивается секретность операции. Даже Мак-Нил не знает, что я здесь. И не должен знать. Если он выяснит, что я сюда проник, вы вылетите с работы, а я не хочу подкладывать такую свинью приятелю Марит.

— Что с ней случилось?

Мгновение я размышлял, не сказать ли ему правду. Какая-то часть моей личности хотела знать, как он воспримет известие, что Марит завербовал один из приспешников Скрипичника; и, благодаря ей, Темный Властелин чуть не захватил Феникс и всю планету в придачу.

— Мы работали на султана, собирали для него информацию по инвестициям. Ее убрали конкуренты. — Я бросил взгляд на двух спутников Додда. — Кто они такие? Их нужно ликвидировать?

Глаза Додда полезли из орбит:

— Убить их? Нет! Это просто мои знакомые. Они в порядке.

— Если вы за них ручаетесь, этого достаточно. Но им придется развить у себя амнезию.

— Что?

— Они никогда не видели ни этого места, ни нас, понятно?

— Понятно.

— Хорошо. — Я нахмурился. — Послушайте, Додд, я не хочу докладывать султану о вашем промахе. Давайте договоримся так: я пришлю вам по факсу пароли и отзывы, и в районе следующего четверга приеду с повторной проверкой. Нас будет немного, небольшая группа, как в этот раз. Проследите, чтобы ваши люди проявили себя с лучшей стороны. Мы должны произвести хорошее впечатление на султана.

Додд принял торжественный вид и кивнул:

— Я ценю то, что вы для меня делаете. Работа в охране мне пока еще в новинку.

Я улыбнулся:

— Дотти еще не родила?

Додд расплылся в широкой, до ушей, улыбке.

— Родила. У нас мальчик, Чиппер.

Надеюсь, он будет похож на мать.

— Замечательно. После следующей проверки мне хотелось бы навестить вас, если вы не возражаете.

Охранник энергично закивал:

— Мы будем очень рады.

— Хорошо, тогда договоримся обо всем при следующей встрече. Завтра или послезавтра получите мой факс.

— Буду с нетерпением ждать.

— И позаботьтесь об этой парочке, хорошо? — В этот момент куртка у меня распахнулась, и он увидел пистолет.

— Да.

— Чудесно. Тогда до скорой встречи. — Я хлопнул его по плечу и направился обратно к пандусу, а по нему поднялся к воротам.

На другой стороне я немного помедлил, призывая к ночной темноте, и рассмеялся от облегчения — все же мне удалось провести Додда. Посмотрев на часы, я увидел, что наше маленькое путешествие в другое протоизмерение передвинуло стрелки почти на двенадцать часов, но цифры в окошке показывали правильное время: 3.05 утра.

Кроули и Мики догнали меня на платформе, и мы в молчании покинули стройку. В машине, по пути к Меркурию, я обернулся к Кроули.

— Ну и как, есть у тебя какая-нибудь гипотеза по поводу этих врат?

Кроули свел брови к переносице.

— Я видел то же, что и ты. Догадка, конечно, имеется. По сути, она заключается в следующем: этот кристалл либо сосуществует в обоих измерениях — что потребовало бы невообразимого количества энергии, а я не заметил ничего, указывающего на присутствие столь мощного источника, — либо есть два кристалла с идентичной решеткой. Вероятнее всего, один из них — точная копия другого. Когда через них качают энергию, возникает своего рода мост, связывающий кристаллы. Ты заметил, что переход не вызвал обычных ощущение

ний? Я слышал разговоры о таких вратах, но увидел их впервые.

— Мики, это то самое плохое место?

— Угу.

— Хорошо. Теперь остается только протащить туда Скрипичника и направить его на Пигмалиона.

Кроули криво усмехнулся:

— У меня такое ощущение, будто мы собираемся открыть кингстоны и потопить корабль, чтобы избавиться от крыс.

— Может, так оно и есть, но когда крыса становится капитаном корабля, почти любое решение, способное принести результат, сгодится.

Кроули спросил, о чем я говорил с охранником.

— Я сказал ему, что мы проверяем надежность охраны объекта по заданию лица, финансировавшего проект. Я предупредил его, что отправлю по факсу пароль и отзыв, чтобы они были у него к четвергу, когда мы вернемся с повторной проверкой.

— В общем, лис дал указания цыпленку, как лучше охранять курятник.

Я кивнул:

— Что-то вроде того.

— Думаешь, он купился?

— Не знаю, но надеюсь, что да. — Я усмехнулся. — Если он выполнит мои инструкции, нам будет несложно прорваться туда еще раз и сделать то, что нужно. Если нет...

Мики подался вперед с заднего сиденья.

— Мы будем играть грубо.

— Очень грубо, Мики. Очень-очень грубо.

Зло может быть

«Перегрин» приземлился на башню «Лорики» перед самым восходом. Я продиктовал указания для Лилит, потом четыре часа поспал. Я бы предпочел обойтись без сновидений, но образ погибшей Марит снова и снова возвращался ко мне. Я пытался управлять своими снами, но кошмары снова и снова обрушивались на меня.

Та личность, которой я был большую часть своей жизни, не придала бы этим снам никакого значения, но я изменился. Я не знал, любил ли я Марит по-настоящему — можно ли любить, не зная сострадания? — но моя новая личность требовала, чтобы я снова проанализировал смерть этой женщины. Она меня предала, и я застрелил ее. Был ли у меня иной выбор? Действительно ли она должна была погибнуть?

Я не настолько глуп, чтобы попасться в ловушку чувства вины. Марит предала Койота, меня и остальных. Она вступила в союз с созданием, которым Скрипичник заменил Нерис Лоринг. Она обрекла своих друзей на смерть и едва не убила меня самого. То, что она заслуживала смерти, не вызывало сомнений. Но я хотел знать, не существовало ли другого пути. Мог ли я справиться с ней, не убивая ее?

Нет, не существовало. Марит не оставила мне выбора. Она поставила на карту все против обещания бессмертия и вечной молодости. Второе

условие я выполнил — она никогда не состарится. Я бы предпочел, чтобы все вышло иначе, но, соединив точки, я нарисовал картинку, где ей не осталось места.

Я вылез из постели, принял душ и надел спортивные брюки, тенниску, достаточно свободную, чтобы мой бронежилет оставался под ней незаметным, и разношенные туфли. Потом я позвонил Бату и выслушал ворчливое согласие в ответ на свои просьбы. После этого я вызвал Лилит. Она сообщила мне, что уже занялась списком, который я ей оставил, и все необходимое будет доставлено к вечеру.

Бата я, в числе прочего, попросил организовать мне одну встречу в Затмении, в крошечном ломбарде, притулившемся у громады Центра. Когда я вошел туда, мне показалось, что там вообще ничего не изменилось с моего прошлого визита. Как и несколько месяцев назад, за прилавком сидел подросток и хихикал над книжкой. На этот раз он читал Роджера Желязны «Ночь в унылом октябре». Я улыбнулся, когда он оторвал от книжки глаза, пробормотал: «Снафф — убийца», и снова углубился в чтение.

Пробираясь между пыльными полками, я разглядывал обломки отходящей в прошлое цивилизации. Я увидел множество приборов, произведенных в Соединенных Штатах десятка два лет назад и ржавеющих здесь, потому что бывшие владельцы не знали, как устранить какую-нибудь мелкую поломку, и потому обходились менее каче-

ственным товаром из России или из Мексики. Людское нежелание чему-либо учиться приводило к тому, что многие мои собраты отказывались от маленьких открытий и радостей жизни.

Я добрался до задней двери и нажал кнопку, открывающую замок. За дверью был длинный узкий коридор, который поворачивал сначала налево, потом направо. Он привел меня к тяжелой стальной двери. Перископ, нацеливаясь на меня, повернулся на шарнире, потом дверь бесшумно открылась. Я спустился по винтовой лестнице и вошел в низкий бункер, заваленный самым разнообразным оружием.

Карлик, хозяин бункера, щелкнул ручкой перископа, и тот убрался в пол.

— Добрый день. Когда мы виделись с вами в последний раз, я считал вас Тихо Кейном, но по телевизору сказали, что вы были Микаэлем Лорингом, когда вас чуть не убили пару недель назад.

Я пожал ему руку и улыбнулся:

— Вы же не верите всему, что говорят по телевизору, не правда ли, мистер Йонек?

— Правда. — Бронислав Йонек вскарабкался на табурет за прилавком. — К счастью для вас, Бат упомянул, что вы известны также под именем Койот. Вы не похожи на того Койота, которого я знал, но я рассудил, что вы не носили бы этого имени, если бы не имели на это права. Что вам угодно?

Я оглядел тускло освещенную комнату, приглядываясь к предметам, наполовину скрытым

столбами, которые подпирали потолок. Боевой экзоскелет Чрислера возвышался в задней половине комнаты, заслоня собой груды ящиков и упаковочных клеток. Справа от меня, на том пятачке, который мог сойти за приемную для клиентов, Йонек поместил стенд с образцами оружия. Я осмотрел его и, только потом приступил к изложению своего заказа.

— Оплата будет высокой. Мне нужно пополнить мой отряд надежными людьми.

Йонек сделал пометку в блокноте, который держал на колене.

— У меня есть связи с одной компанией, которая поддерживает коммуну сервайвелистов. Их персонал состоит из бывших рейнджеров. Прекрасная репутация и большой опыт. Это очень высокооплачиваемые специалисты.

— Замечательно, свяжитесь с ними. Работа на одну неделю с возможным увеличением срока до двух-трех недель. Обычная компенсация и премия после заключения контракта, оплата по завершении работы. Мне нужны только те, кто обучен вести бой в ночных условиях. Кроме того, они должны пройти специальный тест в фонде «Солнце Надежды». Те, кто отсеется в результате проверки, все равно получают наградные и останутся в резерве на случай, если понадобятся нам позже.

Карлик, улыбаясь, делал пометки.

— Сколько людей?

Вопрос был не в бровь, а в глаз. Остатки кадров японского Совета внутренней безопасности

нужно было оставить в Японии для прикрытия. Я не сомневался, что император дал бы нам столько людей, сколько потребуется, но вести войну в пустыне они плохо умели. Я решил обойтись без японцев и надеялся, что, если мы потерпим полное или частичное поражение, они смогут составить ядро сопротивления тому Темному Властелину, который одержит победу.

— Минимум — сотня, максимум — полторы, с минимальным резервом в полсотни. Будет очень жарко. Я даю надбавку каждому, кто сможет быть пулеметчиком на «Перегрине». Пусть все ставки и премии будут на пятьдесят процентов выше обычных, а для пулеметчиков — на сто.

— Вы собираетесь развязать войну, Койот?

— Напротив, надеюсь ее предотвратить. — Я закусил нижнюю губу. — Мне нужно двести пятьдесят бронежилетов военного образца, столько же штурмовых винтовок и по тысяче бронебойных патронов на каждую. Половина должна быть в обоймах, остальные — россыпью. Я хочу приобрести двести пятьдесят инфракрасных очков. Еще мне нужно четыре тяжелых пулемета типа М-2, два из них — на «Перегрины». К ним — четыре тысячи зажигательных патронов. Мои техники уже работают над установкой систем управления огнем. Вы можете достать реактивные снаряды Сайдвиндера?

Йонек задумчиво поджал губы.

— Да, но я не смогу установить отделяемый грузовой отсек на ваши «Перегрины». Лучше бы

«Лорика» выбрала боевые вертолеты, тогда нам оставалось бы только оснастить их оружием.

— Согласен, но это решение принимал не я. Мне нужен транспорт для перевозки войск. На «Перегринах» полетит мой авангардный отряд и четырнадцать рейнджеров. Достаньте грузовики, чтобы перевезти остальных.

— Не хотите ли несколько «Брэдли»? Я могу раздобыть полдюжины почти задаром.

Я заколебался. Броневики с их TOW-ракетами* и пулеметами обеспечили бы нам дополнительную огневую мощь. С одной стороны, в битве с Пигмалионом они не слишком быгодились, с другой стороны, могли бы помочь нам удерживать подступы к межпространственным вратам базы с нашей стороны, чтобы Пигмалион не получил помощи от своих союзников на Земле.

— Ладно, оставим их в резерве. — Я подошел к стойке с оружием. — Мне нужно пятьдесят ракет «земля-воздух», четыреста ударных гранат, четыреста осколочных гранат и пятьдесят фунтов семитека**. Я хочу начинить взрывчаткой грузовик, поэтому достаньте мне такую машину, чтобы ею можно было управлять дистанционно с одного из «Перегринов». — Я намеренно хотел создать впечатление, будто собираюсь использовать взрывчатку для прорыва на территорию противника, но на самом деле просто хотел взорвать «Билдмор», если мы не одолеем Пигмалиона.

* Радиоуправляемые ракеты, запускаемые из пусковых установок и оставляющие визуальный след.

** Пластиковая взрывчатка.

Карлик покачал головой:

— В странах Центральной Америки нет того, что вы просите.

— Значит ли это, что вы не сможете раздобыть требуемое?

Йонек уверенно покачал головой:

— Я могу раздобыть все. Когда вам все это нужно?

— Два дня достаточно? Мы скоро выступаем, чем скорее, тем лучше.

— Срочная работа? Нет проблем. Мне просто нужно доставить кое-что со склада. — Он посмотрел на меня: — Что-нибудь еще?

Я вспомнил замечание, сделанное им во время моего предыдущего посещения.

— Помнится, вы предлагали тактическую поддержку с воздуха, если мы будем действовать за пределами Затмения. Это была просто похвальба или вы говорили серьезно?

— Серьезнее не бывает. — Йонек ткнул карандашом в лежащую на прилавке папку, полную рекламных проспектов в пластиковых обложках. — Просмотрите это. Если вам что-нибудь понравится, скажите.

Я перелистал несколько страниц, дошел до картинки с вертолетом Хинда и «Бородавочником» А-10, перевернул ее и остановился. Когда я поднял глаза, Йонек улыбался с видом человека, который по достоинству оценил мой выбор.

— Вы можете достать мне один такой, с полным вооружением?

Карлик кивнул:

— У вас превосходный вкус. Это моя личная птичка. Я сам ее поведу.

— В этом нет необходимости.

— Вы не правы. Необходимость есть. — Карлик захлопнул блокнот. — Во-первых, теперь вы должны мне, около семнадцати миллионов доллармарок, и я заинтересован в защите своих капиталовложений. Есть, однако, еще одно, более важное обстоятельство. Дело в том, что за мной тоже есть должок. — Он улыбнулся. — И, говоря языком контрактов, пришло время платить по счетам.

Вернувшись в «Лорику», я еще немного поспал, на этот раз без сновидений. И очень хорошо, потому что после посещения универмага смерти мистера Йонекса у меня могли начаться кошмары. Отдохнувший и посвежевший, я опять принял душ, надел один из своих лучших костюмов и поднялся на крышу, где меня ждали Лилит и «Перегрин».

Она села за пульт управления, и мы полетели на север. Лилит ввела меня в курс дел с материально-техническим обеспечением операции, которое я поручил ей утром, надиктовав на магнитофон список необходимого. Судя по всему, мы укладывались в график или даже опережали его, и я сделал у себя пометку проинструктировать Хэла по поводу проверки наших наемников на способность видеть за пределами измерения Земли.

Путь до места назначения занял около часа. Лилит мягко посадила «Перегрин» на автостоянке в Аризоне неподалеку от Дамбы Гувера. Пока она запирала кабину и включала сигнализацию, я прошел в пассажирский отсек и вытащил довольно тяжелый чемодан. Перекладывая его из руки в руку я спустился вместе с Лилит к дамбе и сообщил охраннику, что нам назначена встреча с Полом Уорнером, ночным контролером.

Охранник позвонил по телефону, получил подтверждение и отвез нас на лифте вниз, в самое сердце дамбы. Это место вызвало у меня легкую клаустрофобию, но я мысленно рукоплескал идее расположить административные помещения внутри дамбы. При таком расположении их можно было сразу же обнаружить и устранить самые мелкие неприятности.

Уорнер выглядел как типичный гражданский чиновник. Не очень крупный, с брюшком и поредевшими темными волосами. На его столе стояла фотография женщины с двумя детьми, и я предположил, что это его семья. Он улыбнулся, когда охранник ввел нас в кабинет, и показал на два пластиковых кресла. Лилит предусмотрительно стряхнула с кресла пыль и только потом села, а я остался стоять.

Инспектор нахмурился, когда я пренебрег его гостеприимством. Я поднял чемодан и осторожно положил его по стол, сдвинув в сторону фотографию.

— Простите мне недостаток хороших манер, но у меня очень мало времени. Я благодарен вам за согласие принять нас, несмотря на то, что моя помощница обратилась к вам в последний момент.

Уорнер чуть улыбнулся:

— Мисс Акрес была весьма убедительна. Она сказала, что у вас есть деловое предложение, которое вы хотели бы со мной обсудить. — Он оглядел свой унылый кабинет, и я почувствовал его горячее желание удрать с этой работы. — Что я могу сделать для вас и «Лорики», мистер Лоринг?

Я постучал по чемодану:

— Здесь десять миллионов доллармарок в оборотных ценных бумагах и японских государственных облигациях.

— За что?

— Просто вы выиграли в лотерее, мистер Уорнер. Это только первая выплата. Вы будете получать столько же в течение всей жизни в каждую годовщину нашей с вами встречи. В случае если вы умрете меньше через двадцать лет, ваши наследники получают сумму, равную двадцати взносам. Вы меня поняли?

Уорнер мигнул и опустился на краешек стула, едва не опрокинув его.

— Боже милостивый! Чего вы от меня хотите? Чтобы я кого-то убил?

— Если бы я хотел чьей-то смерти, я дал бы пятьдесят доллармарок любому уличному громиле, и он с удовольствием выполнил бы эту работу. — Я подошел к огромной карте северной

Аризоны, юга Невады и Юты, висевшей на стене. — Еще в этом чемодане лежит сотовый телефон, очень точный секундомер, запасные батарейки к обоим приборам и полный комплект инструкций. В течение ближайшего месяца вам позвонят по этому телефону. Когда придет звонок, вы исполните эти инструкции до последней буквы. Это вам понятно?

— Двести миллионов доллармарок! — Уорнер всхлипнул и ослабил узел галстука. — За такую сумму вы могли бы купить эту чертову электростанцию с потрохами.

— Я не хочу ее покупать, мистер Уорнер. Я хочу только арендовать ее, примерно на час, может быть, меньше. Когда вы примете звонок, запустите турбины на полную мощность. Вся энергия должна пойти в электросеть Меркурия, понятно?

Уорнер тупо уставился на карту, потом кивнул.

— Конечно, жалко устраивать затемнение в Вегасе, но что за черт? Все равно я там ни разу ничего не выиграл.

Обратный путь облегченный «Перегрин» проделал чуть-чуть быстрее. Когда мы достигли воздушного пространства над Фениксом, служба безопасности «Скорпион» направила нас на запад и чуть не отказала в разрешении приземлиться на крыше «Лорики». «Скорпион» не объяснил нам, в чем дело, но я настроил радио на местную коммерческую станцию. В эфире был Чарльз Джой-

етт с сообщением о крупной краже оружия, взрывчатки и военной техники из арсенала Национальной гвардии Аризоны, который находился чуть восточнее штаб-квартиры «Лорики».

Я улыбнулся. Мы знали, где находится Пигмалион, кто охраняет подступы к нему и что нужно предпринять, чтобы добраться до него. Впервые с тех пор, как началась эта безумная война против Пигмалиона, я всерьез начал верить, что у нас есть хотя бы мизерная надежда его победить.

28

Я вошел в свои апартаменты на верхнем этаже башни «Лорики» и обнаружил, что меня ждет Нэтч. Но, заглянув в ее небесно-голубые глаза, понял, что моя посетительница — не она.

— Чему обязан такой чести? — спросил я, ослабляя узел галстука.

Алмазная Императрица заставила Нэтч чопорно пожать плечами.

— Я получила кое-какие сведения, позволяющие предположить, что ты скоро начнешь действовать. Я подумала, что ты облегчишь мне задачу, если попросишь Нэтч повсюду сопровождать тебя на предварительном этапе операции.

— Я думал об этом, но пришел к выводу, что это вызвало бы определенные трудности. Во-первых, у нас принято предоставлять информацию только тем, кому она необходима для работы, и то

только необходимую ее часть. Честно говоря, Нэтч она совершенно ни к чему. Если я введу ее в курс дела, Вета обратит на это внимание, и Скрипичник заподозрит неладное. Во-вторых, и это не менее важно, Нэтч очень привязана к Бату. Когда она вернулась, он быстро пошел на поправку. Нэтч должна быть рядом с ним, потому что в нем я нуждаюсь не меньше, чем в ней.

— Так же, как и во мне?

Я покачал головой и опустилсЯ в квадратное кресло с белой кожаной обивкой.

— На данном этапе операции — нет. Но на том этапе, где твое участие будет необходимо, — да, и даже больше того. Без них невозможно будет добраться до места, где мы сможем уничтожить Пигмалиона и Скрипичника.

Кивок Императрицы был слишком неторопливым для Нэтч.

— Я понимаю и доверяю тебе, Койот.

— Хорошо. — Я улыбнулся ей. — Один вопрос — на случай непредвиденных осложнений. Кроули предполагает, что Скрипичник контролирует протоизмерение, где у него есть бездействующие межпространственные врата. Он утверждает, что мы можем настроить на них врата в измерении Пигмалиона и установить между ними связь. Что тебе известно об измерении, где Скрипичник нас поджидает?

Левая рука Нэтч поиграла с бриллиантовым солитером в кулоне, который висел у нее на шее.

— Не много. Я никогда не бывала там. Это слишком далеко от моего измерения, и моя власть там сильно ослабевает. И я никогда не встречала никого, кто вернулся бы оттуда. А почему ты спрашиваешь?

Я улыбнулся:

— Поскольку нам известны координаты, и мы протащим Скрипичника в измерение Пигмалиона, я подумал, не отправить ли нам туда грузовик, начиненный взрывчаткой, чтобы уничтожить эти врата. Это дало бы нам гарантию того, что он останется там, где мы хотим. Но не знаю, сработает ли мой замысел. Вдруг тамошние физические законы воспрепятствуют его выполнению.

— Я тоже не знаю, как мне ни жаль. Это был бы на редкость интересный поворот событий. Увы! — Она коротко отсалютовала мне. — Ты очень опасен. Я тобой восхищаюсь.

— Спасибо. Будь готова прибыть туда очень быстро. — Я вкратце обрисовал ей наш план. — Мы не хотим, чтобы Скрипичник заранее узнал о твоём присутствии, поэтому ты должна подождать со своим выходом до тех пор, пока Пигмалион не погибнет.

— Я поняла. Не раньше. — Нэтч несколько раз моргнула и пошатнулась. Она подняла глаза, и я увидел в них тревогу и изумление.

— Койот?

Я кивнул:

— Ты собиралась рассказать мне о Бате. Как он?

— Я собиралась?... — Она пожала плечами и неуверенно улыбнулась. — Бат чувствует себя хо-

рошо. Правда, швы у него еще не рассосались, но он рвется в бой.

— Хорошо, у него есть еще четыре дня. К этому времени мы должны быть готовы. Справитесь?

— Да. — Ее улыбка стала напряженной. — Там будет сражение, да?

— Это кульминация, Нэтч, — что до меня, то я вообще перестал улыбаться, когда подумал о том, что стоит на кону. — Большое сражение. Победитель получает все.

Два дня спустя Бронислав Йонек позвонил мне, чтобы договориться о встрече с офицерами компании «Омега Рейнджер». Мы пополнили наши строевые войска и резервы, причем оказалось, что подавляющее большинство новичков способны видеть в других измерениях. Кроули заметил, что, хотя эмпатические свойства, необходимые для восприятия иной реальности, встречаются у людей редко, личности, склонные к творческой деятельности, и авантюристы, как правило, обладают такими способностями. Даже Йонек прошел проверку, так что ничто не мешало ему пилотировать свой вертолет в измерении Пигмалиона.

Встреча прошла благополучно. Тактический опыт наших наемников помог мне внести незначительные усовершенствования в общий план операции. Подписав контракты, мы решили начать ее через сорфк восемь часов. За это время мы переоборудовали двух «Перегринов» «Лорики», а Йонек полностью вооружил свою птичку. Неро Ло-

ринг погрузил на вертолет свое оборудование и позаботился, чтобы его можно было поставить как можно быстрее.

Я отправил Додду факс с паролем и копию плана нашего нападения, который, правда, умалчивал о наших воздушных силах и о дюжине броневиков «Брэдли М2», раздобытых Йонексом на его «складе» в арсенале Национальной гвардии. Участок вокруг базы оставлял мало пространства для организации обороны против вторжения на грузовиках, о котором я сообщил Додду в отправленном документе. Ему пришлось бы сосредоточить все свои силы в определенных точках, там, где сама природа создала удобные для оборонительных позиций места, и мы могли бы без труда смять их либо при поддержке с воздуха, либо штурмом при участии рейнджеров на земле.

Я осторожно расспросил Сина о Раджани, о ее настроении и душевных силах. Я знал, что она умеет подслушивать мысли Скрипичника, но знал и то, насколько это изнурительно и даже мучительно для нее. Во многих отношениях она была моим тузом в рукаве, потому что даже Скрипичник не знал о ее искусстве. Поскольку Вета предупредила, что в какой-то момент Скрипичник непременно меня предаст, я хотел взять Раджани с нами, чтобы она по возможности заблаговременно мне сказала об этом.

Син сообщил, что Раджани держится очень хорошо и даже предвкушает нашу схватку с Пигмалионом и со Скрипичником. Я уловил стрем-

ление Сина любой ценой защитить любимую и чуть ли не ревность по отношению ко мне из-за моих расспросов, но меня это только порадовало. Сверхчуткой Раджани понадобится надежная эмоциональная защита во враждебной среде, и Син, для которого жизнь Раджани бесценна, позаботится о ней лучше кого бы то ни было.

Казалось бы, все идет хорошо, если бы не одна деталь: Вета. Мне бы очень хотелось оставить ее в Фениксе. Ее послание невозможно было истолковать двояко — вопреки своему желанию она может предать меня, вынужденная подчиниться злобной прихоти своего господина. Я не мог этого допустить. Целью операции было уничтожить не только Пигмалиона, но и Скрипичника. Если Вета, даже не отдавая себе в этом отчета, уловит, куда дует ветер, она может передать свои впечатления Скрипичнику, и тот в последнюю минуту сбежит, бросив нас на растерзание армии Пигмалиона.

Кроме того, я не хотел брать с собой Вету из-за ее внешности. Наши наемники не были бывалыми путешественниками по другим измерениям. Их ни в коем случае нельзя было подгонять и требовать, чтобы они действовали в непривычных для себя условиях так же стремительно, как на Земле. Они неглупы и сразу поймут, что Вета — существо из другого мира, а это могло привести к сложностям, которые были нам совсем ни к чему.

С другой стороны, если не взять Вету с собой, Скрипичник немедленно заподозрит неладное. И

если он будет насторожен больше обычного, нам не удастся его перехитрить. Это тревожило и меня, и других, и в результате у нас родился необычный замысел замаскировать Вету. Если закрыть ее с головы до брюшка чем-нибудь черным, она, разумеется, не станет выглядеть по-земному, но, притаившись в тени, хотя бы не будет бросаться в глаза.

Я надел инфракрасные очки, и Вета покачала головой:

— И тебя еще беспокоила *моя* внешность, Койот?

Получив мое приглашение, она явилась ко мне в апартаменты и положила свое брюшко на оттоманку.

Я улыбнулся. Инфракрасные очки превратили ее в черный силуэт с зелеными фарами. Хотя свет, время от времени льющийся из глаз Веты, нельзя было скрыть, темные одежды смазали ее очертания, и узнать в ней существо из другого мира было непросто. Низкоэнергетические отражатели, прилаженные к ее плечам, обозначали, что она одна из нас, и должны были защитить ее от выстрелов своих.

— Эта штука сузила поле моего зрения до семидесяти градусов, Вета, поэтому меня не столько беспокоит, как выгляжу я, сколько, как выглядит то, на что я смотрю. Ты в этой амуниции смотришься замечательно. Только держись поближе к Бату и к Нэтч, и все будет в порядке.

Я разделил ядро своей группы на три части. Мы с Кроули составили один передовой отряд;

Бат, Нэтч и Вета — другой. Я намеренно свел в одну группу агентов двух Темных Властелинов, чтобы они приглядывали друг за другом, и прикрепил к ним Бата, потому что хлещущие из него эмоции способны были ослепить любого эмпата, который находится рядом.

Раджани, Синклер, Хэл Гаррет, Мики, Неро Лоринг и Джитт составили мою операционную бригаду. Раджани, помимо контроля за Скрипичником, должна была помочь Неро Лорингу видеть в измерении Пигмалиона. Это имело решающее значение для нашего замысла, потому что Неро знал вдоль и поперек управляющее устройство для пространственных врат, которое вез с собой. Хотя он проинструктировал Кроули, Джитт и Вету, что нужно сделать, чтобы оно заработало, я хотел иметь его под рукой, на случай, если нам понадобится аварийный монтер.

Хэл и Раджани решительно возражали против участия в экспедиции Мики, но мы с Кроули настояли на том, чтобы его включить, и сумели привлечь на свою сторону Джитт и Синклера. Раджани и Хэл спорили, утверждая, что пятилетнему ребенку совсем ни к чему даже видеть насилие, не говоря уж о том, чтобы принимать в нем участие, но мы не сдавались. Если оставить Мики в стороне, доказывали мы, он всю жизнь будет жалеть, что не отомстил за гибель отца. В конце концов мы пришли к компромиссу: Мики поедет с нами, но его участие ограничится ролью защитника. Мы дали ему задание не церемониться со

всяким, кто попытается причинить вред операционной бригаде, но больше никуда не лезть.

У всех нас, включая наемников, была одинаковая экипировка. Она включала в себя штурмовую винтовку, бронежилет и гранаты. Те, кто носил личное оружие, взяли с собой и его. «Вилди-вульф» занял свое место в кобуре у меня под мышкой, а «крайты» — на правом бедре и за поясом. Все мое обмундирование весило не меньше крупного годовалого младенца, но, распределенное по всему телу, не казалось таким тяжелым и не стесняло движений.

Перед тем как подняться на крышу и сесть в «Перегрин», которому мы дали кодовое название «Кестрел-1», моя группа собралась у меня на верхнем этаже. Когда мы проверили радиосвязь и испытали приборы ночного видения, я пожал руки своим соратникам.

— Каждый из нас понимает, что вряд ли всем нам посчастливится вернуться живыми. Я молю Бога, чтобы уцелели все, но, боюсь, это маловероятно. Думаю, все согласны, что остановить Пигмалиона и Скрипичника необходимо любой ценой, и все мы, если понадобится, готовы принести себя в жертву. Я хочу, чтобы вы знали: я восхищен вашим мужеством и самоотверженностью. Ради вас я с готовностью рискну жизнью. Из меня воспитали приспешника Темного Властелина, но Койот освободил меня от рабства. В союзе с вами я обрел ощущение своего единства с человечеством. Без него меня бы не было сейчас здесь;

благодаря ему я сделаю все, чтобы положить конец злу Темных Властелинов.

Я взглянул на часы и увидел, что и цифры в окошке, и стрелки показывают полночь.

— Час ведьм. Пора.

Бат рассмеялся и помахал винтовкой.

— Устроим им кровавый шабаш!

Лилит заняла место пилота, и «Кестрел-1» поднялся в воздух. Мы полетели на северо-запад, обогнули Центр и вклинились в узкое пространство между комплексами «Дигитал Экспресс» и «Билдмор». Я взглянул на цитадель «Билдмора» и увидел несколько освещенных кабинетов на верхнем этаже. Мне не составляло труда представить себе Додда, потеющего над планом, который удовлетворил бы мои требования к охране объекта во время следующей проверки в четверг на этой неделе.

«Кестрел-2» и птичка Йопека, названная «Мерлин», присоединилась к нам, подлетев с запада. Хотя место нашего назначения было в пределах одного перелета, Лилит организовала нам промежуточную посадку в одном маленьком частном аэропорту близ Кингмена, где мы могли подзаправиться горючим и сделать мелкий ремонт, если возникнет необходимость. Если бы мы торопились и не стали бы заправляться, нам понадобилось бы на дорогу два часа, но спешка ничего не решала, поэтому путь занял около трех с половиной часов.

Когда мы вылетели из Феникса, Лилит радировала рейнджерам инструкции, и они начали

просачиваться на строительную площадку. Днем раньше они собрались в районе Меркурия и, воспользовавшись старыми дорогами министерства энергетики, обошли город стороной. Мы решили, что за три часа они успеют проникнуть на территорию объекта и занять удобные позиции, чтобы устранить возможные очаги сопротивления. Один отряд должен был защищать подступы к базе, отрезая путь подкреплениям противника, остальные рейнджеры получили приказ занять территорию базы.

Лилит сделала круг над стройкой. Ничего подозрительного мы не заметили, и она посадила машину прямо на вертолетную площадку базы. Все высадились, разбились на группы и разошлись по углам площадки. «Кестрел-1» снова поднялся в воздух, уступив место «Кестрелу-2», из которого высыпали наемники. Они немедленно прочесали площадку, объявили, что опасности нет, и «Кестрел-2» тоже взлетел. Оба «Перегрин» составили наш боевой воздушный патруль — БВП.

Мы с Кроули побежали к лестнице, ожидая оклика часовых, которым надо было назвать пароль. Охранников мы не обнаружили и спустились на центральный участок базы без помех. Лестница привела нас на площадку, расположенную примерно на пятнадцать метров восточнее сектора «Прекрасной Леди», но путь туда преграждали наспех возведенные стены. Нам пришлось двигаться дальше на восток, потом на север, и только потом этот коридор поворачивал назад, на запад.

Это препятствие, хотя и не срывало нашего плана, могло выбить нас из графика, и, если отряд Бата столкнулся с аналогичной проблемой при продвижении с севера, у нас могли быть неприятности.

Я крался в темноте, непрерывно крутя головой, чтобы обеспечить себе нормальное поле зрения, урезанное инфракрасными очками. Кроме зрения я ориентировался при помощи своей способности воспринимать чужие эмоции. Она помогала мне улавливать присутствие невидимых живых существ. Только Кроули по-прежнему оставался для меня черной дырой. Хотя время от времени мы сменяли друг друга впереди, и я отчетливо видел его худую фигуру, его чувства были для меня закрыты. Во многих отношениях это облегчало мне задачу, потому что так легче было нащупать противника, но все же я испытывал неприятное беспокойство.

Полагаясь на свою эмпатическую способность, я продвигался вперед быстрее, чем было бы разумно в таких обстоятельствах. Поскольку мы уже побывали в сердцевине межпространственных врат, я, достигнув участка «Прекрасной Леди», направился прямо в центральную камеру. Я ничего не чувствовал, и беглый осмотр тоже подтвердил, что все вроде бы в порядке.

— Альфа внутри. Чисто. Бета, сообщите расчетное время прибытия.

— Бета: зеленый минус пять.

— Вас понял, Бета. Кестрел-1, фаза один — красный минус один, фаза два — зеленый. — Поскольку мы проводили военную операцию, и наши сигналы мог перехватить противник, мы закодировали числа. Зеленый означал 10, красный — 5. Следовательно, Бат сообщал, что опаздывает на пять минут. Мой радиосигнал, посланный Лилит, давал ей указание позвонить Уорнеру на дамбу и предупредить, что он должен выполнить свое задание в две стадии с четырехминутной и десятиминутной задержкой соответственно.

— Вас поняла, Альфа.

Я еще раз осмотрел помещение центральной камеры и заметил, что в первый раз кое-что упустил. Тонкий провод, не толще стандартного коаксиального кабеля, свисал с потолка, почти неразличимый в темноте. Если бы он не покачивался слегка, от чего в моих очках появилась размытая зеленая полоска, я ни за что бы его не заметил. Приглядевшись, я увидел кроме провода две небольшие коробки — каждая размером примерно с половину обувной, — стоящие по обе стороны платформы.

Я включил радио.

— Деус, я заметил что-то необычное в центре. Иду проверить.

Кроули дважды щелкнул рацией, подтверждая, что принял сообщение, но от комментариев воздержался.

Еще пару мгновений все было спокойно, потом я почувствовал чье-то присутствие в камере.

Я повернулся и увидел знакомый профиль. Я хотел вскинуть винтовку, но яркая вспышка света, нацеленная мне в лицо, опередила меня и вывела из строя прибор ночного видения.

— Ослепить оленя и то было бы труднее. — Дарий Мак-Нил громко расхохотался. Я ощущал его поразительное самодовольство, и, хотя знал характер Мак-Нила, его уверенность в себе вызвала у меня некоторую тревогу. — Приветствую вас, мистер Лоринг, или Кейн, или как вас там на самом деле зовут.

— Койот, — услышал я по рации шепот Кроули. — Я за тобой, и не ослеплен, но ты мне их загораживаешь. Если хочешь, чтобы я его достал, сместись в сторону.

— Вижу, вы решили выполнить грязную работу своими руками, раз уж «арийцам» не повезло. — Я подцепил пальцем дужку, защищающую спусковой крючок, и бросил винтовку на пол. Я чувствовал, как за спиной Мак-Нила в межпространственные ворота проскальзывают другие. На нижнюю платформу тоже высыпали люди. — Никогда бы не подумал, что вы из тех парней, которые умеют работать руками. Разве что в постели...

— Бойкий язык не остановит хорошей пули, Лоринг. А благодаря тефлоновому покрытию, не остановит ее и твой бронежилет. Ты совершил большую ошибку, понадеявшись, что я не перехватываю факсы Додда.

Я по-прежнему ничего не видел, но улыбнулся.

— Напротив, я на это рассчитывал. Я надеялся, что ты возьмешь командование на себя, а военные операции, насколько мне известно, никогда не были твоей сильной стороной. — Я пожал плечами. — Если хочешь сдаться сразу, я оставлю тебя в живых.

— Никоим образом, Лоринг. Ты меня недооцениваешь. Двум дюжинам твоих командос не захватить этой базы. А если и захватят, то долго не удержат. Тебе не хватит времени даже взорвать объект. У меня вдвое больше людей. Они без труда вас нейтрализуют.

— Ты немного ошибся в расчетах, Дариус. У меня не две, а двенадцать дюжин, и они уже здесь, на площадке. План, который я отправил Додду, был неполным.

Новая волна самодовольства так и хлынула из Мак-Нила.

— Я так и предполагал. Поэтому мои агенты, инженеры из «Лорики», начинили твою цитадель взрывчаткой. Если я не отправлю условный сигнал в течение двенадцати часов, ваша лачуга взлетит на воздух.

Я окаменел, представив себе, сколько людей погибнет, если это случится. Я поразился, что человек вообще может изобрести столь дьявольский план, и вдруг меня осенила догадка.

— А ты ведь и в самом деле знаешь, для кого строишь эту штуку и к каким последствиям это приведет, не так ли?

— Потому-то мы и назвали это совместным проектом.

Его распирало от гордости, и, хотя эмоции Дариуса едва не оглушили меня, я все же ощутил появление на сцене нового персонажа. Я повернул голову в том направлении, но из-за яркого света ничего не увидел. Затем внезапно моя слепота пропала, и я увидел Вету, пригвожденную к месту светом мощного фонаря.

Я нырнул влево, перекатился через голову и вскочил с «вульфом» в руке. Тем временем Мак-Нил сделал первый выстрел. Он загнал в магазин второй патрон, а я снял пистолет с предохранителя, и мы выстрелили одновременно.

Моя пуля пошла довольно низко и угодила Мак-Нилу в правое бедро. Его нога моментально подогнулась. Мак-Нил отлетел влево и рухнул на пол. Он еще попытался встать, но очередь из автомата, выпущенная откуда-то из-за спины Веты, ударила ему в грудь и вышвырнула труп через ворота в измерение Пигмалиона.

Человек из стрелковой команды Мак-Нила чересчур полагался на эффективность своего прожектора. Он не успел даже дернуться, как его настигла пуля. Он упал, и темнота сомкнулась над ним, словно воды прилива. Кроули выступил вперед из узкого коридорчика за моей спиной и очистил палубу восемью кусочками свинца, выпущенными из «Мак-10». Двое людей Мак-Нила остались лежать на платформе, остальные на миг зависли над пропастью и с криками ухнули вниз.

Нас попытались достать огнем с нижней платформы, но нашего уровня достигали лишь те пули, которые попадали между платформой и галереей, окружающей сердечник врат. Выпущенные почти под прямым углом, они не могли причинить нам вреда. Я отцепил от пояса осколочную гранату, выдернул чеку, досчитал до двух и с криком: «Осторожно, яичко горячее!» — пустил ее по полу, словно шар в кегельбане. Граната докатилась до края и по маленькой дуге полетела вниз. Взрыв на миг наполнил цилиндр светом, осколки со свистом и лязгом отрикошетили от перил, окружающих цилиндр. Потом грохот стих, и над нами повисла тишина.

— Кестрел-1, приказываю оставить БВП. Отправляйтесь немедленно на базу. Начните срочную эвакуацию персонала. Сообщите «Скорпиону», что наша башня наспигована взрывчаткой. Я не знаю где, не знаю сколько, но исходите из предположения, что башня рухнет. Допросите с пристрастием Уосона Додда, если понадобится, похитьте его жену и ребенка, но добейтесь от него информации. К рассвету перекройте все, я повторяю, все каналы связи «Билдмора». Конец сообщения.

— Вас поняли, Альфа. Удачи.

— И вам того же, и сверх того, Кестрел-1. Конец связи.

— Омега, начинайте штурм.

— Есть, Альфа.

Я убрал пистолет в кобуру и, пригнувшись, перебрался туда, где, склонившись над Ветой, сто-

яли Бат и Кроули. Нэтч сидела на полу и держала голову миранджейки на коленях. Одна пуля попала Вете в грудь, другая пробила брюшко. На черной одежде блестели люминесцентным зеленым светом пятна — кровь.

— Она выбежала вперед, — объяснил Бат.

— Я знаю, — сказал я.

В глазах Веты кружились огоньки; она судорожно постукивала по полу пальцем. Потом она посмотрела на меня, и ее жвала дрогнули. Я кивнул и погладил ее по руке. Потом свет в глазах Веты погас. Плечи Нэтч заходили ходуном; она плакала, не скрывая слез. Нэтч осторожно положила голову Веты на пол и подняла капюшон миранджейки, закрывая ей лицо.

Бат и Нэтч пошли вперед, а я вернулся, чтобы подобрать винтовку. Не успел я сделать и двух шагов, как Кроули схватил меня за руку и развернул к себе:

— Что это значит?

Я непонимающе уставился на него:

— Что?

— Ты знал, что ее убьют, и она это понимала. — Он кивком указал на тело Веты. — Ее палец. Она выстукивала азбукой Морзе: *Я не мы. Счастье*. Не хочешь ли объяснить?

— Хочу. Вета не желала отдавать свою личность во второй раз. — Я тяжело вздохнул. — Она боялась, что выдаст нас Скрипичнику против своей воли, и выбрала вот такой путь, чтобы этого не случилось.

— Ты знал — и ничего никому не сказал?

Я снял очки и посмотрел ему в глаза.

— У всех нас есть свои тайны. Местоположение Риухито, например.

Кроули весь подобрался, однако я по-прежнему не улавливал его эмоций. Но и без того было ясно, что с этой минуты наши отношения изменились, и, вероятно, изменились бесповоротно.

— Мы разберемся между собой, когда уничтожим всех Темных Властелинов, хорошо? Когда они больше не будут представлять угрозы.

— Когда они все сгинут, — торжественно произнес Кроули и кивнул. Его слова прозвучали под раскат далекого выстрела — это начали атаку рейнджеры. — Тогда мы поговорим начистоту, как мужчина с женщиной.

— Как мужчина с женщиной, — подтвердил я и включил рацию. — Дельта, входите в цилиндр. Для вас есть работа.

29

Чтобы не пробираться по трупам на северной стороне платформы, мы с Батом и Кроули перешли на пандус с южной стороны. У выхода с платформы я опустился на колено и осмотрел ящичек, который заметил раньше. Передо мной было небольшое, до смешного простое приспособление, которое включало в себя детектор, реагирующий на движение, и инфракрасный сенсор.

Это устройство мгновенно засебло нас, как только мы вошли в камеру. Проводок от него уходил во врата.

— Датчик связан с мониторами в измерении Пигмалиона. Так что там, возможно, знают о нашем прорыве.

Кроули покачал головой;

— Люди Мак-Нила, может быть, и знают, но не Пигмалион. Он бы уже прислал сюда своих воинов.

— Логично. Тогда — вперед.

Пригнувшись, я нырнул во врата и в то же мгновение оказался в жарком и ослепительно ярком мире. На меня уставились мертвые глаза Мак-Нила. Его скрюченное тело валялось между ножками стола с мониторами. Я поднял голову и прищурился от яркого солнечного света, но солнце не помешало мне заметить еще четырех охранников «Билдмора», которые выскочили из-за угла и бежали прямо к платформе.

Я сместился вправо, чтобы стол служил мне щитом, и открыл огонь. Две пули скинули первого охранника с башни. Третья впиалась тому, кто бежал за ним, в горло. Бат прикончил двух остальных, и они, кружась, полетели вниз с небесно-голубой громады.

— Проверка связи. Отличный выстрел, — хотя мониторы на столе работали нормально и изображение на них было четким, я хотел убедиться, что наши рации не замолчали в измерении Пигмалиона.

— Вас понял.

Я оставил Бата и Кроули охранять платформу, а сам нырнул обратно во ворота и помахал оперативной бригаде.

— Все чисто. Входите. ^

Син и Джитт вошли первыми, за ними — Неро и Раджани. Хэл, Нэтч и Мики замыкали шествие. Следом за Кроули и Батом мы перешли на северный пандус и быстро спустились на землю. По пути мы никого больше не встретили и не заметили каких-либо признаков тревоги в городе под башней, хотя звуки выстрелов в этом чистом прозрачном воздухе должны были разнестись невероятно далеко.

Спустившись, мы отошли на изрядное расстояние от основания кристаллической башни. Неро Лоринг снял с плеча тяжелый цилиндрический ящик, вытянул из него прозрачный кабель и показал Бату в сторону башни.

— Подсоедини меня к сети.

Бат поднял барабан и побежал назад к одной из кристаллических опор башни, на ходу разматывая оптико-волоконный кабель. Я догнал и предложил помочь. Вместе — во время боевых действий он терпел мое присутствие — мы быстро справились с проводом.

У опоры Бат снял колпачки с торцов цилиндра и извлек на свет два прозрачных диска, размером и формой напоминающих хоккейные шайбы. С обоих дисков хвостом свисал кабель. Бат снял коричневую бумагу, закрывающую диски с одной стороны, и прилепил их к колонне, напро-

тив друг друга. Мы оглянулись на Неро и, когда он поднял большой палец, потрусили обратно.

Лоринг сунул конец кабеля в прямоугольный ящик и кивнул:

— Я готов. Когда будет скачок напряжения?

Хэл посмотрел на секундомер, висящий у него на шее.

— Полная мощность через семь с половиной минут. Фаза один — через тридцать секунд.

Я оглянулся на черный город и покачал головой. В моем воображении возник муравейник, полный воинов вроде Мики, и я сомневался, что нам удастся выжить, если мы его разворошим. То, что мы собирались сделать, было равносильно убийству муравьиной матки, и наши шансы уцелеть казались мне ничтожными. Но отступить мы не могли, потому что это тоже означало бы смерть. Шанс выжить появлялся у нас только в том случае, если мы предпримем свою попытку и преуспеем.

— Фаза один пошла.

Призрачный силуэт Кроули указал на открытый круг кристаллов, венчающих башню.

— Я его вижу!

С притоком дополнительной энергии в сеть все сооружение начало светиться, словно неоновая трубка. В синем столбе света я увидел золотистый световой блик, рисунок которого напоминал нечто среднее между печатной платой и сетью капилляров живого существа. Казалось, энергия вливалась в основание башни и поднималась к

четырем очень длинным столбам, удерживающим кристаллический венец над сооружением.

И в просвете между этими столбами я увидел очертания радости и гордости Бронислава Йонекка. Пусть кто угодно считает «Апачи АН-64» устаревшей машиной, во врата она вошла идеально, точно по центру, и плавно, будто кабина лифта, начала опускаться. Тридцатимиллиметровый ствол пулемета под ее носом секунду-другую повертелся из стороны в сторону, потом машина нырнула вперед и вниз и развернулась к нам.

Я поднял руку, закрывая лицо от поднявшейся пыли. На правом крыле я увидел традиционный груз из восьми реактивных снарядов «Геенна», но на другом был установлен огромный металлический барабан, удерживаемый двумя узкими цилиндрами, приваренными к поверхности крыла. Барабан повернулся на пол-оборота и выбросил три метра волоконно-оптического кабеля.

— «Мерлин» к вашим услугам. Готов приступить к выборке кабеля.

— Вас понял, «Мерлин». Вперед. — Я махнул рукой в сторону обсидианового города, и вертолет полетел в указанном направлении. Барабан вращался как безумный, выплевывая кабель с чудовищной скоростью. Кабель вился змеей по песчаной поверхности. Когда Йонек отлетел на нужное расстояние и наш конец провода перестал бешено дергаться и хлестать песок, Хэл подбежал к нему, поднял кабель и отнес к Неро.

Неро вставил кабель в гнездо и закрепил.

— Держится. Контакт надежный.

У окраины города вертолет сделал большую петлю и повернул к нам. Он несся низко над землей, ныряя вперед и из стороны в сторону, как стрекоза. За вертолетом оставался хвост поднятой пыли, и я разглядел за этой завесой какое-то движение.

Зло торжествует

Казалось, весь город пробудился, и его мертво-бледные жители высыпали из черных домов на улицы. С такого расстояния было невозможно рассмотреть детали, но я знал, кого вижу. Тысячи и тысячи похожих на Мики созданий неутомимо надвигались на нас. Я уже мог разглядеть черные узоры на их телах — поликарбоную кольчугу. Когда эти автоматы приблизились, стало видно, что они лысые и, насколько мне удалось разобрать, имеют по два пальца на руках — большой и указательный. Видимо, Пигмалион решил, что его воинам этого вполне достаточно, чтобы хватать противника или нажимать на спусковой крючок.

Но самым страшным в этих существах была не внешность, которую кто-нибудь мог счесть даже элегантной. Гораздо хуже было то горячее желание угодить своему господину, которое я в них почувствовал. Я знал, что их создатель — Пигмалион, и за их стремлением доставить ему удовольствие скрывается жалкий страх перед неудачей. Уровень тревоги в направляющейся к нам толпе все возрастал, и я различил, что эта тревога связана с чувством ожидания.

«Апачи» Йонека снова пролетел над нами; барабан отмотал еще двенадцать метров кабеля, потом крутанулся в другую сторону — специальное приспособление перерезало провод. Отрезанный конец упал на песок, «Апачи» поднялся на тридцать метров и повернул к городу.

— «Альфа», у меня восемь «Геенн». Я мог бы задержать их.

— Ответ отрицательный, «Мерлин». Нам осталось только прикрепить кабель, и мы готовы.

Бат побежал с другим концом кабеля к Лорингу, и Неро его закрепил.

— Соединил. — Он нажал кнопку на клавиатуре компьютера и улыбнулся. — На автомате.

Я улыбнулся в ответ и вдруг почувствовал, что настроение идущих на нас существ изменилось. Я оглянулся и увидел, что большая их часть вошла в петлю, очерченную кабелем. Общий уровень тревоги резко упал, но потом подскочил еще выше. Я знал, что они недостаточно умны, чтобы бояться нас, поэтому объяснение могло быть только одно.

Пигмалион.

Я видел миниатюрного Темного Властелина в Японии, но в то время он не внушал мне страха. На этот раз мы были в его собственном измерении, и при виде маленького, очень похожего на ребенка человечка у меня пересохло во рту. Он брел к нам по воздуху непринужденной, даже небрежной походкой, и каждый шаг переносил его на десятки метров. С его приближением я ощу-

тил мощный поток эмоций, в котором смешались нежелание верить собственным глазам и досада. Эта едкая смесь подточила мою веру в себя и даже мое самосознание.

Пигмалион остановился перед нами, зависнув под «Апачи», но воздушный поток от винта не производил на него никакого действия. Он улыбнулся, почти благодушно, и склонил голову в моем направлении.

— Ты взял на себя труд вернуть мне Мики и Джитт? Как любезно с твоей стороны. — Он покачал слишком большой для своего тела головой из стороны в сторону, словно разочарованный папаша. — И как невероятно глупо. — Темный Властелин обвел всех нас взглядом и хихикнул себе под нос. — Подумать только, когда-то я был одним из вас. Таким же ничтожным и беспомощным. Таким же несовершенным.

— А теперь ты совершенен? — Я рассмеялся.

— Да. — Голова Пигмалиона резко повернулась к Кроули: — Нет, это не означает, что я совершенный засранец. Да-да, Кроули, я могу читать твои мысли. Может быть, для кого-нибудь такая мыслительная работа кажется непосильной. Но я — Темный Властелин, бывший когда-то человеком, и разгадать, о чем ты думаешь, для меня — минутное развлечение.

Темный силуэт Кроули сложил руки на груди.

— Надо полагать, что резать женщин и детей на куски, а потом собирать их заново — более утомительное занятие.

Пигмалион громко рассмеялся, но его смех показался мне несколько принужденным.

— Я дарю совершенство тем, кто в нем нуждается. Посмотрите на Джитт, посмотрите на нее. Когда я нашел ее, она была ничем. Она была скорее батареей, питающей множество машин, нежели человеческим существом.

Темный Властелин провел рукой в воздухе, и над землей поднялся песчаный вихрь. Черная воронка всосала в себя пыль и сгустилась в небольшую тучку, повисшую перед Пигмалионом. словно фокусник, показывающий зрителям, что здесь нет невидимых проводов или подпорок, Темный Властелин обвел облако взмахом рук и, не коснувшись его, уплотнил черную взвесь в сферу, блестящую, словно расплавленное стекло.

Черный шарик остался висеть в воздухе, но начал претерпевать изменения уже без помощи Пигмалиона. Он медленно преобразовался в фигуру девочки-младенца без рук и ног. Кисти рук росли прямо из плеч, стопы ног — из бедер. Левая сторона лица девочки казалась непомерно раздутой по сравнению с правой, и эта разница стала еще заметнее, когда статуэтка повзрослела. Асимметричная голова склонилась к левому плечу, черты обострились, отросли волосы, налились груди.

— Такой ты была, Джитт, когда я нашел тебя и освободил из твоей тюрьмы. Ты жила в мире из пластика и хрома, заключенная в пузырь, в котором ты спала и бодрствовала. Твоим единственным контактом с людьми были воспроизведен-

ные в цифровом виде похвалы твоих родителей, которые поощряли тебя, когда ты делала что-нибудь хорошо. Они больше гордились новым оборудованием, которое смогли купить, чем думали о тебе. Друзья считали их чуть ли не святыми за готовность не жалеть никаких денег на калеку ребенка. — Он прижал руку к груди. — Я избавил тебя от всего этого. Я дал тебе руки и ноги, которых ты никогда не знала. Я вылепил тебе новое лицо. Я исправил все, что было неправильно внутри. Я сделал из тебя создание твоих грез. Ты знаешь, что это правда.

Я посмотрел на Джитт; ее всю трясло. Я чувствовал ее панику и стыд, желание бежать без оглядки, но она нашла в себе силы остаться на месте. Ей хотелось отрицать все, что сказал Пигмалион, но она понимала, что не может. Он сказал правду, но не для того, чтобы помочь ей.

Он хотел, чтобы эта правда сокрушила ее, и тогда он мог бы насладиться ее душевной мукой.

Джитт вскинула заплаканное лицо, и в следующую секунду взметнулся вверх ствол ее карабина. Единственным выстрелом она разбила вдребезги эту стеклянную пародию на человека.

— Теперь я не такая.

Пигмалион посмотрел на нее с уважением.

— Да, действительно. — Его ухмылка стала пугающей. — Но можешь стать такой снова, и очень быстро, моя дорогая.

— Не думаю, Пигмалион. — Я навел на него винтовку. — Джитт нравится нам такая, какая есть.

Темный Властелин разочарованно посмотрел на меня:

— Что? Ты не говоришь: «только через мой труп»? Ах да, ты же воспитанник Скрипичника, как глупо с моей стороны ожидать от тебя штампов! Мики, уничтожь его.

Я стрельнул взглядом в сторону Мики, но он не двинулся с места.

— Нет.

Пигмалион вскинул голову:

— Что вы сделали с ним? Это твоих рук дело, черная ведьма?

Раджани протянула руку и взяла Мики за руку.

— Это доставило мне огромное удовольствие, Никлас.

Темный Властелин нахмурился, и я почувствовал, как в нем поднимается гнев.

— Вы все глупцы, но, надо отдать вам должное, глупцы отважные. Надо же, вообразили, будто этот допотопный вертолет способен что-то мне сделать! Может, я был когда-то человеком, но теперь я — Темный Властелин.

— Но по-прежнему смертный, а, Пигмалион? — Я вызвал в мозгу образ таракана, которого размазали ногой по полу.

— Да, если тебе удастся найти достаточно большой башмак. — Он рассмеялся. — Но никто из вас не может меня убить.

Я увидел, как Хэл постучал по секундомеру и улыбнулся.

— А мы здесь не для этого, Пигмалион. — Я опустил оружие. — Мы просто заняли места в партере и ждем, когда приступит к работе терминатор.

30

Где-то в недрах Гуверовской Дамбы Пол Уорнер дернул рубильник, и вся, до последнего ватта, энергия, произведенная гигантской турбиной, потекла в электросеть Меркурия. Перед моим мысленным взором на мгновение возник образ вспыхнувших и перегоревших по всему району лампочек, и какой-то частью сознания я посочувствовал охваченным паникой и ужасом жителям, оставшимся в темноте. Тем более что их нынешнее состояние покажется им просто блаженством, если мы потерпим неудачу.

Штормовая волна энергии ударила в кристаллическую башню, и та покачнулась. В это мгновение решалась судьба нашего замысла. Мы воспользовались башней-вратами, чтобы перекачать энергию с Земли в маленькое частное владение Пигмалиона. У меня на голове зашевелились волосы, по коже побежали мурашки. Даже Темный Властелин повернулся к башне. На его лице, разрисованном голубыми тенями, отразились гордость и благоговение.

Кристаллы башни приобрели глубокий синий цвет сапфира и загудели. Золотые и серебряные

молнии вспыхивали в них и метались, словно выдры, туда и сюда, отражаясь от граней кристалла. Башня засияла так ярко, что на земле появились голубые тени, и безмозглые воины Пигмалиона замедлили свое наступление.

По выражению лица Пигмалиона я понял, что безмерная красота башни очаровала его. Он смотрел на нее, как смотрит мужчина на женщину своей мечты, явившуюся ему, и только ему. Башня была его связью с Землей, ключом к обладанию властью над родным миром, а мы обеспечили его источником питания, достаточно мощным, чтобы он мог перебросить туда столько войск, сколько пожелает. Мы внесли последний штрих, необходимый для воплощения в жизнь его грандиозного замысла.

Пигмалион пожирал башню голодными глазами, медленно скользя взглядом от верхушки до основания, потом вдруг заметил две золотистые нити, бегущие от основания к нашей группе. Он уставился на провода, словно на горящий фитиль, ведущий к пороховой бочке. Зачарованное выражение на его лице сменилось выражением ужаса, и впервые в жизни я увидел страх в глазах Темного Властелина.

— Что вы наделали?! — завопил он, понимая, что уже ничего не успеет сделать.

От круга кабеля, выложенного «Апачи», в небо взметнулась стена золотистого света. Она достигла небесного купола и слилась с ним в единое золотистое целое. Небо внутри цилиндра прогну-

лось, словно мембрана, на которую бросили камень, но светящаяся оболочка выдержала напор и вернулась в прежнее положение, затем снова прогнулась, но уже сильнее.

Выдержала она и второй натиск, но на этот раз я почувствовал, как протоизмерение содрогнулось от свистящего стога. Я посмотрел на Пигмалиона и увидел, что он скорчился от напряжения, словно пытался своей болью и сосредоточенностью укрепить защитную оболочку собственного святилища. На его лице появилась гримаса, сменившаяся ухмылкой, и я ощутил его торжество, но и то, и другое скоропостижно скончалось.

Во время третьего приступа защитная сфера измерения не прошла испытания на упругость и раскололась. Небо в центре цилиндра треснуло, словно скорлупа, и его кусочки упали внутрь. В падении они прилипли к стенам цилиндра, и золотистое сияние стало ярче — межпространственные врата всосали энергию, которую Пигмалион использовал для укрепления своего владения. Еще один кусок упал внутрь, потом два других исчезли в черной бездне за трещиной.

НЕТ! Мысленный крик ужаса пробрал меня до глубины души и внушил почти жалость к маленькому человечку, парящему надо мной. На мгновение — страшное, болезненное, кровоточащее мгновение — Пигмалион вспомнил, что значит быть человеком в присутствии одного из самых могущественных Темных Властелинов во

Вселенной. Это воспоминание нарушило его сосредоточенность, и в то же мгновение верхний сегмент сферы отвалился, словно верхушка черепа под пилой патологоанатома.

Скрипичник, похожий на разъяренного паука, протиснулся в измерение Пигмалиона. Он приземлился в круг межпространственных врат и вызвал землетрясение. Почва вздыбилась, сбивая с ног всех, включая тех воинов Пигмалиона, которых не раздавили лапы Скрипичника. Ударная волна поразила даже Пигмалиона и отбросила его назад.

Воины Пигмалиона поднялись и атаковали Скрипичника. Они карабкались по его ногам, словно по внешним стенам небоскреба. Темный Властелин, едва ли сознававший, что подвергся нападению, потряс нижними конечностями, как кошка, намочившая лапку; воины Пигмалиона разлетелись в разные стороны и погибли, врезавшись в здания, которые недавно были их жилищами.

Когда я увидел воинов на желто-зеленом экзоскелете Скрипичника, они показались мне тлей на фоне стебля розы. Хотя я уже дважды видел своего бывшего господина — один раз в Фениксе, когда он пытался войти в межпространственные врата, другой раз — в измерении, где он дал нам Вету, — у меня никогда не было эталона, чтобы представить себе его истинные размеры. Он сбил в Фениксе вертолет, но так и не протиснулся в город весь целиком. Теперь я обнаружил, что уменьшал в воображении его размеры. Каждая его нога была способна раздавить небольшой жи-

лой квартал, а в лежащем положении он запросто мог бы служить мостом через двухмильную брешь, отделяющую Центр от башни «Лорики».

Каждым своим шагом сотрясая маленький мир, Скрипичник подошел к границе межпространственных врат и переступил ее.

— Ты преуз-з-зпел, моя забава. Я пришел.

Я поднялся на ноги и задрал голову, чтобы увидеть его всего. При этом я едва не вывихнул себе шею.

— Твоя очередь.

Огромный Темный Властелин вытянул переднюю конечность, выдвинул ее, словно телескоп, вперед и раскрыл трехпалую ладонь. Пигмалион по сравнению с ним выглядел мошкой, не больше комара, и оказался таким же вертким. Он взметнулся вверх и проскользнул у Скрипичника между пальцами, которые сомкнулись с громовым хлопком.

Скрипичник щелкнул жвалами и, повернув голову, проследил взглядом за убегающим к черному городу Пигмалионом. Гигантская туша развернулась быстро и невероятно грациозно для своей массы, потом поднялась на две задние ноги и с силой грохнула по земле передней парой.

Здания в городе задрожали и начали рушиться, словно карточные домики. Плита падала за плитой, крыши рушились по всему городу. Пыль, поднимавшаяся в воздух, закружилась в водовороте, когда сейсмическая волна смела город с поверхности земли. Дома падали, словно сложенные из

косяшек домино, и тут же покрывались толстым черным слоем пыли.

Скрипичник ринулся к городу, и тут'я заметил, как что-то шевелится в пыли. Оно на глазах выросло ввысь и вширь и ударило черной стеклянной конечностью Скрипичника в торс. Удар пришелся высоко и оказался достаточно сильным, чтобы Скрипичник качнулся назад. Он споткнулся, и две его задние ноги подогнулись, словно ноги пораженного ударом боксера. Его брюхо коснулось земли, и на миг он оказался беззащитным.

Несмотря на все свое могущество, Скрипичник никоим образом не был неуязвимым, особенно в убежище другого Темного Властелина. Пигмалион знал это, его особенности и специфические законы; это дало ему преимущество, благодаря которому он мог избавиться от Скрипичника. Стремительный, точный, решительный удар мог бы принести Пигмалиону победу.

Однако человеческая природа Пигмалиона оказалась его слабым местом. Не поддайся Пигмалион тщеславию, он уничтожил бы своего бывшего господина. Но он не сумел устоять против искушения устроить сценический эффект и, создавая свое оружие, позаботился, чтобы оно возникло из черного облака пыли, окутывающего руины его столицы. Подобным же образом Пигмалион не смог отказаться от возможности насладиться зрелищем унижения и мучений своего бывшего хозяина, побежденного в битве.

Оружие, которое он создал, действительно было великолепным и отлично годилось для его цели. Используя обломки обсидиана, оставшиеся от его города, Пигмалион создал еще одного гомункулуса. У этого колосса была фигура Мики, а его величина соотносилась с размерами Скрипичника, как величина Мики с размерами лошади. Воин из жидкого стекла принял боевую стойку и двинулся вперед легким, как перышко, танцующим шагом, словно издеваясь над упавшим противником.

Я включил рацию.

— Мистер Йонек, два снаряда по каменному человеку.

Статуя Мики выбросила ногу вперед, и Скрипичник получил тяжелый удар в верхнее левое плечо. Каменная ступня пробила экзоскелет и вогнула осколки панциря в плоть Темного Властелина. Цикадоподобное жужжание боли наполнило протоизмерение, и башня задрожала, словно камертон. Из раны на статую хлынул поток черной крови, но не оставил на ней даже следа.

Два реактивных снаряда прочертили небо огненными языками. Они ударили меньше чем в двух метрах друг от друга с разницей в две секунды. По первоначальному замыслу конструкторов «Апачи» должна была стать смертоносной противотанковой военной машиной, поэтому зрелище его атаки на живое каменное существо получилось очень эффектным. Фугасные боеголовки пробили два глубоких кратера в широкой груди статуи, расплескав во все стороны острые осколки обсидиана.

Но еще больший урон созданию нанесли две ударные волны, мгновенно распространившиеся по кристаллической решетке обсидиана. В том месте, где их фронты столкнулись, образовалась гигантская трещина. Статуя зашаталась, и мне показалось, что она вот-вот рухнет, но гигант оправился от удара и занес кулак над Скрипичником.

Но Скрипичник опередил противника. Он нанес сильный удар и пронзил правой верхней конечностью грудь статуи. Его пальцы сомкнулись в узловатый кулак, но, казалось, сам удар причинил меньше вреда, чем гнев, который Скрипичник сосредоточил на статуе. Послышался резкий хруст, кулак отклонился, потом снова обрушился на статую.

Колосс разлетелся, словно автомобильное стекло под ударом молотка. Большие и маленькие осколки хлынули на землю дождем. Скрипичник тяжело поднялся на ноги и ринулся вперед. Три неповрежденные передние конечности зарылись в обломки, как собачьи лапы в мусорную кучу, потом я услышал ликующее жужжание и ужасный отчаянный крик.

Выдернув Пигмалиона из-под обломков гигантского воина, Скрипичник повернулся к нам. Я услышал звук, идущий от сведенных вместе пальцев поднятой руки Скрипичника.

— Он умоляет тебя помочь ему, моя з-з-забава. Он говорит, что вы оба люди, и долж-ж-жны бороться против меня.

Бат громко расхохотался.

— Надо же! Этот гад вспомнил о ничтожных и беспомощных созданиях.

— Это еще не самый страшный в людях изъян. Хуже, что с ними никогда не знаешь, кому доверять.

— Истинные слова, мой питомец. Людям нельз-з-зя доверять. — Пальцы Скрипичника сомкнулись с сочным хрустом, после чего он вытер клешню об обломок бедра разбитой статуи. — Со всем нельз-з-зя доверять.

— Койот, сзади!

Я резко обернулся на звук голоса Раджани и почти одновременно с поворотом оттолкнулся и прыгнул назад, приземлившись на спину. Сразу за тем местом, где я только что стоял, из темного сгустка появилась закутанная в черные лохмотья фигура высотой в человеческий рост. Ее необычная форма в первое мгновение вызвала у меня мысль о Вете. Мне вдруг показалось, что Скрипичник каким-то образом оживил ее и натравил на меня, но маленький участок плоти вокруг глаз был бежевым, а не цвета слоновой кости, а темно-карие глаза — человеческими.

А вот то, что взвилось над созданием змеей и метнулось вперед размытым пятном, ничего общего с человеческим обликом не имело. Если бы не предупреждающий крик Раджани, метровый клинок меча, вживленный в конец хвоста, рассек бы меня от хребта до грудины. Хвост метнулся назад для нового удара, и у меня перед глазами мелькнуло нечто, напоминающее человеческое лицо с клинком вместо носа.

Я сильно ударился при падении и услышал, как что-то хрустнуло. Молясь про себя, чтобы это оказалась не рация, я закричал в микрофон:

— Код Затмение, «Мердин», код Затмение!

Я услышал слабый голос Йонека, подтвердившего мой приказ, и в ту же секунду надо мной навис человек-скорпион. Я понял, что он сейчас убьет меня, но это уже не имело значения. Я знал, что остановил Скрипичника.

Прежде чем хвост успел вонзиться в меня, на монстра бросился Мики с такой расчетливой дерзостью, которой я никогда не видел у Бата. Удар его ноги пришелся человеку-скорпиону в правый бок, и чудовище упало на песок. Оно вскочило мгновенно, но прижимало правую руку к телу, прикрывая поврежденные ребра.

Кончик катаны описал ленивый круг, и человек-скорпион пошел на Мики. В следующее мгновение хвост мелькнул в воздухе.

Я ни за что не сумел бы уклониться от такого удара, даже если бы уже двигался в момент его начала. Мики не шелохнулся до тех пор, пока клинок не устремился к нему. В этот миг он просто подался вперед, к человеку-скорпиону. Клинок прошел в волоске от головы Мики, и все же я не уловил ни тревоги, ни спешки в движениях мальчика.

Мики свел напряженные пальцы правой руки в наконечник копья и сделал молниеносный выпад, метясь в основание хвоста. Клянусь, я действительно видел, как шкура на верхнем конце

хвоста натянулась, потом лопнула, и рука вошла в плоть, пробив дыру в ладонь шириной.

Мики с громким чмокающим звуком выдернул окровавленную руку, и глаза у основания хвоста остекленели, а в других глазах, на лице чудовища, отразилась боль. Впрочем, этот факт можно рассматривать лишь как маленькую сноску к описанию схватки, потому что в то же мгновение Мики сделал пируэт, соблазнительно подставив существу спину. Чудовище подалось вперед, метя кулаками в позвоночник, но Мики уже завершил поворот. Его правая рука сжалась в кулак, взметнулась вверх, описала дугу, и кулак, кувалдой обрушившись на макушку человека-скорпиона, с приглушенным хрустом раздавил ему череп.

Подобно Пигмалиону, плененному сиянием башни, Скрипичник зачарованно наблюдал за расправой над своим созданием. Он не замечал ничего вокруг, полностью поглощенный схваткой между человеком-скорпионом и Мики. В ходе схватки чувства Темного Властелина менялись, как узор в калейдоскопе, и под конец им овладело что-то вроде завистливого уважения к своему взбунтовавшемуся ученику, который создал столь совершенное оружие.

Увлеченный битвой, он не заметил, как Йонек изменил курс «Апачи» и выпустил оставшиеся ракеты. Если бы Темный Властелин находился не в развалинах города, а ближе, он, возможно, сумел бы сбить все или хотя бы часть ракет, но на таком расстоянии ему оставалось только беспо-

мощно наблюдать, как полдюжины реактивных снарядов расчерчивают небо огненными полосами от вертолета до своей цели.

Меня охватила странная отрешенность. Я смотрел, как ракеты врезаются в сияющую голубую башню, и не мог пошевелиться. Два снаряда взорвали несущую опору с ближайшей к нам стороны. Длинная кристаллическая нога разлетелась вдребезги, осыпав песок сверкающим градом, и все сооружение, дрогнув, начало заваливаться набок. Остальные снаряды взорвались в различных точках верхней части сооружения, искромсав диски и разбив на куски колонны.

Наверное, эти последние ракеты спасли мне жизнь, потому что в то время, как остальные бросились бежать, я остался стоять на месте. Разумом я понимал, что башня, у которой с нашей стороны выбита опора, вероятнее всего, упадет прямо на нас. Наверное, я должен был бы испугаться, но не мог позволить себе такой роскоши, потому что знал: страх сослужит мне службу позднее. Бывают истины — вроде той, что дыхание необходимо для жизни, — усомниться в которых никому не придет в голову. Вот с такой же определенностью и я знал, что башня на меня не рухнет.

Это была бы чересчур легкая, чересчур быстрая и приятная смерть.

Надломившаяся башня выбросила всю электрическую и световую энергию в атмосферу. Золотистый цилиндр исчез в мгновение ока, и купол неба снова стал целым, хотя теперь в нем полыха-

ли странные кроваво-красные пятна. Высвободившееся электричество связало небо и землю серебристой молнией, и точка, где она коснулась небес, стала точкой притяжения для красных пятен.

Почти безразлично я посмотрел на Темного Властелина, который меня создал.

— Тебе следовало бы быть умнее. Я никогда не оставил бы в твоем распоряжении действующие межпространственные врата.

— Ты прав, моя з-забава. — Скрипичник поднялся в полный рост, и на его шипах, наростах и колючках заплясали огни Святого Эльма. — Я просчитался. Ты стал слишком опасен. Нельз-з-зя оставлять тебя в ж-ж-живых. Я убью тебя.

— Это ведь я убийца, ты не забыл, Скрипичник? — Я вызывающе рассмеялся и проделал дыру в соседнее измерение. — Я охотник, Скрипичник. Давай попробуй убить меня, мой господин, если сможешь. Только теперь мы играем по *моим* правилам, и проигравшим будешь ты.

Я выскользнул из мира Пигмалиона и закрыл за собой дыру прежде, чем его разъяренный вопль достиг моих ушей. А потом я начал марафон своей жизни.

31

Если бы я не был таким реалистом, я объяснил бы свой побег альтруистическими побуждениями. Я уверял бы, что побежал, потому что знал: Скрипичник бросится за мной в погоню, позабыв

о моих спутниках, оставшихся в разрушенных владениях Пигмалиона, и таким образом они будут спасены. Но мое здравомыслие не позволяло мне обмануть себя. У меня не было никакой уверенности, что Скрипичник сначала не расправится с моими товарищами.

Нет, в первую очередь я побежал из чистого страха. Я знал — Скрипичнику понадобится доля секунды, чтобы раскусить замысел, который я вынашивал со дня знакомства с Алмазной Императрицей. Наша помощь потребовалась Скрипичнику не потому, что Пигмалион заключил свой мир в непроницаемую защитную оболочку, а из-за энтропического барьера, окружающего скопление протоизмерений, где укрылся Пигмалион. Разрушив башню, я ухитрился запереть Скрипичника во вселенной, которая была даже меньше той, где он обитал прежде. Подобно омару, забредшему в вершину, Скрипичник обнаружил, что войти было просто, а выйти — невозможно.

Я знал, что разожгу его ярость до такой степени, что он захочет стереть меня в порошок немедленно. Он не мог допустить, чтобы я остался в живых, поскольку мне дважды удалось одержать над ним победу. В первый раз я помешал ему войти в Феникс и не дал захватить желаннейший трофей любого Темного Властелина — Землю. А теперь позволил ему приблизиться вплотную к заветной цели, а потом одурачил и запер в ловушке. За такое можно ждать только одной награды — медленной и мучительной смерти.

Я прорвался в соседнее измерение и повис в небе над океаном расплавленной серы. Ядовитые пары ослепили и едва не задушили меня, но я справился с паникой и ринулся вниз, все быстрее и быстрее приближаясь к огнедышащей поверхности. Секунду-другую я поиграл с мыслью о самоубийстве — я знал, что такая смерть будет гораздо милосерднее той, что изобретет для меня мой бывший Хозяин, — потом рассек стену между измерениями и нырнул в новый мир.

Здесь меня обдало потоком горячего воздуха. Когда щель за мной закрылась, я услышал агонизирующий рев Скрипичника — это мой Хозяин ворвался в мир горячей серы. Я представил себе, как его конечности дрыгаются в бурлящем черном океане, словно французский картофель в кипящем масле, но это было бы слишком простым и быстрым избавлением от моих неприятностей. Скрипичник никогда не погибнет от несчастного случая. Его можно умертвить, только предав казни.

Я снизился метра на четыре и открыл глаза только тогда, когда заскользил, подсакивая, по восковым холмам через ручеек горячего воска. Воск плеснул на меня, и я отбросил промокшие волосы от глаз. Этого оказалось достаточно, чтобы охладить воск, и волосы застыли, словно на фотографии, сделанной на ветру. Я рассмеялся вслух, представив себе, какой нелепый у меня вид, потом вытянулся к небу и ввинтился в новое измерение.

Я чувствовал, что Скрипичник ищет меня в одном из соседних миров. Серная ванна, несомненно, остудила его пыл, и он стал вести себя более осмотрительно. Мои ощущения говорили мне, что он успокоился, осторожно проник в следующее измерение и, пользуясь своим могуществом Темного Властелина, начал искать меня там. Погоня не была в его натуре; он предпочитал сидеть в засаде, как паук в паутине, и ждать, когда добыча придет к нему сама. Он проанализирует все измерения в этой энтропической сфере, каталогизирует их и начнет уничтожать те, где я мог бы укрыться. Постепенно и методично он изолирует меня и схватит.

Конечно, такой план поиска гарантировал успех лишь в том случае, если я надеялся уцелеть в нашей схватке. Несомненно, Скрипичнику уже приходило в голову, что мне все равно, останусь ли я в живых. В конце концов в определенном смысле я уже одержал победу. Я уничтожил с его помощью Пигмалиона, представлявшего страшную угрозу для Земли, и запер его, Скрипичника, в ловушке. Как только другие Темные Властелины узнают об этом, эта сфера станет Шкатулкой Пандоры, которую никто не откроет из страха освободить Скрипичника.

Протискиваясь в Бирюзу через дыру, которая закрылась сразу после того, как я вылез, я понял, что такое допущение в отношении меня одновременно и верно, и неверно. Я и в самом деле хотел жить, как и всякая живая тварь, иначе я позво-

лил бы себе совершить лебединый прыжок в серное море и покончил бы со всем этим.

С другой стороны, я привык относиться к смерти иначе, чем другие. Всю жизнь я учился убивать и исполнял задания Скрипичника умело и отважно. Только одному врагу, узнавшему о моем существовании, удалось меня остановить, и то только после своей гибели. Он убил мою прежнюю личность и возродил меня в своем образе. Потом я снова умер от рук «арийцев», но еще раз воскрес для того, чтобы одолеть Темного Властелина.

Что-то подсказывало мне, что в третий раз смерть не будет столь милостива ко мне.

Но это не так уж важно, если мне удастся прихватить с собой Скрипичника.

Если бы Скрипичник дышал мне в затылок, я бы выбрал обходной путь через очень холодное протоизмерение, которое находилось впереди и немного ниже. Но он изменил тактику, и это дало мне немного времени. Поэтому я направился прямым курсом через протоизмерения туда, где он должен был бы ожидать моего появления. Для существа, стремящегося выжить, это место было благословенным убежищем. Скрипичник предполагал, что я направляюсь туда, и еще на подходе я почувствовал, что он идет за мной.

Я возник в измерении Тития на вершине каменного холмика, откуда открывался вид на долину, где лежал прикованный к скале Титан. Стая бронзовых хищников покрывала его грудь, словно кольчуга. Металлические клювы вспыхивали

в полуденном солнце и появлялись снова, окровавленные. Пиршество сопровождалось воплями обезумевшего от боли гиганта.

— Это будет самым легким наказ-з-занием из-з тех, что я для тебя придумаю, моя з-забава, — появление Скрипичника вполне могло соперничать по элегантности с моим появлением. Его верхняя левая рука по-прежнему беспомощно свисала из разбитого плечевого сустава, а нижняя рука на той же стороне превратилась в культю, обгоревшую начисто до первого сочленения. Но несмотря на раны — а возможно, как раз из-за них, — он выглядел ужасающе, как никогда.

— Игра окончена, Скрипичник. Ты проиграл.

— Я?! Как ты самонадеян!

— Яблоко от яблони недалеко падает. — Я спрыгнул со своего насеста и переместился вправо, подальше от его уцелевших конечностей. — Я — семя, которое ты посеял, фруктовое дерево, которое ты взрастил. Теперь тебе настало время вкусить горький плод.

Скрипичник вперил в меня уничтожающий взгляд, потом запрокинул голову кверху. Его передние конечности замелькали в воздухе, словно он отбивался от тучи комаров. Я почувствовал, как в нем вспыхнули раздражение и досада, но он даже не подозревал об истинных размерах свалившегося на него бедствия.

Бронзовые хищники, простая программа которых побуждала их выбирать в пищу самое крупное существо в измерении, оставили свой ежедневный

обед и налетели на Скрипичника. Он замолотил по воздуху руками и, сбив нескольких птиц на землю, растоптал их и разбросал по земле останки. Но другие хищники подныривали под его руки, целились в глаза, набрасывались сзади. Больше дюжины тварей устремились прямо на рану, которую статуя пробила в его верхнем плече.

От Скрипичника прокатилась волна гнева, и я увидел вокруг него марево: он начал перемещение в другое измерение. Внезапно марево пропало, и картинка вокруг него снова приняла четкие очертания. Хищники набросились на правую переднюю конечность, которой Скрипичник пытался прорвать дыру в соседнее измерение. Его трехпалая лапа царапала по чему-то невидимому, что, должно быть, было более скользким, чем замерзшее масло, и более твердым, чем алмаз, поскольку ему не удавалось ни ухватиться, ни пробить оболочку протоизмерения.

— НЕТ! — Темный Властелин посмотрел вниз, и зеленые зрачки его глаз-пульсаров остановились на мне. — Ты же не хочешь оказаться в ловушке вместе со мной, Койот. Освободи меня, и я подарю тебе жизнь.

Я громко рассмеялся и стал наблюдать за птицами, рвущими его тело. Черные окровавленные куски плоти летели в разные стороны. Птицы не утруждали себя едой, они просто жадно бросались на его тело. Они зарывались в его экзоскелет, и на место каждой птицы, которую он вырывал из тела и давил пальцами, налетало несколько новых.

Я посмотрел на землю и увидел шестеренки, которые целенаправленно катились к одному месту. У меня возникло ощущение, будто я смотрю замедленный мультфильм, потому что обломки и осколки птиц собирались в кучки и неторопливо соединялись, превращаясь в еще более сильных и крупных хищников. Эти металлические орлы — некоторые из них были такими большими, что могли бы запросто перевозить пассажиров или грузы на Земле, — кидались на Скрипичника с новой яростью.

Небо над Темным Властелином окрасилось в бронзовый цвет заката, хотя солнце по-прежнему стояло в зените. Птицы собирались в огромные стаи и издалека казались рассерженным пчелиным роем. Воздух гудел от механических победных воплей.

Скрипичник закачался и упал, и тут я увидел кое-что интересное. Куски плоти, бесцеремонно выдранные из Темного Властелина, не лежали себе спокойно на месте. Я увидел, что они подергиваются, и их рваные края подворачиваются внутрь. Постепенно куски мяса принимали форму мешочков. Они быстро высыхали, а высохнув, принимали самые разнообразные оттенки — от цвета слоновой кости до оникса.

Что-то шевелилось внутри этих разноцветных коконов, потом один из них раскололся по темному шву. Из трещины высунулась до боли знакомая голова, потом восьминое существо вытящило себя на волю. Пока оно выбиралось из щели, я заметил, что задний конец кокона втягивается

внутрь. В конце концов он свернулся внутри и превратился в брюшко миранджейки.

Все новые и новые коконы превращались в маленьких миранджеек. Я оглянулся на тело Скрипичника и сквозь вихрящийся циклон хищников различил, что плоть Темного Властелина пузырится, и из миллионов волдырей высвобождаются миранджейки, подобно тому, как некогда появилась на свет Вета.

— Ты ждал, что это произойдет, не так ли?

Я повернулся и кивнул Алмазной Императрице:

— Механизм другой, результат тот же. — Я показал на стайку миранджеек, которые теперь совместными усилиями оттаскивали коконы от каркаса и быстро сортировали их по цветам и другим признакам, которые ускользали от моего понимания. — Наверное, я мог бы догадаться, что возрождение расы Скрипичника возможно. Ведь я же видел рождение Веты.

Две миранджейки цвета слоновой кости принесли кокон, размером с футбольный мяч, и положили мне его на руки. Я почувствовал, как в нем бьется жизнь. Внешняя поверхность кокона состояла из разных на ощупь кусочков. Одни участки были мягкими, как хорошо выделанная кожа, другие — сухими и ломкими, словно осенние листья. Вдоль шва на спинной поверхности медленно, словно ртуть, карабкающаяся по трубке термометра в жаркий день, побежала трещина. Существо внутри зашевелилось, кокон раскололся, и оно начало вылезать наружу.

Оно ухватилось жвалами за мое плечо и потащило себя из кокона. Его хватка была слабой, и я понимал: дело вовсе не в том, что создание не хочет причинять мне боль, просто оно физически не способно ущипнуть достаточно сильно. Чахлые передние конечности миранджейки беспомощно барахтались в воздухе, силясь помочь высвобождению, поэтому я оттянул края кокона в стороны и разгладил его, когда он сомкнулся, чтобы прикрыть деформированное брюшко миранджейки.

Переместив руку, я опрокинул малютку-миранджейку на спинку, придерживая ее левой ладонью. Существо разомкнуло челюсти, высвободив мою правую руку, и я подхватил его под брюшко, пристроив на локте, словно младенца.

— Ты был моим питомцем, Койот, — прожужжало существо. — А теперь они отдали меня тебе, з-з-значит, я могу стать твоим.

Голова Скрипичника повернулась к моей спутнице, которая сняла бриллиантовый кулон с шеи, набросила цепочку на тельце существа и застегнула замочек.

— Императрица, я понял, что ты приложила к этому руку, когда не сумел выбраться отсюда. Хорошо сыграно. Теперь ты спасешь меня и сделаешь своим трофеем?

Алмазная Императрица поцеловала создание в лоб и взяла его из моих рук.

— Боюсь, ты не подлежишь спасению.

Она положила его землю и взмахнула над ним руками. Его конечности беспомощно царапнули

бриллиантовую подвеску, потом застыли в неподвижности.

— З-з-значит, конец, — прожужжал он.

У меня на глазах бриллиант начал растекаться по серебряной нити в обоих направлениях. Он затвердевал на цепочке, словно выкристаллизовывался из перенасыщенного раствора, и это бледно-голубое великолепие в одну мгновение обвилось вокруг шеи Скрипичника. Потом мне показалось, будто по цепочке прошли две встречные волны и, миновав друг друга, сошлись с разных сторон у застежки. Кристаллики затвердели и скрутились спиралью, превратив ожерелье в бриллиантовый ошейник.

Когда ошейник начал ритмично сжиматься, и зубцы алмазной пилы вспороли кожу на шее Скрипичника, я сосредоточился на его эмоциях, ожидая, что наткнусь на волну страха или гнева. Ничего подобного я не ощутил, зато уловил слабое ностальгическое чувство обманутой надежды и самодовольство, которое ужалило меня, словно порыв морозного ветра. Когда алмазный тор впился в шею Скрипичника, он посмотрел на меня, и его жвалы шевельнулись.

— Это только начало, моя з-забава.

Тороид превратился в диск, и голова Скрипичника отлетела от тела.

Алмазная Императрица подняла тело Нэтч на цыпочки и чмокнула меня в щеку.

— Я знаю, он казался таким безобидным, но таким он был и тогда, когда начинал свой путь наверх.

Я оглянулся на других миранджеек.

— Есть ли хотя бы малейшая вероятность, что они снова объединятся?

— Без другого синтезатора — нет.

Синтезатор. Я знал, что могу им стать, приняв власть Темного Властелина, и все же не мог заставить себя даже подумать о том, что соберу народ Скрипичника и снова подвергну их мукам, которые они терпели, будучи частью его существа. Нет, пока я жив, пока я дышу, они будут сами себе хозяева, в этом или в другом измерении. Они достаточно настрадались.

Императрица взяла меня за руку и описала в воздухе круг другой рукой. Ее движение вызвало рябь, словно она взбаламутила жидкость и разрушила отразившийся в ее поверхности образ.

— Пойдем со мной, Койот. Мы должны вернуться к твоим друзьям и рассказать им о моей победе.

— Твоей победе?

Ее торжествующая улыбка совершенно не соответствовала образу Нэтч. Таща меня за собой к измерению, где умер Пигмалион, она поправилась:

— О нашей победе, мой милый. Конечно, о нашей.

32

Каким бы ни было измерение Пигмалиона раньше, кончина его создателя плохо на нем отразилась. Когда Алмазная Императрица прита-

щила меня туда, я почувствовал, как утекает жизнь из бесчисленного воинства Пигмалиона, и из мира, в котором оно появилось на свет. Гибель Пигмалиона принесла смерть его воинам, и их отчаяние окатило меня ледяным дождем. Лишенное своего Темного Властелина, но еще обманчиво яркое и теплое, протоизмерение на глазах превращалось в мертвый мир.

Самый мощный очаг жизни сохранился вокруг моих друзей. Казалось, их удивило поведение той, в ком они видели Нэтч. Она втащила меня в измерение, словно юная девушка, тянущая упирающегося поклонника на идиллическую весеннюю прогулку. Алмазная Императрица выпустила мою руку, хихикнула и исполнила пируэт. Она улыбнулась Бату, потом легко побежала, кружась, к упавшей башне.

Когда она отделилась, я пошел к остальным. Они сидели и стояли в тени, отбрасываемой «Апачи» Йонека. Джитт и Раджани сидели рядом с Мики и что-то тихо ему говорили, а Синклер стоял за ними, ласково обняв Раджани за плечи. Бат сидел чуть поодаль, беседуя с Йонеком по-польски, а Кроули, Хэл и Неро Лоринг тесной кучкой стояли в самом центре тени.

Я заставил себя сосредоточиться на радостных улыбках, которыми встретили меня друзья, и отрешиться от страданий автоматов, постепенно умирающих в разрушенном городе и в песчаной пустыне за его пределами. Хотя меня и воспитали убийцей,

результаты моей работы никогда не вызывали у меня радости, и я не хотел бы научиться ее испытывать. Я повернулся к умирающим спиной и с искренней теплотой улыбнулся друзьям.

— Я очень рад, что Скрипичник не расправился с вами прежде, чем погнался за мной. — Я посмотрел на Мики: — Спасибо тебе. Ты спас мне жизнь.

Он кивнул, но как-то вяло.

— Мне не нравится играть грубо.

— Я знаю, но, если бы ты этого не сделал, пострададо бы очень много людей. — Я почувствовал, что Раджани расстроена, и нахмурился. — Ты не виновата, Раджани.

— Виновата, Койот. Когда эта тварь пролезла сюда, Мики немедленно на нее сориентировался.

Я вспомнил облик человека-скорпиона, и это воспоминание наложилось на другое, более раннее. Я улыбнулся:

— Ну, конечно! Эта тварь — гибрид Арриго Эль-Лехтера и полковника Нагашиты. Мики было приказано убить их обоих. Он был нацелен на них.

— Да, но, когда я почувствовала опасность и предупредила тебя, я считала из мозга Скрипичника новую ментальную матрицу, соответствующую той твари, в которую он их превратил. — Она погладила Мики по голове. — Я заменила ею те матрицы, которые хранились у Мики в памяти. Получается, что я взвела курок, и теперь... — Она беспомощно пожала плечами.

— Он поймет, Раджани, и когда-нибудь в будущем поблагодарит тебя. — Я кивнул им обоим, надеясь, что мое предсказание действительно сбывается.

— Если оно наступит, это будущее, — хмыкнул Синклер.

— Наступит. Скрипичника больше нет. — Я расстегнул пряжки своей портупей и повел плечами, высвобождаясь из нее. — Я заманил его в измерение Тития, где выздоравливал после ранения. Там на него набросились хищники.

Синклер нахмурился.

— Он удрал отсюда в ужасной спешке. Что ему помешало вытащить себя оттуда?

Я отцепил ремень и швырнул его на землю. Меня больше не волновало, набьется ли песок в ствол «крайта».

— Темный Властелин может блокировать вход или выход в измерении со сходным своему аспектом. Это проделал, например, Пигмалион со своим миром, — выдернув второй «крайт» из-за поясицы, я подбросил пистолет в воздух, и он, упав, лязгнул о первый. — Мне помогли.

Кроули задумчиво кивнул, потом оглянулся туда, где бродила Нэтч, ища что-то в развалинах башни. Она выпрямилась, сжимая в руке алмаз величиной с кулак.

— Она? Кто же это?

Я поднял бровь:

— Я думал, тебе это ясно, Деймон. Алмазная Императрица.

— Ну конечно! — Он изобразил короткий салют, потом взял у меня из рук «вилди-вульф» и кобуру. — Давно ты о ней узнал?

Я понял, что на самом деле Кроули хотел спросить, почему я не рассказал о ней ему, но ответил на тот вопрос, который он задал:

— Она заключила союз с моим предшественником. Вот каким образом он, который был слеп в других измерениях, сумел узнать о том, что Скрипичник замышляет прорваться на Землю в Фениксе. Аспект Императрицы — спасение имущества, поэтому Койот решил, что она представляет меньшую угрозу, нежели Скрипичник.

Кроули снова кивнул:

— А теперь, когда Скрипичник отдал концы, у нее появилось широкое поле деятельности.

— Правильно, Кроули. — Императрица вернулась ко мне со своим трофеем. — Мне многое нужно спасти, у меня полно дел, но я не проявлю неблагодарности по отношению к вам — ко всем вам. Вы участвовали в моей победе. В новой космологии, которую я создам вокруг себя, вас всех ждет слава и почести в награду за ваши усилия в мою поддержку.

Хэл нахмурился:

— О чем она говорит?

Я криво усмехнулся:

— Императрица весьма горда собой, и не без оснований, потому что она играла на стольких сторонах, что шансы на успех у нее были в лучшем

случае минимальны. Как сказал Скрипичник, сыграно хорошо.

Императрица изобразила на лице Нэтч приговорно-скромную улыбку.

— Ты слишком любезен, Койот.

— Разве? Идея использовать Нэтч в качестве агента, чтобы установить контакт с Койотом и приглаживать за ним, была поистине блестящей. Через нее ты могла подталкивать Койота к действиям, которые путали карты твоим соперникам. Ты даже основала на Земле базу, но никогда не позволяла своим Жнецам слишком высываться, чтобы они не привлекли внимания Темных Властелинов — твоих соперников. Как только у кого-нибудь из Жнецов появлялись амбиции, ты давала Койоту знать об их деятельности, и эти добрые люди аккуратно загоняли твою организацию назад в рамки. — Я сложил руки на груди. — Да, теперь мне многое становится ясно. Мистер Лейч был Жнецом. Он забрал меня из «скорой помощи», а это означает, что он находился непосредственно в твоём подчинении. Я все гадал, какая связь между ним и Нерис Лоринг, а теперь я знаю: это была ты. В первую ночь, когда я увидел ее, на ней был перстень с огромным бриллиантом. Ты ухитрилась подменить ее, вот каким образом ты узнала о замысле Скрипичника достаточно много, чтобы предупредить Койота.

— Bravo, Койот, ты необыкновенно умен. — Она ласково погладила правой рукой поверхность алмаза, и под ее пальцами он превратился в

сверкающий всеми гранями бриллиант. — Твой предшественник сделал хороший выбор.

— Но недостаточно хороший, да? Держу пари, ты думаешь именно так. — Я бросил взгляд на гору сверкающих бриллиантов, которая возвышалась за ее спиной. — Дай-ка подумать. Ага, поскольку Пигмалион не умел создавать межпространственные врата — равно как и Скрипичник, иначе он давно бы привел в действие свои, которые не работали, — ты уговорила его заключить союз. Ты спасла часть врат и вживила ее в эталонный образец, по которому Пигмалион построил свою башню. Он принял твоё предложение и пошел на сделку, согласно которой ему бы досталась Земля и, вероятно, несколько других измерений. Он зашел так далеко, что даже украшал твою честь бриллиантами людей, которых переделывал в ходе своих экспериментов.

— Пигмалион уже имел дело с внеземными формами жизни и без труда поддался на мои уговоры и лесть. Тем более что у него тогда земля горела под ногами — он в первый раз удрал от Скрипичника. — Императрица непринужденно пожала плечами. — Он прямо-таки загорелся желанием помочь, когда я пожаловалась, что не умею создавать такие прекрасные вещи, какие делает он.

Кроули покачал головой:

— Бедняга так и не понял, что спасатель имущества может только спасать и присваивать то, что некогда было создано, а потом уничтожено.

— Поэтому, — подхватил я, — тебе нужен был не только конструктор, но и тот, кто мог бы уничтожить Пигмалиона и его игрушку. А это означает, что твой главный трофей — эта груда алмазной пыли.

Алмазная Императрица кивнула. Она закончила свои манипуляции с алмазом, взяла переливающийся камень пальцами левой руки и подняла его перед собой.

— Блестяще, просто блестяще! Наверное, я действительно недооценивала тебя, Койот. Вы видели золотые и серебряные узоры в кристаллах, когда в башню хлынула энергия? Проще всего можно объяснить вам, что произошло, так: этот узор — грубый аналог компьютерной программы. Энергия как бы фиксирует его в кристалле, подобно тому, как программу прожигают в микросхеме на кремниевой основе. В данном случае программа была зафиксирована в алмазах голографически. Посмотрите на этот алмазный курган. Когда эти камни оправят и превратят в ювелирные украшения, у меня появится прямая связь с людьми, которые будут их носить. — Она медленно поворачивала камень так, чтобы солнце вспыхивало и искрилось в его гранях. — Я позаимствовала эту идею у Хоуп Даймонд — время от времени мне перепали крохи с ее стола. Бриллиант — изысканный, совершенный камень, и немислимые страдания, связанные с ним, слаще любого вина. Мне пришло в голову, что люди всегда боготворят бриллианты, всегда жаждут ими обладать. Они дер-

жат их при себе, когда счастливы, и расстаются с ними крайне неохотно. — Алмазная Императрица рассмеялась и посмотрела на Хэла Гаррета. — Вспомни о нем, Хэл, вспомни о бриллианте, который ты подарил жене, когда просил ее выйти за тебя замуж. Подумай о тревоге, которую она изливала на него, когда ты получал травмы во время игры. Подумай об одиночестве, символом которого он становился, когда ты надолго уезжал из дома. Подумай о том, как он стал средоточием боли и сомнений, и даже смертной муки, когда она поняла, что умирает, потому что вышла за тебя замуж.

Хэл устоял на ногах, но боль изверглась из него расплавленной лавой. Я шагнул вперед и встал между ним и Императрицей.

— Достаточно. Ты объяснила свою мысль.

— Да, но вы еще не постигли всей ее глубины. Вообразите, хотя бы на секунду, какое море боли я получаю от одних только распавшихся браков. Вся ярость, весь стыд обманутых супругов становятся моими. Я получаю страдания преданных и горе тех, кто оплакивает смерть любимых. — Она закружилась в танце, словно девчонка, которая впервые влюбилась. — А если драгоценность украдена, еще лучше. Страх вора — Хоуп Даймонд подтвердит — питательнейший нектар. Если камень найден и возвращен владельцу — просто великолепно. Паранойя и страх у того, кто потерял и снова обрел, превосходит по своей сладости даже жадность и алчность. — Алмазная Импе-

ратрица остановилась и махнула свободной рукой в сторону алмазной горы. — Угощайтесь, прошу вас. Разделите со мной эту радость. Будьте моими первыми обожателями. Я вознесу вас на недостижимую высоту. Вам не захочется ни рабов, ни других наслаждений. Вы станете первыми среди многих, станете моим авангардом на случай, если завистливые Темные Властелины по глупости попытаются выступить против меня.

Бат встал и сжал кулаки.

— Почему это каждый Темный Властелин полагает, что мы жаждем стать его или ее лизоблюдами?

Я щелкнул пальцами, и Императрица повернулась ко мне:

— А если мы откажемся?

— Тогда почести, которыми я думала вознаградить вас, достанутся вам посмертно. Вместе вы представляете для меня угрозу. — Она потеряла бриллиант, словно яблоко, об одежду на груди. — Вы помогли мне уничтожить Скрипичника и, если я оставлю вас в живых, можете связаться с Бароном Самдеем, Мидасом или даже с Нимродом. Вы способны причинить мне крупные неприятности.

— Ты совершенно права! — Бат пошел на нее с поднятыми кулаками. — Обещаю, это будет не больно.

— Нет, Бат! — рывкнул я на него. Это было предостережение, а не просьба, но он понял, что я предостерегаю его не от опасности, которую может представлять для него Императрица. — Она моя!

Императрица посмотрела на меня и покачала головой:

— Скрипичник отлично тебя обучил. Тебе нет равных в твоём ремесле, но в данном случае его не хватит.

— Раньше бы не хватило, а теперь хватит. — Я раскинул сознание сетью и впитал в себя горе и боль умирающих воинов Пигмалиона, как губка впитывает в себя воду. Я принял в себя их страх перед смертью, смешанный с беспомощностью и жалобными мольбами, призывающими смерть поскорее положить конец их мучениям. Я посмаковал эту смесь и выпил ее. Она взорвалась у меня в желудке стопроцентным спиртом и распространила по телу жар, сравнимый с жаром сверхновой.

Выражение лица Нэтч изменилось. Алмазная Императрица поняла, что я сделал.

Смелый ход, Койот. Отчаянный риск, но я питаю уважение к тем, кто на него способен. Пусть наша игра закончится вничью. Я заберу свою добычу и немедленно вас покину.

Я отрицательно покачал головой. Я не мог допустить, чтобы она ушла от меня, и поэтому решил запереть своей волей это измерение. Мне казалось, что аспект синтезатора должен быть близок к аспекту строителя, и скорее всего мне удастся заковать этот мир в броню. Я мысленно представил себе, как заключаю его в непроницаемую оболочку.

Новое солнце, черное солнце, появилось на небе и затмило старое. Чернота растеклась от него по небесному своду, подобно чернильному облаку, расползающемуся в воде. Температура в мгновение ока упала на шестьдесят градусов, но внутренний огонь не давал мне замерзнуть. Холодный ветер ударил мне в спину, и на бриллианте Императрицы Алмазов появился иней.

— Ты не можешь! — вскричала она.

— Еще как могу. — Я впился взглядом в лицо Нэтч и в одно мгновение пробил внешнюю оболочку. Я проник взглядом в ее глаза и по оптическим нервам достиг мозга. Я начал проталкиваться дальше, сужая свой фокус и проникая все глубже, на клеточный уровень. Я вошел в ее клетки и сжимался до тех пор, пока митохондрия, плавающая в протоплазме, не стала казаться мне дирижаблем. Но и на этом я не остановился, а продолжал сокращаться в размерах, пока ДНК из спутанного мотка пряжи не превратилась в переплетение всех дорог мира.

Я расщепился миллион миллиардов раз и распространился по ее телу, словно бацилла. Я двигался быстрее пучка нейтронов и производил еще меньше разрушений. Я опять превратился в охотника и делал то, чего Скрипичник всегда от меня требовал: искал свою неуловимую добычу в самых неожиданных местах.

Я нашел Императрицу. Она съежилась в глубине клеток, рассеянных по всему телу Нэтч. Я сосре-

доточил свои силы, окружил частички Императрицы и погнал ее перед собой. Я чувствовал ее страх, но не хотел его впитывать, потому что боялся заразиться им или отвлечься от главного дела.

Императрица, как и Скрипичник, чувствовала себя вольготнее, действуя чужими руками, и избегала прямых столкновений. Она обладала могуществом и могла бы меня уничтожить, но предпочитала бежать, надеясь ускользнуть от меня при помощи хитрости. Она не подозревала, что оставляет за собой след, который я не упущу, как бы она ни старалась его замаскировать. От нее несло смертью, и я знал, что обязан ее преследовать, потому что она и в самом деле была моей.

В последней попытке улизнуть от меня она нырнула в бриллиант, который держала Нэтч. Я промчался мимо нее и вернулся в собственное тело, прочитав ее намерение создать из алмазов воина, подобного обсидиановому воину Пигмалиона. Ее план оформился, и она лишь на мгновение замешкалась, размышляя, как высвободить его из алмазной горы, но в это мгновение я ее поймал.

Я вырвал бриллиант из руки Нэтч и поднял перед собой, крепко зажав его в левой руке. Я всмотрелся в камень, пытаюсь увидеть, приняла ли она в нем какой-нибудь образ, но не увидел ничего. Без раздумий, без сожаления я стиснул кулак и отнял у нее жизнь.

Открыв ладонь, я ссыпал алмазную крошку на землю и искал в ней хоть какие-то следы

Императрицы, но почувствовал только ее смерть. Я впитал ее в себя и позволил себе согреться ее теплом. Я победил. Я уничтожил ее. Я стал Темным Властелином, принял могущество Темного Властелина, но избежал их пороков. Я убил Императрицу Алмазов и знал, что покончил с самой серьезной опасностью, когда-либо угрожавшей Земле.

Я слышал вокруг себя радостные крики друзей, но что-то привлекло мое внимание к Нэтч. Еще раз я вторгся в нее и съезжился до таких размеров, что двойная спираль ее ДНК нависла надо мной, словно Млечный Путь в прозрачном чистом небе. Я дивился ее поразительной простоте. Всего четыре нуклеотида, сцепляясь в длинные цепочки, составляли всю информацию о том, чем была Нэтч и чем она когда-либо будет.

Я устремил свое сознание дальше, следуя извилистым путем вдоль хромосомы. Молекулы аденина соединялись с тиминном, гуанина — с цитозинном, складываясь в бесконечные повторяющиеся узоры. Двигаясь дальше, я понял, что парю вдоль хромосомы 11. Я знал, что она состоит из генов, без которых не может существовать ни одно человеческое создание. Тут я почти безотчетно замедлил движение и стал разглядывать простирающиеся подо мной 1720 основных пар, составляющих ген, который отвечал за производство бета-глобулина — одного из четырех белков, входящих в состав гемоглобина. Благодаря ему крас-

ные кровяные шарики разносили кислород из легких по всему организму.

Изучая цепочку, я понял, насколько она важна. Любые изменения, любые нарушения в ее коде окажутся роковыми, если распространятся по всем клеткам тела. Если я заменю одну пару тимин-аденин на пару цитозин-гуанин, клетка наполовину перенастроится на производство гемоглобина-М. А если я сделаю такую же замену на том же участке второго экземпляра хромосомы 11, дефектную форму бета-глобулина начнет производить и эта клетка, и те клетки, которые возникнут в результате ее деления.

А если я проделаю такую операцию со всеми клетками тела Нэтч, она заболит «черным зевом» и умрет. Если же произвести такую замену только в яйцеклетке, а потом в половых клетках Бата или другого партнера, которого она выберет, у них родится ребенок со смертельным недугом. Нэтч оплачет умершего младенца, а потом захочет родить другого, и его тоже унесет смерть.

И я вдруг понял, что хочу произвести такую замену.

И понял, что стоит за этим открытием.

«Это только начало», — сказал мне Скрипичник, умирая. Он не сожалел о своем уходе, он встретил смерть, источая самодовольство, от которого меня пробрал холод. Давным-давно он поклялся, что не повторит ошибки, которую допустил с Пигмалионом. Он лишил меня возможности

принять могущество Темного Властелина без его одобрения.

Теперь я знал, почему он не противился смерти и почему мне удалось помешать Императрице сбежать из этого измерения. Я не был ни синтезатором, ни конструктором. Этот мир потерял Темного Властелина, который определил его законы и свойства. Гибель Пигмалиона придала его протоизмерению тот же аспект, которым наградил меня Скрипичник.

Смерть.

Скрипичник решил не допустить, чтобы его провели и предали еще раз. Он сформировал из меня безжалостного охотника, неотступно преследующего врагов своего господина, но не ограничился этим. Он сделал из меня бомбу замедленного действия. Он дал мне аспект, который заставлял меня жаждать смерти других. Меня влекло желание нести смерть; я черпал из нее свою силу. А так как смерть неизбежно приходит ко всем тварям, любое живое существо рано или поздно станет пищей, укрепляющей мое могущество.

Теперь, когда я принял власть Темного Властелина и вкусил смерти, ход моих действий определен. Мое дело — нести смерть и наслаждаться ею. Я уничтожу всех врагов Скрипичника, потому что смерть сильных мира сего будет для меня гораздо слаще и принесет мне гораздо больше могущества, чем смерть обычного существа.

Но, когда других Темных Властелинов не останется, я не смогу остановиться. Я буду кочевать из измерения в измерение, оставляя после себя пустые, лишённые жизни миры.

И это будет продолжаться до тех пор, пока не останется ничего, что можно было бы убить, и тогда я пожру самого себя. Скрипичник, мой создатель и повелитель, в конечном счете одержит победу над всеми, и даже надо мной, человеком, убившим его.

Ничего не сделав Нэтч, я вернулся в собственное тело, и тут же в мое сознание просочилась мысль, подслушанная у Кроули. *Если Койот может читать мои мысли...*

— Не могу, Кроули, не могу, — солгал я, поворачиваясь лицом к нему и к пуле, выпущенной из пистолета, который я ему дал.

ЗАЩИТНАЯ РЕАКЦИЯ

33

Джитт Рэйвел открыла глаза, когда Кроули отпустил ее руку, и обнаружила, что стоит в глубоком ущелье на красной планете. Над ней возвышались огромные красные каменные стены, упирающиеся в черную реку ночного неба, усеянного точечками звезд. Она не чувствовала ни тепла, ни холода, но место показалось ей таким же безводным, как аризонская пустыня в разгар лета.

Джитт привели сюда последней, но остальные держались в отдалении. Мики, высокий и сильный, как всегда, качал на руках толстощекого черноволосого малыша. Старик-индеец, прадедущка мальчика, шевелил губами, как будто что-то тихо бормотал ребенку. В нескольких шагах от них стоял Риухито, внимательно наблюдая за Мики, и маленький сухенький старичок в оранжевом одеянии тибетского монаха. Хотя Джитт видела их и знала, что они видят ее, но они казались ей невероятно далекими, словно находились совсем в другом измерении.

— Я подумал, может быть, вы захотите повидать их напоследок, — сказал Кроули. — И увидеть вот это.

Человек-тень шагнул в сторону, и Джитт увидела глубокие буквы, вырезанные на красной скале.

— «Тихо Кейн», — прочитала она вслух. — «Рожденный, чтобы стать бессмертным, он умер, избрав верность человечеству». — Она улыбнулась и кивнула Кроули: — Ему бы это понравилось. Очень.

— Надеюсь. Он сделал трудный выбор.

— Как и другой Койот, до него.

— Да. Совершенно верно. — Кроули повернулся и посмотрел на группку из пяти человек. — Пройдя обучение в Кангенпо, каждый из них узнает все, что необходимо знать, для того чтобы когда-нибудь стать Койотом и принимать трудные решения.

Кроули поднял руку и помахал им. Они повторили его движение, словно в зеркале. Мики сделал прощальный жест сам и помог помахать ручкой Ричарду, сыну Уилла. Джитт помахала в ответ и почувствовала, как к горлу подступает комок. Монах повернулся и повел всех за собой по каньону, а потом наверх, по воздуху. По мере того как они удалялись, их силуэты таяли и вскоре совсем растворились в звездном ночном небе.

Джитт откинула назад прядь белокурых волос, упавших ей на лицо.

— Смогут ли они научиться всему необходимому, чтобы в надлежащее время противостоять другим Темным Властелинам?

— Сын Уилла, скорее всего, да. У него самые лучшие шансы, поскольку он вырастет в Канген-

по. Мики тоже достаточно молод в интеллектуальном смысле; не сомневаюсь, он многое усвоит из того, что может предложить монастырь. — Кроули едва заметно пожал плечами. — Риухито — другое дело, но возможность есть и у него. Воспитание и жизненный опыт принца подготовили благодатную почву, и он готов усердно трудиться. Думаю, роль слуги Пигмалиона казалась ему унижительной, и он чувствует себя в огромном долгу перед Ричардом, потому что стал причиной гибели его отца.

Джитт кивнула. То, что сказал Кроули, совпало с ее собственными выводами.

— А что сказал японский император, когда узнал, что Риухито не вернется?

Кроули поскреб подбородок, и на руке его блеснуло золотое кольцо.

— Император любил внука, и это известие радости у него не вызвало. Но, с другой стороны, он счастлив, что Риухито жив и не успел наделать непоправимых бед. Чтобы возместить причиненное внуком зло, император заставил нескольких «зайбацу» вложить деньги в заводы к востоку от Феникса и в совместные предприятия с «Лорикой». Эти инвестиции помогут обеспечить рабочими местами тех, кто уцелел во время сражения в Бирюзе.

— Неплохо. — Джитт сложила руки на груди и попыталась унять охватившую ее дрожь. — Как вы думаете, у нас достаточно времени, чтобы какие-нибудь из наших планов успели принести

плоды? Синклер и Раджани решили пожениться и удочерить сестру Мики. Неро Лоринг вновь стал во главе «Лорики», а его дочь набирается опыта, чтобы когда-нибудь заменить старика.

— Знаю, знаю. Бат вернулся на арену, Нэтч все еще прячется в Затмении, Хэл с головой ушел в дела фонда «Солнце Надежды»... — Кроули кивнул. — Думаю, у нас наступит передышка. Надеюсь на это. Сейчас у Темных Властелинов и без нас есть о чем беспокоиться. Четверо из них погибли в битве за Землю. Пока они не знают подробностей, знают только, что там, где Темные Властелины были раньше, теперь их нет. В настоящий момент они дерутся между собой за владения Императрицы Алмазов и Скрипичника. Кроме того, оставшиеся Темные Властелины знают, что все погибшие были либо связаны с Койотом, либо вели с ним борьбу. Им известно, что Койот — человек, и это вызывает у них тревогу.

— Сколько времени им понадобится, чтобы сообразить, что Койота больше нет?

Кроули вытянул руку и смахнул красную пыль с первой буквы имени Тихо Кейна.

— Хороший вопрос, не правда ли? Нам нужен Койот, нужен человек, который продолжит его дело. До тех пор, пока Темные Властелины думают, что Койот может их уничтожить, они будут осмотрительны. Они не станут предпринимать решительных действий, а будут осторожно прощупывать почву. Они не позволяют себе вступить в схватку, которая может подорвать их могущество,

ведь при первом же признаке беды их соперники накинута на владения ослабленного собрата, как стая стервятников на труп павшей лошади.

Джитт провела кончиком языка по губам.

— Значит, вы собираетесь взять на себя эту миссию? Вы сами признали, что должно пройти какое-то время, прежде чем даже Риухито сможет стать Койотом.

Судя по голосу, Кроули удивил ее вопрос.

— Я? Койот? Нет, не думаю. У меня и так слишком много имен, и внеземные твари слишком хорошо меня знают — я причинил им немало неприятностей. Они никогда не поверят, что я — Койот.

— Но вам удалось убить Кейна, а он в тот момент был Темным Властелином. — Джитт пристально посмотрела на своего спутника. — До сих пор Темного Властелина мог уничтожить только Темный Властелин. Значит, вы — Темный Властелин, мистер Кроули?

Кроули покачал головой:

— Нет, я не Темный Властелин. Я нажал на спусковой крючок пистолета Койота, но убил его не я. Он прочитал мои мысли и знал, что я собираюсь делать еще до того, как я начал действовать. Он понял, что его аспект — смерть, и решил уйти прежде, чем захватит нас всех с собой. Так что и в этом случае Темного Властелина убил Темный Властелин. — Он помолчал. — Нет, Джитт, я не могу стать Койотом. Я не из того

материала. Совсем не из того. — Кроули посмотрел ей в глаза. — А вот вы — да.

— Я — Койот? Я никогда не смогу...

— Чепуха, Джитт. Когда Койот был ранен, вы взяли руководство группой на себя. Его предшественник настолько верил в ваши способности, что поделился с вами — и только с вами — своим замыслом привлечь Кейна на нашу сторону. — Кроули положил руки ей на плечи. — Когда мы вернулись из измерения Пигмалиона, вы немедленно сели за компьютер и помогли Лилит и Неро обнаружить последние бомбы, заложенные людьми Дариуса Мак-Нила. И вами движет не чувство долга перед первым Койотом — этот долг вы давно уже выплатили. Просто наша борьба стала и вашей.

Слова Кроули подняли вихрь самых противоречивых чувств в душе Джитт. Вся жизнь промелькнула перед ней, словно серия слайдов. Большинство картинок относились к тому периоду, когда она повстречалась с Койотом. Джитт видела его доброе лицо и слышала теплые слова похвалы за усердие. Потом мелькнуло несколько сценок из детства — в то время Пигмалион еще не похитил ее и не начал работать над ее внешностью, — но Джитт быстро от них отмахнулась. В конце концов все эти образы сплывались в образ стеклянной статуи уродца, которую Пигмалион создал, а она вдребезги разнесла пулей.

Я уже не тот беспомощный ребенок. Я — Джитт. Она на миг засомневалась, потом кивнула себе. Я смогу быть Койотом.

— Знаете, это будет непросто. — Кроули обнял ее левой рукой за плечи. — Вам придется научиться путешествовать по измерениям и еще многим другим фокусам.

Джитт изогнула бровь:

— А я не могу отправиться в монастырь и учиться вместе с остальными?

Кроули засмеялся:

— Боюсь, что нет, Джитт. Женщин туда не допускают. Но я могу быть вашим наставником в тех науках, которыми вы захотите овладеть. Ну а потом...

— Вы будете помогать мне? — Джитт выжидающе на него посмотрела. — Время от времени, когда возникнет необходимость?

— С удовольствием, мисс Рэйвел. — Человек-тень церемонно поклонился.

— К чему такие формальности, Деймон? — Джитт улыбнулась и взяла его под руку. — Почему бы вам, исключительно простоты ради, не называть меня просто... Койот?

• Литературно-художественное издание

Стэкпол Майкл

Зло торжествует

Редактор К.Е. Россинский

Художественный редактор О.Н.Адаскина

Компьютерный дизайн А.А. Воробьев

Технический редактор О.В. Панкрашина

Подписано в печать 2.12.99.

Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура Таймс.

Печать высокая. Усл. печ. л. 22,68.

Тираж 7 000 экз. Заказ № 3937.

Налоговая льгота – общероссийский классификатор продукции
ОК-00-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

Гигиенический сертификат

№ 77.ЦС.01.952.П.01659.Т.98 от 01.09.98 г.

ООО «Фирма «Издательство АСТ»

ЛР № 066236 от 22.12.98.

366720, РФ, Республика Ингушетия,

г.Назрань, ул.Московская, 13а

Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU

E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Книжной фабрике № 1 Госкомпечати России
144003, г. Электросталь Московской обл., ул. Тевосяна, 25.

ОНИ ШЛИ ИЗ РАЗНЫХ КОНЦОВ ЗЕМЛИ.
ШЛИ РАЗНЫМИ ДОРОГАМИ. ИХ ПЫТА-
ЛИСЬ УБИТЬ — СНОВА И СНОВА, НО
УБИТЬ ИХ БЫЛО НЕПРОСТО. ОНИ —
ТРОЕ. ТЕ, ЧЬИ ПУТИ ДОЛЖНЫ ОДНАЖДЫ
СОИТИСЬ. ПОТОМУ ЧТО ТАКОВА ЕДИН-
СТВЕННАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ НАДЕЖДА ЛЮ-
ДЕЙ НА ВЫЖИВАНИЕ.

ПОТОМУ ЧТО ЗЛО ЖИВО. ПОТОМУ ЧТО
ЗЛО ТОРЖЕСТВУЕТ, МОГУЩЕСТВЕННОЕ
И БЕЗНАКАЗАННОЕ. ПОТОМУ ЧТО РОЖ-
ДЕННЫЕ ТЬМОЙ — ВСЕ СИЛЬНЕЕ, И ВСЕ
БОЛЬШЕ СТАНОВИТСЯ ТЕХ, ЧТО, УТРАТИВ
ПАМЯТЬ, ВОЛЮ И ДУШУ, ОБРАТИЛИСЬ
В МАРИОНЕТКИ МРАКА.

ВСЕ БОЛЬШЕ ЗЛА. ВСЕ БОЛЬШЕ КРОВИ.
ВСЕ БОЛЬШЕ СМЕРТИ.

ВСЕ МЕНЬШЕ ОСТАЕТСЯ ВРЕМЕНИ...

ISBN 5-237-04452-2

9 785237 044522